

L. eleg. g. 585 $\frac{x}{-}$ 13

<36631991160011

S

<36631991160011

Bayer. Staatsbibliothek

L. eleg. g. 585^x
13

И. И. ДМИТРИЕВЪ.

*Онъ съ честью былъ Министръ, со славою Поэтъ;
Теперь для дружества и счастія живетъ.*

С О Б Р А Н І Е
ОБРАЗЦОВЫХЪ РУСКИХЪ
СОЧИНЕНІЙ
И
ПЕРЕВОДОВЪ ВЪ СТИХАХЪ.

169-с)
Со-55

ИЗДАННОЕ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕ-
СТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Musa dedit fidibus Divos, pueros que Deorum,
Et pugilem victorem, et equum certamine primum,
Et juvenum curas, et libera vina referre.

.....
Cyrtaeusque mares animos in Martia bella
Versibus exacuit.

HORATIUS de arte Poëtica.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1815 ГОДА.

79/72/157

32 ВС

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ, чшобъ по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Минисперства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 17 дня 1816 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тиликовскій.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Баллады.

	Стран.
I. Людмила	1.
II. Громваль	10.
III. Старинная любовь	23.
IV. Болеславъ, Король Польскій	25.
V. Пустынникъ	28.
VI. Свѣплана и Мстиславъ	35.
VII. Золова арфа	51.
VIII. Двенадцать спящихъ дѣвъ	62.
IX. Раиса	96.
X. Свѣплана	100.

Сказки.

I. Илья Муромецъ	113.
II. Воздушныя башни	130.
III. Телема и Макаръ	136.
IV. Амуръ, лишенный зрѣнія	142.
V. Модная жена	151.
VI. Альнаскаръ	158.
VII. Причудница	164.

Басни.

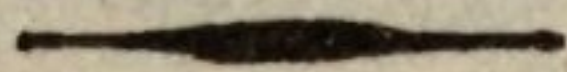
I. Дубъ и Трость	181.
II. Морь звѣрей	182.
III. Мирза и Соловей	186.
IV. Обезьяны	187.
V. Баронъ	188.
VI. Волкъ-паспухъ	190.
VII. Пчела	192.

VIII.	Воспитаніе льва	192.
IX.	Волчье разсужденіе	197.
X.	Конь и Осель	—
XI.	Обозъ	198.
XII.	Спроишель	—
XIII.	Спарикъ и шрое молодыхъ	199.
XIV.	Два Голубя	201.
XV.	Муха	205.
XVI.	Левъ и карпина	206.
XVII.	Ласточка и пшицы	—
XVIII.	Фениксъ	209.
XIX.	Марпышка и Кошка	210.
XX.	Молчаніе соловья	212.
XXI.	Мѣшокъ	—
XXII.	Кашей и его Сосѣдъ	214.
XXIII.	Мышь, удалившаяся отъ свѣта	216.
XXIV.	Лисица-кознодѣй	218.
XXV.	Жаворонокъ съ дѣтьми и Земле- дѣлецъ	221.
XXVI.	Левъ, учредившій совѣтъ	223.
XXVII.	Волкъ и Ягненокъ	224.
XXVIII.	Филомела и Прогна	226.
XXIX.	Богачъ и Бѣднякъ	228.
XXX.	Пустынникъ и Фортуна	230.
XXXI.	Филинь и Мудрецъ	231.
XXXII.	Прохожій	232.
XXXIII.	Тѣнь мужняя и Харонъ	233.
XXXIV.	Комаръ и Журавли	234.
XXXV.	Орлы	235.
XXXVI.	Барсъ и Бѣлка	237.
XXXVII.	Лягушки, просящія царя	239.
XXXVIII.	Два сосѣда	242.
XXXIX.	Крестьянинъ и Смерть	244.
XL.	Заяць и Лягушки	245.
XLI.	Лиса проповѣдница	246.

XLII. Ощипанный пѣпухъ	249.
XLIII. Разбитая скрипка	250.
XLIV. Орель и Бабочка	—
XLV. Амуръ, Гимень и Смерть	252.
XLVI. Кедръ	—
XLVII. Дубъ, Кусты и Трость	254.
XLVIII. Царь и два пастуха	256.
XLIX. Солнечные часы	258.
L. Рысь и Крошъ	259.
LI. Чижики и Зяблица	260.
LII. Мышь	262.
LIII. Голубка и Бабочка	263.
LIV. Пыль и Алмазь	264.
LV. Лисица и Сорока	266.
LVI. Слѣпецъ и Разслабленный	267.
LVII. Заяць и Медвѣдь	269.
LVIII. Невѣста	271.
LIX. Лошадь съ возомъ	273.
LX. Сверчки	274.
LXI. Орель и Червякъ	275.
LXII. Домовой	276.
LXIII. Оракуль	278.
LXIV. Совѣшь мышей	279.
LXV. Скворецъ, Сорока и Попугай	281.
LXVI. Искартели Форшуны	283.
LXVII. Японецъ	287.
LXVIII. Крынка молока	288.
LXIX. Кошка и Пѣпухъ	290.
LXX. Куры и Голубка	—
LXXI. Кузнечикъ и Воль	291.
LXXII. Лжець	292.
LXXIII. Карпочный домикъ	295.
LXXIV. Змѣя и Угорь	297.
LXXV. Демьянова уха	298.
LXXVI. Снигирь	299.

	<i>Стран.</i>
LXXVII. Мартышка	302.
LXXVIII. Пустынникъ и Медвѣдь	304.
LXXIX. Донъ-Кишопъ	307.
LXXX. Воля и неволя	309.
LXXXI. Ворона	312.
LXXXII. Орель и Змѣя	313.
LXXXIII. Меркурій и Умершіе	—
LXXXIV. Волкъ на псарнѣ	316.
LXXXV. Бекасъ, Снигирь и Воронъ	317.
LXXXVI. Котъ, Кроликъ и Ласпочка	319.
LXXXVII. Метафизикъ	322.
LXXXVIII. Смерть и Умиращій	324.
LXXXIX. Сонъ Могольца	327.
LC. Два Голубя	329.

БАЛЛАДЫ.

BAYLY PR.

БАЛЛАДЫ

I.

А.В. Кокорева

ЛЮДМИЛА *).

„Гдѣ ты, милый? Чѣмъ съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знаешь въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?“
Такъ Людмила, приунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутии вздыхала.
„Возвращишься ль онъ — мечтала —
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратью Славянъ?“
Пыль шуманишь опдаленье!
Свѣтишь ратныхъ ополченье!
Топотъ, ржаніе коней!
Трубный прескъ и спукъ мечей!

*) Подражаніе Биргеровой Леонорѣ.

Прахомъ панцыри покрыты!
 Шлемы лаврами обвины!
 Близокъ, близокъ ратныхъ строй! —
 Мчатся шумною толпой
 Жены, чада, обрученны!
 „Возвратились незабвенны!“ —
 А Людмила? Ждетъ - пождетъ:
 „Тамъ дружину онъ ведетъ!

„Сладкій часъ — соединенье!“ —
 Вошъ проходишь ополченье!
 Миновался ратныхъ строй!
 Гдѣжь, Людмила, швой герой?
 Гдѣ швоя, Людмила, радость?
 Ахъ! проспи, надежда - сладость!
 Все погибло, друга нѣтъ! —
 Тихо въ теремъ свой идешь,
 Томно голову склонила:
 „Разступись, моя могила!
 Гробъ откройся! полно жить:
 Дважды сердцу не любить!“

„Что съ тобой, моя Людмила?
 Робко мать у ней спросила,
 О! покой тебя Творецъ!“
 — Милый другъ, всему конецъ!
 Что прошло — невозвратимо!
 Небо къ намъ неумолимо,
 Царь небесный насъ забылъ!
 Мнѣль Онъ счастья не сулилъ?

Гдѣжь обѣщанье исполненье?
 Гдѣ святое Провидѣнье?
 Нѣтъ! немилосливъ Творецъ!
 Все прости, всему конецъ! —

„О Людмила! грѣхъ — роптанье!
 Скорбь — Создателя посланье:
 Зла Создатель не творить!
 Мерзвыхъ спонъ не воскресить!“
 — Ахъ, родная, миновалось!
 Сердце вѣрить отказалось!
 Яль, съ надеждой и мольбой,
 Предъ Иконою свяшой,
 Не почила слезъ ручьями?
 Нѣтъ, безплодными мольбами
 Не призвать минувшихъ дней!
 Не цвѣсти душѣ моей!

Рано жизнью насладилась,
 Рано жизнь моя зашмилась,
 Рано прежнихъ лѣтъ краса!
 Что взирать на небеса?
 Что молить неумолимыхъ?
 Возвращуль — невозвратимыхъ?
 „Царь небесъ, по скорби гласъ!
 Дочь, вспомни смертный часъ!
 Кратко жизни сей спрданье!
 Рай — смиреннымъ воздаянье,
 Адъ — бунтующимъ сердцамъ!
 Будь послушна Небесамъ!“ *

— Что, родная, муки ада?
 Что небесная награда?
 Съ милымъ вмѣспѣ — всюду рай!
 Съ милымъ розно — райскій край
 Мрачныхъ горестей обипель!
 Нѣпѣ, забыль меня Спасипель!
 Такъ Людмила жизнь кляла,
 Такъ Творца на судъ звала
 Вошъ ужъ солнце за горами;
 Вошъ усыпала звѣздами
 Ночь спокойный сводъ небесъ;
 Мрачень доль и мрачень лѣсь.

 Вошъ и мѣсяць величавой
 Вспаль надъ шихою дубравой:
 То изъ облака блеснеть,
 То за облако зайдеть.
 Съ горъ проспершы длинны шѣни,
 И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
 И зеркало зыбкихъ водъ,
 И небесъ далекій сводъ
 Въ свѣшлый сумракъ облеченны!
 Спяшъ пригорки опдаленны,
 Боръ заснуль, долина спишъ
 Чу! полночный часъ звучишъ!

 Потряслись дубовъ вершины!
 Вошъ повѣяль изъ долины
 Перелешный вѣтерошь
 Скачеть по полю ѣздошь:

Борзый конь и ржеть и пышетъ!
 Вдругъ . . . идушь, Людмила слышишь,
 На чугунное крыльцо
 Тихо брякнуло кольцо
 Тихимъ шопотомъ сказали :
 (Всѣ въ ней жилки задрожали;
 То знакомый голосъ былъ:
 То ей милый говорилъ)

— Спишь иль нѣшь, моя Людмила?
 Помнишь друга, иль забыла?
 Весела, иль слезы льешь?
 Встань, женихъ тебя зоветъ! —
 „Тыль? Откуда въ часъ полночи?
 Ахъ! едва прискорбны очи
 Не пошухнули ошь слезы!
 Знашь пронулся Царь небесъ
 Бѣдной дѣвицы поскою?
 Точноль милый предо мною?
 Гдѣ же былъ? Какой судьбой
 Ты опяшь въ странѣ родной?“

— Близъ Наревы домъ мой пѣсный!
 Только мѣсяцъ поднебесный
 Надъ долиною взойдетъ,
 Лишь полночный часъ пробьетъ —
 Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
 Темны кельи покидаемъ!
 Поздно я пустился въ пушь!
 Ты моя, моею будь!

Чу! Совы пустынной крики!

Слышишь? Пѣнье, брачны лики!

Слышишь? Борзый конь заржалъ!

Ѣдемъ, Ѣдемъ, часъ насталь! —

„Переждемъ хошь время ночи:

Вѣшеръ вспаль опъ полуночи,

Хладно въ полѣ, боръ шумишь,

Мѣсяць пучами закрышь.“

— Вѣшеръ буйный перестанеть,

Стихнеть боръ, луна проглянеть!

Ѣдемъ: намъ спо версть ѣзды!

Слышишь? Конь грызеть бразды!

Бьешь копытомъ съ неперпѣнья!

Мигъ намъ спрашенъ замедленья!

Крапкій, крапкій данъ мнѣ срокъ!

Ѣдемъ, Ѣдемъ; путь далѣкъ! —

„Ночь давно ли наступила?

Полночь только что пробила;

Слышишь? Колоколь гудишь.“

— Вѣшеръ стихнуль, боръ молчишь!

Мѣсяць въ водный шокъ глядися!

Мигомъ борзый конь домчися! —

„Гдѣжь, скажи, твоя шѣсный домъ?“

— Тамъ, въ Липвѣ, краю чужомъ:

Хладень, пихъ, уединенный,

Свѣжимъ дерномъ покровенный:

Саванъ, крестъ и шесть доспокъ!

Ѣдемъ, Ѣдемъ; путь далѣкъ! —

Мчатся всадникъ и Людмила.
 Робко дѣва обхватила
 Друга нѣжною рукой,
 Приклонясь къ нему главою.
 Скокомъ, лёпомъ по долинамъ,
 По горамъ и по равнинамъ!
 Пышетъ конь — земля дрожитъ;
 Брызжутъ искры отъ копытъ;
 Пыль кашился въ слѣдъ клубами;
 Скачутъ мимо ихъ рядами
 Рвы, поля, бугры, кусты;
 Съ громомъ зыблются мосты.

— Свѣтитъ мѣсяцъ, доль сребрится,
 Мершвый съ дѣвицею мчится:
 Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
 Спрашноль, дѣвица, со мной? —
 „Что до мертвыхъ? Что до гроба?
 Мертвыхъ домъ земли ушроба!“
 — Чу! въ лѣсу потрясся листь!
 Чу! въ глуши раздался свистъ!
 Чорный воронъ вспрепенулся!
 Вздогнулъ конь и опшатиулся!
 Вспыхнулъ въ полѣ огонёкъ! —
 „Близколь, милый?“ — Путь далёкъ! —

Слышутъ шорохъ тихихъ шѣней:
 Въ часъ полуночныхъ видѣній,
 Въ дымъ облака, толпой,
 Прахъ оставя гробовой

Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
 Легкимъ, свѣплымъ хороводомъ,
 Въ цѣпь воздушную свились
 Вопъ за ними понеслись!
 Вопъ поюпъ воздушны лики
 Будто въ лисьяхъ повилики
 Вьется лёгкій вѣтерокъ,
 Будто плещетъ ручеёкъ!

— Свѣшипъ мѣсяцъ, доль сребритъ,
 Мершый съ дѣвицею мчися:
 Пушь ихъ къ кельѣ гробовой!
 Спрашноль, дѣвица, со мной?
 „Что до мершвыхъ? Что до гроба?
 Мершвыхъ домъ земли упроба!“
 — Конь, мой конь! бѣжипъ песокъ! *)
 Чую ранній вѣтерокъ!
 Конь, мой конь! быспрѣ мчися:
 Звѣзды упренни зажглись!
 Мѣсяцъ въ облакъ попухъ!
 Конь, мой конь! кричипъ пѣпухъ! —

„Близколь, милый?“ — Вопъ примчались! —
 Слышупъ: сосны зашатались!
 Слышупъ: спаль съ воропъ запоръ!
 Борзый конь стрѣлой на дворъ!
 Что же, что въ очахъ Людмилы?
 Камней рядъ, кресты, могилы,

* Въ песочныхъ часахъ.

И среди ихъ Божій храмъ!
 Конь несется по гробамъ!
 Спѣны звонкій впорятъ шопощь,
 И въ травѣ чуть-слышный шопощь
 Какъ усопшихъ тихій гласъ! . . .
 Вошь денница занялась!

Что же чудится Людмилѣ?
 Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
 Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
 Вдругъ — глухой подземный громъ!
 Страшно доски запрещали;
 Коспи въ коспи заспучали,
 Пыль взвилася; обручъ хлопъ!
 Тихо, тихо вскрылся гробъ! . . .
 Что же, что въ очахъ Людмиллы? . . .
 Ахъ, невѣста, гдѣ швой милый?
 Гдѣ вѣнчальный швой вѣнецъ?
 Домъ швой — гробъ; женихъ — мертвецъ!

Видишь шрупъ оцѣпенѣлый!
 Прямо, недвижимо, посинѣлый!
 Длиннымъ саваномъ обвишь!
 Спрашенъ милый прежде видъ:
 Впалы мертвыя ланишы;
 Мушень взоръ полуоткрытый;
 Руки сложены крестомъ.
 Вдругъ . . . привспаль . . . манишь перстомъ:
 „Кончень пупъ! ко мнѣ, Людмила!
 „Намъ постель — темна могила!

„Завѣсь — савань гробовой!

„Сладко спать въ землѣ сырой!

Чтожь Людмила? Каменѣешь;

Меркнушь очи; кровь хладѣешь;

Пала мертвая на прахъ!

Спонь и вопли въ облакахъ!

Визгъ и скрежешь подь землёю!

Вдругъ усопшѣ, полною,

Пошянулись изъ могиль;

Тихій, спрашный хоръ завылъ:

„Смертныхъ ропотъ безразсудень!

„Царь Всевышній правосудень!

„Твой услышалъ спонь Творецъ!

„Чась швой биль — насталь конецъ!

Жуковский.

II.

Г Р О М В А Л Ъ.

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,

Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ;

Поднимаю завѣсу сѣдой спарины,

И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

*

Зыблются перья на шлемѣ его,

Спрѣлы калены въ колчанѣ звучащъ;

Онъ по чистому полю несется какъ вихрь,

Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булашнымъ копьемъ.

*

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высопъ;
Богатырь прѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видишь лишь небо одно.

*

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ закапу на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дуброва шумишь,
И сполѣтніе дубы скрипятъ и шрецають.

*

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснешь, то померкнешь вдали огонѣкъ.

*

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Бѣжавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь прѣзжаетъ на берегъ ручья,
И вдругъ—видишь онъ замокъ вблизи предъ собой.

*

Синее пламя изъ замка блещишь,
Свѣтъ отражая въ спруистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькають и взадъ и впередъ,
Завыванія, стоны въ немъ глухо ревушь.

*

Вспявъ, сошедши поспѣшно съ коня,
Идешь къ ворошамъ, заросшимъ правой:
Ударяешь въ нихъ сильно булашнымъ копьемъ,
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

*

Вмигъ попухаетъ внутрь замка огонь,
 Свѣшъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы,
 Завыванія, стоны упили, молчашъ;
 Усугубилась буря, удвоился дождь.

*

Сильнымъ ударомъ могучей руки
 Рушится твердость желѣзныхъ ворошъ.
 Оплелѣли запоры, скрипашъ верей,
 И во внутренность входилъ беспрашный
 Громваль.

*

Мечъ обнаживши, гошовый разилъ,
 Ощупью тихо онъ въ замокъ идешъ.
 Тишина распростерта и мрачность вездѣ,
 Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свисилъ.

*

Вишазъ въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
 „Хищной волшебникъ, коварный Зломарь!
 „Ты Громвала принудилъ по свѣшу бродилъ,
 „Ты похишилъ Рогнеду, подругу его!

*

„Многія царства и земли прошелъ,
 „Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
 „Великановъ сразилъ я могучей рукой;
 „Но Рогнеды любезной еще не нашель!

*

„Гдѣ обитаешь ты, лютой Зломарь?
 „Въ дебряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ,
 „Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ
 морской,
 „Укрываешь ее ты опъ взоровъ моихъ?

*

„Если найду я жилище швое,
 „Злобной волшебникъ, лихой чародѣй!
 „Извлеку изъ неволи Рогнеду мою,
 „Вырву черное сердце изъ груди швоей!“

*

Вишазь, умолкнувъ, почувствовавъ сонъ;
 Одрь ему спелюшъ усталость и ночь.
 Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шишакѣ,
 Прикорнувъ засыпаетъ глубокимъ онъ сномъ.

*

Тучи промчались и вихрь замолчалъ,
 Звѣзды пошухли, алѣетъ воспокъ;
 Пробудилась денница, Зимцерла цвѣшетъ
 Какъ румяная роза — Громваль еще спитъ.

*

Кашился солнце по своду небесъ,
 Блещетъ съ полудня каленымъ лучемъ
 И по соснамъ слезится смола сквозь кору;
 Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

*

Ночи предпеча со смуглымъ челомъ,
 Смогришь съ востока на лѣсъ, на луга,
 Окропляетъ изъ урны росой мураву;
 Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

*

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ на главѣ,
 Въ ризѣ, сошканной изъ мрака и звѣздъ,
 По ступенямъ нахмурясь на шронъ свой идетъ;
 А Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

*

Тучи сомкнулись на сводъ небесъ,
 Мрачность густѣешь, настала полночь:
 Богапырь, воспрянувши опъ крѣпкаго сна,
 Изумился, не видя румяной зари!

*

Вдругъ запрещало по замку какъ громъ,
 Стѣны прясутся, окошки звеняшь,
 И, какъ молнія быстро блискаетъ во тьмѣ,
 Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

*

Громко всѣ двери спучашъ отворясь, —
 Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
 Появляющся шѣни — за ними несутъ
 Гробъ желѣзный скелешы въ рукахъ костяныхъ.

*

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
 Крышка слетѣла мгновенно съ него,
 И волшебникъ Зломарь — ужасающій видъ! —
 Бездыханень лежалъ въ немъ открывши глаза.

*

Поль разступился — и адской огонь
 Съ вихремъ прескучимъ и съ громомъ летишь,
 Охвативъ гробъ желѣзный какъ жаръ раскалилъ;
 Заспоналъ спономъ тяжкимъ геенны Зломарь.

*

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ глазахъ
 Ужасъ начертанъ, опчаянье, скорбь;
 Изъ рта пѣна черная клубомъ кипишь;
 Но лежишь неподвижно какъ трупъ чародѣй.

*

Духи, скелеты, руками схватясь,
 Гаркають, воють, хохочуть, свистяць.
 Въ испугленномъ воспоргѣ бѣснущься они,
 Пляшуть адскую пляску вокругъ гроба его.

*

Въ страшныхъ забавахъ проходишь полночь:
 Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремять.
 Но лишь ухра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
 Исчезають вмигъ духи, скелеты и гробъ.

*

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду покой!
 Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
 Удивляется чуду смущенный Громвалъ,
 Изумившись не вѣрить себѣ самому.

*

Вдругъ раздалась волшебна свирѣль,
 Арфы незапный слышался звукъ,
 Разтворился сводъ залы, и розовой лучъ
 Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

*

Въ облакѣ легкою душистыхъ паровъ
 Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
 И въ поднебесьи лебедь спокойно плыла,
 Опускается тихо волшебница въ залъ.

*

Чище лилеи одежда ея,
 Поясъ по чресламъ какъ яхонть горишь;
 Какъ игра златояркой воспочною звѣздой,
 Такъ веселость сіяешь у ней во очахъ.

*

Гласомъ пріятнымъ *Добрада* рекла:
 „Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ!
 „Знай: Зломара не спало; Судьба навсегда
 „Ужь очистила свѣтъ отъ злодѣя сего.

*

„Въ адскую пропасть низвержень на вѣкъ;
 „Челюсть геенны его пожрала;
 „Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ огня,
 „Вой и спонь его бездна лишь будеть внимаѣть.

*

„Смерть, пресупивши природы законъ,
 „Чувствъ не лишила волшебниковъ пруть!
 „Развращенныхъ имъ пѣни погибшихъ людей
 „Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзають его.

*

„Рыцарь! спѣши ты къ *Рогнедѣ* своей:
 „Къ югу за лѣсомъ, въ песчаныхъ степяхъ,
 „Тамъ Зломарова замка въ темницѣ спальной,
 „Два крылашихъ *Зиланша* ее сперегутъ.

*

„Рогъ сей волшебный прими отъ меня,
 „Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуѣть.
 „Но внимай! ты не можешь *Рогнеду* спасти,
 „Не проливъ ея крови — Судьбы такъ веляѣтъ.“

*

Струны волшебны впорично звучаѣтъ,
 Облако къ верху съ *Добрадой* летиѣтъ.
 Пораженный сей рѣчью, *Громваль* внѣ себя,
Истукану подобень, въ слѣдъ смоприѣтъ за ней.

*

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
 Съ горькой досадой вскричалъ богатырь:
 „Вѣроломной волшебницы пагубный дарь!
 „Ты убійствомъ Рогнеды мнѣ щастье сулишь!

*

„Нѣтъ! прелещу я отъ мысли одной, —
 „Сердце изъ груди ей въ жертву лепишь.
 „Но, Громваль, повинуйся глаголу Судьбы,
 „Чародѣйство Зломара слѣши истребишь.

*

„Если не можешь Рогнеду спасти,
 „Замокъ разрушишь, Зилантовъ сразишь,
 „Богатырскую кровь ты пролей за нее
 „И геройскою смертью любовь увѣнчай!“

*

Красное упря блеснящимъ лучемъ
 Сосень сполѣсныхъ верхи золопишь,
 Обращая на полдень коня своего,
 Оставляешь нашъ вишьязъ и замокъ и лѣсъ.

*

Дебри, утесы, спремнины, хребты,
 Спонушь ошь тяжкихъ ударовъ копыть;
 Пыль густая какъ пуча крупяся сполбомъ,
 По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ Громваль.

*

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
 Выѣхалъ Рыцарь въ обширную степь:
 Открывается взорамъ песка океанъ,
 Въ дали будто бы съ небомъ сливается онъ.

*

Вѣтръ не волнуешь сыпучую зыбь,
 Дышешь плетворнымъ дыханіемъ зной.
 Ни кусты не шумяшь, ни журчатъ ручейки,
 Какъ въ полночь на кладбищѣ все ноешь, молчишь.

*

Въ дикой пуспынѣ, въ сихъ спрашныхъ поляхъ,
 Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ,
 Лишь къ воспоку примѣтна крупая гора,
 И на ней крѣпкой замокъ чернѣетъ въ дали.

*

Съ жаждой и зноемъ сражаясь при дни,
 Смерти препоны разпоргъ богатырь;
 На конѣ упомленномъ, въ кровавомъ пошу,
 Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

*

Въ скользкихъ спремнинахъ нависнувшихъ скалъ,
 Страшно грозящихъ низринуться въ доль,
 Обрываясь надъ бездной по узкой пропѣ,
 Доспигаетъ вершины и замка Громваль.

*

Силой геенны и адскихъ духовъ,
 Мрачной сей замокъ построилъ Зломарь.
 Взгроможденные башни на чорныхъ скалахъ
 Предвѣщаютъ гибель и люшую смерть.

*

Въ сердцѣ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
 Бурѣ свирѣпой подобный Громваль,
 Сокрушаетъ чугунныхъ ворошь вереи,
 Въ замокъ спрашный вступаетъ съ булатнымъ мечемъ.

✻

Грозно идетъ онъ, — подь крѣпкой пятой
 Мершвыя кости, черепья хрустятъ.
 Враны, пщицы нощныя и нептоныри
 Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ спѣнь.

*

Облакомъ вьюпся надъ замкомъ они,
 Воздухъ колеблеть ужасный ихъ крикъ.
 И Зиланшы, слышавъ Громваловъ приходъ,
 Испускають вой, свисты и крыльями бьютъ.

*

Члюсть разинувъ, лешать на него:
 Копьями жалы порцають изъ пасшей;
 Чешую брячашъ, извивая хвосты,
 Выпускають погибельны когти изъ лапъ.

*

Въ рогъ изумрудный трубитъ богатырь,
 Звукъ оглушилъ ихъ — какъ камни падушъ.
 Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ зѣвъ,
 Погрузившись въ сонъ смершной, горами лежатъ.

*

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ лепитъ
 Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
 Но огромная дверь растворяется вдругъ,
 И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

*

Грозные взгляды — комешы во пѣмѣ;
 Мѣдь на немъ — панцырь, свинець — булава,
 Сѣрой мохъ по болоту — брада у него,
 Черной лѣсь послѣ бури — волосы на челѣ.

*

✱

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
 Прямо въ Громвала пустиль исполинъ,
 Поражаетъ его по буйной головѣ;
 Содрогаешся эхо по замку звуча.

*

Шлемъ зазвенѣвши дробится въ куски,
 Сыплются искры изъ темныхъ очей.
 Булава опъ удара согнулась дугой,
 Но не двинулся съ мѣста Громваль какъ скала.

*

Мечъ въ богатырской рукѣ заблесталъ,
 Бурнымъ перуномъ злодѣя разишь.
 Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
 Но скользишь лезвѣе по волшебной бронѣ.

*

Въ бѣшенствѣ лютомъ ревешь великанъ,
 Пламенемъ пыщешь, опъ злоспи дрожишь.
 Напрягаешь онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
 Угрожаешь Громвала въ когтяхъ задушишь.

*

Смерть неизбежна, гибель близка,
 Страшныя длани касающся лапъ;
 Но Громваль, ухвапя его ногу, какъ дубъ,
 Попрягнувши повергъ, опрокинулъ его.

*

Башиѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
 Звукомъ ужаснымъ весь замокъ попрясь;
 Разсѣдаются спѣны, валятся зубцы;
 Онъ упалъ, и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

*

Взявши за горло могучей рукой,
 Мечь ему въ челюсть вонзаетъ Громваль;
 По булапу зубами скрипипъ великанъ,
 Возревѣль, заспоналъ и въ изгибы свился.

*

Черная пѣна, багровая кровь,
 Хлещетъ, клубится изъ пасти его.
 Разъяренный мученьемъ, со смертию борясь,
 Роешь землю ногами, препещетъ, хрипипъ.

*

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
 Пучится, бродипъ гиганшова кровь;
 Поднявшись облачкомъ легкій паръ отъ нее,
 Образуетъ Рогнеды прекрасной черты:

*

Розы въ ланипахъ и прелестъ въ очахъ,
 Алая губы манящъ поцѣлуй;
 По плечамъ распилаясь какъ бархатъ власы,
 Осѣняютъ ея лебединую грудь.

*

Чуду такому дивипся Громваль!
 Призракъ ли видипъ, или существо? —
 Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
 Не мечту, но Рогнеду онъ къ персямъ прижалъ.

*

Страспнымъ восторгомъ исполнясь Громваль,
 Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщаль:

„Долго, долго искалъ я, Рогнеда, шебя,
 „И по бѣлому свѣту скипался какъ тѣнь!“

*

Тяжко вздохнувши, сказала она:

„Лютой волшебникъ, коварный Зломарь,
„Раздраженный презрѣнною страстью своей,
„Въ чародѣйской сей замокъ меня перенесъ.

*

„Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
„Памяти чувства меня онъ лишилъ.
„Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
„Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была.“

*

За руку взявши Рогнеду Громваль,
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

*

Замокъ объемлеть глубокая тѣма;
Громы во мракѣ свирѣпо ревуть;
Бурны вихри завывли, сорвавшись съ цѣпей,
Запращали кремнистыя ребра горы.

*

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пастъ;
Низпроверглись Зиланшы, темница, гиганшъ;
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громваль.

КАМЕНЕВЪ.

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ.

Какъ мило жили въ спарину!
 Бывало, въ перемахъ высокихъ,
 Въ кругу красавицъ черноокихъ,
 Пѣвцы поютъ любовь, войну,
 Любви и храбрости побѣды:
 Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды!
 И пѣнье смолкло въ перемахъ.

Дай для красавицъ я спою,
 Какъ въ спарину пѣвцы любили.
 Бывало, и меня хвалили!
 Напомнимъ молодость свою.
 Жиль-быль когда то Вождь великой
 Съ своею дочкой Милоликой
 Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояра, Вишязи, Князья
 Вкругъ Милолики увивались;
 Но тщетно щаспиемъ ласкались:
 Никто не могъ пронуть ея,
 Никто, кромѣ пѣвца млада!
 Она таилась — онъ ни слова;
 Но у любви есть свой языкъ.

Пѣвецъ вседневно по упряму,
 Подъ тѣнію густой березы,

Пѣль о любви своей сквозь слезы,
 Бряца лиры по спрунамъ;
 Душа изъ устъ его лепѣла! —
 Онъ пѣль, а Милолика млѣла,
 И воздыхала у окна.

Узналъ о спраспи ихъ отецъ,
 И гордостъ въ немъ воспрепешала;
 „Позоръ ты мой, не дочь мнѣ спала!
 О стыдъ! кпо миль тебѣ? . . . пѣвецъ!“
 Сказаль, и въ перемъ запираешъ.
 Дочь только въ мысляхъ опѣвѣчаешъ:
 Чпо знапностъ! . . . сердцу всѣ равны.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
 И день и ночь на томной лирѣ
 Бряцаешъ: „нѣтъ мнѣ щасстья въ мірѣ!
 Насталь опрадамъ всѣмъ конецъ!
 Увижусь ли еще я съ милой?
 Внемли, о небо! вопль унылой:
 Опдай ее, иль смертъ пошли!“

Поешь онъ день, поешъ другой,
 На претій — упренне свѣшило
 Несчастну жертву озарило:
 Отецъ низводитъ дочь съ собой;
 Она — едва на трупъ взглянула,
 Увы! . . . въ послѣдній разъ вздохнула. —
 Красавицы! пѣснь эша была.

ДМИТРИЕВЪ.

IV.

БОЛЕСЛАВЪ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

Замолчала многихъ слава,
И Героевъ и Царей;
Ты содержишь Болеслава,
Польша, въ памяти своей.

*

Посреди верховной власти,
Вѣренъ дружбѣ и любви,
Сохранилъ онъ сильны спраси
Въ воскипающей крови.

*

Щасливъ, ежели бы брата
Не имѣлъ Збигнея онъ,
Что глазами супоспапа
Болеславовъ видѣлъ пронъ.

*

Не давалъ Царь мщенью мѣста,
И виновнаго любя;
Но, Збигнеева невѣста!
Для чего онъ зрѣлъ шебя?

*

Какъ лѣсочка въ осѣненѣ
Нѣжитъ лилію весна,
Такъ цвѣла въ уединенѣ
Ты, Воллинская Княжна!

*

Зрѣшь, любишь тебя Збигнею,
 То мгновенье одно;
 Приспустишь ко Гименею
 Было слово ужь дано.

*

Раздались внезапно бубны,
 Въ полѣ прахъ столпомъ стоишь;
 Коней ржанье, гласы трубны;
 Рапи въ бой! Збигней бѣжишь.

*

Истый Ангель-покровитель,
 Входишь въ городъ Болеславъ;
 Зришь Княжну — и побѣдителъ
 Просишь узъ, предъ ней упавъ.

*

И Збигнею обрученна,
 Во слезахъ гласишь Княжна!
 „Я на вѣкъ съ нимъ разлученна,
 „Но на вѣкъ ему вѣрна.“

*

Два луны прошло печенья;
 Полнь любовныя шоски,
 Царски Царь забылъ раченья,
 Позабылъ свои полки.

*

Но межъ шѣмъ не безъ успѣховъ
 Злобный духъ Збигнеевъ былъ;
 Онъ съ огромной силой Чеховъ
 Подъ Воллинъ-градъ подступилъ.

*

Тщешно все — опъ Болеслава
 Побѣжала Чеховъ пѣма
 Взять и вождь свирѣпа нрава:
 Не снимаешъ онъ шлема.

*

Что же? плѣнника срѣшаетъ
 Царь у ногъ Княжны своей;
 Онъ въ злодѣя мечъ вонзаетъ,
 Шлемъ валился — то Збигней!

*

Гдѣ возьму я выраженья,
 Скорбь убійцы описать?
 Онъ безгласенъ, безъ движенъ;
 Онъ не знаетъ, что начатъ.

*

Обратилъ жестокосердый
 Мечъ онъ къ сердцу своему —
 Приближенныхъ сонмъ усердный
 Воспропивился тому.

*

Свой оставилъ пронъ высокой,
 И во рубищахъ проспыхъ,
 Ходитъ въ горести глубокой
 По обителемъ святымъ;

*

И предъ всѣми, кшобъ ни были,
 Исповѣдуя свой грѣхъ,
 Слезно проситъ, чтобъ молили
 За него Владыку всѣхъ.

*

Должно думать, что спокойство
 Наконецъ сошло съ небесъ.
 Ахъ! ни слава, ни геройство,
 Не спасають насъ отъ слезъ.

МУРАВЬЕВЪ.

V.

ПУСТЫННИКЪ.

„Веди меня, пустыни житель!

Свяшой Анахоретъ!

Близка желанная обитель!

Привѣтный вижу свѣтъ!

„Успаль я! тѣма кругомъ густая;

Запаль въ глуши мой слѣдъ,

Безбрежнѣй, мнишся, степь пуслая,

Чѣмъ далѣ я впередъ!“

— Мой сынъ! (въ отвѣтъ пустыни житель)

Ты призракомъ прельщонъ!

Сей лучъ къ бѣдамъ пушеводитель!

Надъ бездной свѣпишь онъ!

— Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ

Отверзта дверь моя,

И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ

Дѣлюсь отъ сердца я.

— Войди въ гостепріимну келью;
 Мой сынъ, передъ тобой
 И брашно съ жесткою постелью
 И сладкій мой покой!

— Есть стадо но безвинныхъ кровью
 Руки я не багриль;
 Меня Творецъ своей любовью
 Щадить ихъ научилъ.

— Обѣдъ снимаю непорочный
 Съ пригорковъ и полей:
 Древа дають плоды мнѣ сочны;
 А пишіе — ручей.

— Войдижь въ мой домъ — заботъ тамъ чужды!
 Нѣтъ блага въ суешѣ!
 Намъ малыя даны здѣсь нужды!
 На малый мигъ и шѣ!

Какъ свѣжая роса денницы,
 Былъ сладокъ сей привѣтъ,
 И робкій гость, склоня зѣницы,
 Идетъ за спарцемъ въ слѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой,
 Его таился кровь —
 Пріюстъ для сироты гонимой,
 Для странника покровъ.

Не пышны въ хижинѣ уборы;
 Тамъ бѣдность и покой;
 И скрипнули дверей распоры
 Предъ мирною четой.

И старецъ зрѣтъ гостепріимной,
 Что гость его уныль,
 И свѣшлый огонекъ онъ въ дымной
 Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
 Съ приправой добрыхъ словъ;
 Бесѣдой скуку озлащаетъ
 Медлительныхъ часовъ.

Кружисья рѣзвой копь предъ ними,
 Въ углу кричишь сверчокъ!
 Трещишь межъ листьями сухими
 Блещащій огонекъ!

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
 Печаль въ его чертахъ,
 Душа полна прискорбной думы
 И слезы на глазахъ.

Ему пустынный ошвѣчаетъ
 Сердечною поской!
 — О юный странникъ! что смущаетъ
 Такъ рано твой покой?

— Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вообще любилъ?

— Увы! покой себя. Презрѣнны
Ушѣхи благъ земныхъ!
А пошъ, кто плачетъ ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ!

— Приманчивъ дружбы взоръ лукавой!
Но ахъ! какъ шѣнь во слѣдъ
Она за щастіемъ, за славой,
И прочъ опъ хилыхъ бѣдъ.

— Любовь? — Любовь Прелестъ игрою!
Ошрава сладкихъ словъ;
Незрима въ мірѣ; лишь порою
Живетъ у голубковъ.

— Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой нѣжный полъ открылъ! — —
И очи спранникъ торопливой,
Краснѣя, опушилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ:
Такъ упротихое сіяетъ
Сквозь завѣсь облаковъ.

Трепещущъ перси, взоръ склоненный;
 Какъ роза цвѣтъ ланишь....
 И дѣву - прелестъ изумленный
 Отшельникъ въ госпѣ зришь.

„Проспишь ли, старецъ, дерзновенье,
 Что робкою стопой
 Вошла въ швое уединенье,
 Гдѣ Богъ одинъ съ тобой!

„Любовь надеждъ моихъ губитель,
 Моихъ виновникъ бѣдъ;
 Ищу покоя, но мучитель
 Тоска за мною въ слѣдъ!

„Опець мой знапностію, славой
 И пышностью гремѣлъ;
 Я дней его была забавой,
 Онъ все во мнѣ имѣлъ.

„И рыцари стеклись толпою;
 Мнѣ предлагали въ даръ
 Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
 А шѣ пришворный жаръ.

„И каждый лестію вѣроломной
 Прельстилъ меня мечпаль;
 Но въ ихъ толпѣ Едвинъ былъ скромной,
 Едвинъ, любя, молчалъ.

„Съ незнапностью и нищетою

Судьба ему дала

Плѣнѣть высокою душою —

Она моею была.

„Роса на розѣ, цвѣтъ душистой

Фіалки полевой,

Едва сравниться могушь съ чистой

Едвиновой душой.

„Но цвѣтъ съ небесною росою

Живушь единый мигъ:

Онъ одаренъ былъ ихъ красою;

Я легкоспію ихъ.

„Я гордой, хладною казалась;

Но миль онъ въ тайнѣ былъ;

Увы! любя, я восхищалась,

Когда онъ слезы лилъ.

„Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья!

Въ пустыню онъ помчалъ

Свою любовь, свои мученья,

И тамъ въ слезахъ увялъ!

„Но я виновна! мнѣ спраданье!

Мнѣ увядашь въ слезахъ!

Мнѣ будь пустыня та изгнанье,

Гдѣ скрышь Едвиновъ прахъ!

Часть III.

Надъ пихою его могилой
 Конецъ свой встрѣчу я!
 И приношеньемъ пѣни милой
 Пустьъ будешь жизнь моя!"

— Мальвина! — спарецъ восклицаетъ,
 И палъ къ ея ногамъ!
 О чудо! ихъ Едвинъ лобзаетъ;
 Едвинъ предъ нею самъ!

— Другъ незабвенной! другъ единой!
 Опять на вѣкъ я швой!
 Полна душа моя Мальвиной!
 И здѣсь дышала тобой!

Забудь, что было! нѣтъ разлуки!
 Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
 Все въ жизни — радости и муки —
 Ошнынъ пополамъ!

— Ахъ! будь и самый часъ кончины
 Для двухъ сердець одинъ:
 Да съ милой жизнью Мальвины
 Угаснетъ и Едвинъ!

Жуковскій.

СВѢТЛАНА и МСТИСЛАВЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Свѣтлана въ Кіевѣ щаспливомъ
 Красой и младостью цвѣла,
 И изо всѣхъ красавицъ дивомъ
 При Княжескомъ дворѣ была;
 Но болѣе еще сіяла
 Душевной прелестью она:
 Съ пріятствомъ кропость съединяла,
 Была невинна и умна.

Князей, Богапырей и Гридней *)
 Всегда текла толпа за ней;
 „Свѣтлана Лады миловиднѣй!“
 Баяны **) напѣвали ей.

*) Гридѣбою или Гридиными назывались придворные во времена первыхъ Князей — Гриднѣ и Гридница черпогъ или зала дворцовая. *Авт.*

**) Баяны, Рускіе Барды. — Прежде нежели изъ *лѣсни о походѣ Игоря*, напечатанной въ 1800 году, спало намъ извѣстно объ одномъ какомъ-то *Баянѣ* или *Боянѣ*, случилось мнѣ прочесть имя Баяновъ во множественномъ числѣ въ книгѣ подъ названіемъ: *Пріятн. и полезн. прелровожденіе времени*; именно же *лѣснь Кіевскихъ Баяновъ* и пр., сочиненіе Г. *Нарѣжнаго*. Не знаю, откуда сочинитель сей пѣсни взялъ своихъ Баяновъ, изъ народныхъ ли какихъ преданій, сказокъ или пѣсень, или изъ рукописи, содержащей *лѣснь о походѣ Игоря*, которая, можетъ быть, ему еще до напечатанія была извѣстна. Какъ бы то ни было, я согласенъ съ Г. *Нарѣжнымъ* принимать имя *Баяновъ* во множественномъ

И кпобѣ, взглянувъ, не покорился
 Ея божественнымъ очамъ!
 Въ любви достойную влюбился
 Великій Князь Владимірь самъ.

„Люби меня, дѣвица красна!
 Владимірь-солнце ей твердишь:
 Волненье, муки сердца спрасна
 Пріятный взоръ пвой уполишь;
 Люби меня! — во шкани злапы
 Твою одѣну красому;
 Дамъ волости тебѣ богаты
 И всѣмъ Княгинямъ предпочту!

Склонись, склонись!“ — Но онъ слагаетъ
 Предъ нею щепно Царску власъ;
 Онъ щепно молишь, угрожаетъ:
 Она его отвергла спрасъ!
 Какаяжъ бы, онъ мнишь, причина
 Сея холодноши была? —
 Но, ахъ! когдабъ онъ зналъ, что сына
 Ему Свѣплана предпочла! . . .

числѣ, разумѣя подъ онымъ поэповъ, какіе должны были находиться при Дворѣ Государей древнихъ. Чпо сіи поэпы именно назывались *Баянами*, о томъ конечно не говоришь *лѣснѣ* о *походѣ* *Игоря*, упоминающая только объ одномъ *Баянѣ*, какъ о собственномъ имени; но не лѣзя ли предполагать, чпо упомянутый *лѣснопворецъ*, по превосходству названъ общимъ именемъ *Баяна*, то есть, баснослава, вишіи, рассказчика. Имя сіе съ довольною вѣроятностію произвеси можно отъ глагола *баяю* (говорю), вмѣстѣ со словами *баснѣ*, *обаяніе* и проч. *Азт.*

Къ отцу изъ своего удѣла
 Тмушараканскій прибыль Князь.
 Свѣшлана юношу узрѣла —
 Заискрѣлась и разлилась
 Любовь въ груди дѣвицы красной.
 Увы! она ее таишь;
 Но ей измѣнишь вздохъ всечасной
 И разгораніе ланишь.

Вступаль ли въ спремена злая
 На играхъ рыцарскихъ Мстиславъ;
 Металь ли копыя изъ десныя
 Въ високу цѣль — иль, щипъ подъявъ,
 Скакаль чрезъ поприще широко,
 Одолѣваючи Князей:
 За нимъ ея лешало око,
 И сердце препешало въ ней.

Уже ты, бѣдная, мечшаешь
 О немъ во снѣ и на яву,
 И злыхъ людей не примѣчаешь;
 Разносяшь о тебѣ молву!
 Но Кіевскаго слухъ Владыки
 Молва сія какъ громъ разитъ.
 Не медля, сына Князь Великій
 Въ черпогъ къ себѣ призвать велитъ.

„На толь ты, опрокъ дерзновенный,
 „Удѣльный градъ оставилъ свой,

(Вѣщаль Владиміръ раздраженный)
 „Чтобъ опчій нарушаешь покой? —
 „Уже дѣвицъ ты обольщаешь,
 „Злощасный! Съешь здѣсь раздоръ;
 „О! ты мнѣ сердце оправляешь;
 „Оставь немедленно мой дворъ!“

Отецъ мой! съ должнымъ преклоненьемъ
 Младъ выпязь изумленно рекъ —
 Скажи, какимъ я пресупленьемъ
 Вдругъ гнѣвъ твой на себя навлекъ?
 „Какимъ! — личиною обмана
 „Свои ты хочешь козни скрыть:
 „Не влюблена въ тебя Свѣплана?
 „Не тыль дерзнулъ ее прельстить?“

Что слышу! я любимъ Свѣпланой!
 Ахъ, вподлиннуль, родитель мой,
 Столь щасливъ я? — Спокрасть желанной
 Я могъ ли вѣспи ждашь такой! . . .
 Явлю во всемъ повиновенье,
 Во всемъ — лишь мнѣ Свѣплану дай!
 Гоповъ иди я въ започенье,
 Но съ ней меня не разлучай! —

Кто гнѣвъ Владиміра опишетъ,
 Борьбу спраспей жестокихъ въ немъ!
 Онъ ревностью, досадою дышетъ,
 Врага онъ въ сынъ зришь своемъ.

„Не будь ко мнѣ жестокосердымъ!“ —

Прекрасный продолжалъ Мспиславъ

Почтительно, но гласомъ твердымъ,

Къ ногамъ родительскимъ припавъ.

„Мой Князь! тебя я почищаю;

Опець мой! я тебя люблю;

Но я Свѣплану обожаю,

И никому не уступлю!“

Съ симъ словомъ вспаль, и распроспился

Съ умолкшимъ въ ярости опцомъ;

Поспѣшно опъ него пуспился

Въ ночи — кудажь? Въ Свѣпланинъ домъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Любовью, спрахомъ окриленный,

Мспиславъ лешѣль, и вмигъ былъ шамъ —

Но какъ въ черпогъ уединенный

Предспашъ Свѣпланинымъ очамъ?

И ночьюжь? — Но всесильну злапу

И прозьбамъ домъ отворень спаль;

Введенъ рабыней, вшелъ внезапно,

И изумившейся вѣщаль:

„Не лъзя мнѣ долѣе шаипься,

Давно плѣненному побой!

Я слышаль — но могу ли льспишья,

Что не пропивень я драгой?

Могуль сему повѣришь щаспью?

Отвѣтспвуй мнѣ, мой рокъ сверши!

Грядущій часъ грозить напасью
Тебѣ и мнѣ — ахъ, поспѣши! “

Съ любовью спыдъ въ ней равносильны,
Но первая превозмогла;
Возведши робко взоръ умильный,
„Люблю тебя!“ произнесла.

Сей взоръ Мспислава восхищаетъ,
Бальзамъ въ него слова пѣ льюшь;
Онъ руку нѣжную лобзаетъ
И вздохомъ зыблемую грудь.

Но дороги для нихъ мгновенья —
И скоро во молодыхъ сердцахъ
На мѣсто сладка упоенья
Вселился справедливый спрахъ.
Но Князь рѣшается — — „Драгая!
Свѣшланѣ онъ сказалъ своей,
Пойдемъ — насъ ждетъ спрана иная,
Оспавимъ градъ опасный сей!

Мой оспровъ пажиями красень *),
Обширень мой преспольный градъ,
Обилень, весель, безопасень;
Тамъ ждетъ насъ Леля, богъ опрадь;
И жизнь свою опдамъ я прежде,
Чѣмъ милую! “ — — Она на по:

*) Мой оспровъ и пр, Оспровъ Тамань, на кошоромъ, какъ нынѣ открылось, споялъ городъ Тмушараканъ, сполица удѣльнаго Княжества. *Дзт.*

Даюсь тебѣ, моей надеждѣ!

Женихъ мой ты, или никто!

Попомъ срядилась для дороги

Свѣшлана скрытно ото всѣхъ;

Оставила свои черпоги,

Со вздохомъ — можешь быть на вѣкъ!

Но съ нею шель любовникъ милый,

О чемъ еще ей горевать?

Какія Чернобожьи силы

Прошиву *Лады* могутъ спастъ!

И се дружину собираетъ

Мспиславъ, Тмушараканскій Князь;

Съ собою путь имъ назначаетъ,

Съ любезной на коня садясь.

Сколь привлекательнымъ находишь

Она его въ сей страшный часъ!

Съ младаго рыцаря не сводишь

Своихъ любующихся глазъ.

И между тѣмъ ихъ борзы кони

По усыпленнымъ спогнамъ мчатъ.

Спрашася каждый мигъ погони,

Любовники спѣшатъ, спѣшатъ.

Уже изъ Кіева удачно

Предмѣспьемъ выбрались глухимъ;

Вкругъ ихъ безмолвно все и мрачно

По дебрямъ и горамъ крупымъ.

Спокойнымъ села сномъ забылись,
 На все простерла ночь покровъ;
 Во мракъ тучъ опъ взоровъ крылись
 И звѣзды, перемы боговъ;
 Лишь водъ Днѣпровыхъ тихій ропотъ
 Носился пунникамъ во слѣдъ,
 И эхо только конскій топотъ
 Опъ горъ горама передаетъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

О Ладѣ, красоты богиня!
 Любовниковъ въ пущи храни:
 Чиста ихъ склонность и невинна,
 Достойны щасія они.
 Раздоры, бѣдствія раждаетъ
 И мучитъ насъ пвой горькій *Дидъ* *):
 Но *Леля* радость возсавляетъ,
 Сердца связуетъ и миритъ.

Владиміръ по опходъ сына
 Остался внѣ себя — не зналъ,
 На что рѣшился; зла кручина
 Рвала въ немъ сердце. Онъ пылалъ
 Жалѣнья, гордоспи, любви,
 Неисповства, спыда огнемъ.

*) *Дидъ* или *Дидо*, сынъ *Ладинъ* и пропивный *Лелѣ* богъ. Сіе заключающъ изъ стариннаго припѣва *Дидо калина*, *Леля малина*; но припѣвъ сей можно шолковать различно. Авшоръ разумѣлъ подъ именемъ *Лели* любовь щасливую, сопровождаемую успѣхомъ и удовольствіемъ, а подъ именемъ *Дида* нещасливую, мучительную. *Авт.*

Вдругъ дышешь мщеньемъ, жаждешь крови,
Вдругъ дѣйствуетъ природа въ немъ!

Природа къ сыну преклоняла,
Который споль достоинъ былъ
Родителя во всемъ — внушала,
Что онъ такую полюбилъ,
Которую никто не можешь
Увидѣть, не влюбясь — но вдругъ
Опять свирѣпа ревность гложешь,
Опять дѣляшь въ немъ спраси духъ.

Какой конецъ борьба получишь,
Какая спрасъ одержишь верьхъ,
И не родишь ли новы тучи
Сей неувѣданный побѣгъ?
Владимірь вспрянулъ! . . . но ославимъ
Великокняжескій шерѣмъ,
И за Свѣпланою направимъ
Полетъ свой яснымъ соколомъ.

Сквозь дичь, сквозь мракъ, на крыльяхъ *Лели*
Съ дружиной вѣрною своею
Свѣплана и Мспиславъ летѣли.
Они уже среди полей
Переяславскихъ; но Зимцерла
Еще по небесамъ ковровъ
Своихъ червленыхъ не простерла,
И не былъ ночи снятъ покровъ.

Съ полей же тѣхъ былъ видѣнь славный
 Надгробный памятникъ Славянъ;
 Еще до Кіа, въ вѣки давны,
 Насыпанъ кругль, высокъ курганъ.
 Густою окружаясь рощей,
 Надъ нею гордо возносишь
 Хребетъ свой, зеленую поросшій,
 И пушника къ себѣ манишь.

Но страхомъ заперло дорогу
 Сквозь оный лѣсъ дремучь и дикъ,
 За тѣмъ, чшо тамъ имѣлъ берлогу
 Разбойникъ *Вепрь-железный* клыкъ.
 Онъ по три дни и по три ночи
 Все рыскалъ, не спалъ, не дремалъ;
 Но снова богатырски очи
 На сполькожъ сушокъ онъ смыкалъ.

Мстиславъ безъ страху въ лѣсъ пустился,
 И около кургана тамъ
 Съ дружиною расположился
 Дать опдыхъ успалымъ конямъ.
 Въ свои объятія взявъ ссажаешь
 Съ коня *Свѣплану* юный Князь;
 Зеленый дернъ ихъ ожидаетъ —
 И вся по рощѣ разошлась
 Для спражи Князева дружина,

Оспрадной мыслию полна
 Душа Владимірова сына;

„Она со мной! моя она!“
 Спыдлива юная дѣвица
 Съ любезнымъ женихомъ своимъ
 На правку мягкую садится,
 Бѣсѣдуя пріятно съ нимъ.

Наговорись, наглядѣйся
 Не можешь милая чеша;
 Что рѣчь, что взглядъ, то вздохъ изъ сердца;
 И часто сходятся уста,
 Рука жметъ часто руку нѣжно,
 Огонь блистаетъ во очахъ;
 Клянутся другъ ко другу вѣчно
 Живѣйшу спросить пишеть въ сердцахъ.

Но вдругъ восторгъ ихъ прерываетъ
 Ужасный попохъ, шумъ и крикъ,
 И нѣкто чорень выѣзжаетъ
 Изъ-за кургана въ потъ же мигъ:
 Сидитъ на аргамакѣ чаломъ,
 При бедрѣ свѣплый мечъ виситъ,
 Шеломъ съ опущеннымъ забраломъ,
 Копье въ десной, а въ шуйцѣ щипъ.

Онъ къ двумъ сидящимъ прискакавши,
 Невняпно, глухо провѣщаль:
 „Ба! я прервалъ утѣхи ваши;
 „На щастіе же я попалъ!...

„Послушай, чуръ со мной дѣлишься!
 „Сей часъ мнѣ дѣвушку опдай!
 „Или — рѣшишь со мною бишься
 „И тяжестъ сей руки узнай!

„Что смотришь? Нѣтъ тебѣ подмоги;

„Твоя дружина пала вся;

„И самъ ты здѣсь подкосишь ноги:

„Сдавайся! — *Вепрь-разбойникъ я!*“

Тмушараканскій Князь, въ безмѣрной

Досадѣ опъ помѣхи сей,

Воскликнулъ гнѣвно: дерзновенной!

Пришелъ за смертью ты своей!

Со смѣхомъ чорный отвѣчаетъ:

„Хотѣлось бы увидѣть мнѣ!

„Языкъ твой много обѣщаетъ.

„Таковъ ли храбръ ты на конѣ,

„Какъ на правѣ съ молодой дѣвицей!“

Мспиславъ, досадою горя,

Схватилъ копье — скокъ на конѣ, мчится,

Лепитъ на грознаго *Вепря*.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Что спалось, нѣжная, съ побою!

Что чувствовала ты въ потъ мигъ,

Когда къ кровопролитну бою

Возлюбленный твой текъ женихъ?

Ты щепино робкій взоръ вперяла,

Чтобъ по виду врага узнатьъ:

Лице рѣшеткою забрала,
Весь спань закрышь желѣзомъ лапъ.

Ужь остры копья пришупили,
Въ листовые щипы вонзивъ;
И свѣплы сабли обнажили,
Поспѣшно съ сѣдель соскочивъ.
Сошлись для спрашнаго сраженья!
Кольчуги, шлемы ихъ звучапъ;
Опъ тяжкаго мечей паденья
Съ доспѣховъ иверни лешапъ.

Мспиславъ прошивнику полшлема,
Мечемъ ударивъ, опдѣлилъ
И сшибъ съ главы; но въ тоже время
Его мечъ вражій улучилъ —
Онъ поблѣднѣлъ — поникъ — изъ раны
Кровь жаркимъ брызнула ручьемъ.
Раздался жалкій вопль Свѣпланы
При нестерпимомъ видѣ помъ!

Но видъ еще иной открылся:
Расколопъ шлемъ, лишень подпругъ,
Съ черноодѣтаго скапился....
Лице его наружи вдругъ —
Свѣплана вскликнула: Владимірь!...
— Владимірь! вскликнуль юный Князь —
„О, помиримся, сынъ любимый!
Пыль яроспи моей погасъ.“

Вѣщаль — и мечъ кровавый кинувъ,
 Съ себя спѣшивъ бѣль поясъ снявъ,
 И съ сокрушеннымъ видомъ сыну
 Онъ тщится рану повязать:
 „Меня, мой сынъ, обуревала
 „Неукрошимо злая спрасть;
 „Но се природа воспріяла
 „Свою надъ опчимъ сердцемъ власть!

„А ты, невинная причина
 „Того, что я, забывъ родство,
 „На кровнаго спремился сына,
 „Ввергалъ во гробъ себя, его —
 „Свѣплана! будь ему женою!
 „Тебѣ Мспиславъ, я знаю, миль,
 „И обладаніе побою
 „Своею кровью онъ купилъ!“ —

Откудажъ вдругъ взялся Владиміръ
 И какъ бѣгущихъ онъ настигъ,
 И въ грозное облекся имя:
Разбойникъ Вепрь-железный клыкъ? —
 О семъ пощися намъ повѣдашь,
 Баяне вѣщій древнихъ лѣтъ!...
 „Не могъ ли вмигъ Владиміръ свѣдашь,
 Чпо въ Кіевѣ Свѣпланы нѣтъ?

Разосланы гонцы: открылся
 Бѣгущихъ слѣдъ; не медля самъ

Владимірѣ на коня садился,
 Сверкнувшимъ въ немъ тогда мыслямъ.
 Чего Царю свершить не можно,
 Какъ если на сердце онъ взялъ? —
 Конечно такъ — но думать должно:
 Разбойникъ Вепрь тогда дремалъ.

Къ стопамъ Владиміровымъ пали
 Свѣплана и молодой Мстиславъ,
 И въ онѣмъ пребывали
 Но Царь, ихъ ласково поднявъ,
 Сказалъ: „Возлюбленные чада!
 „Забудьте всѣ напасши вы;
 „Меня связуетъ съ вами Лада
 „Узломъ родительской любви!

„А ты, мнѣ въ силѣ мышцы равенъ,
 „Храбрѣйшій изъ сыновъ моихъ!
 „И бой для насъ обоихъ славенъ“
 На то Свѣпланинъ рекъ женихъ:
 Онъ славенъ! — я не чщу позоромъ,
 Что побѣжденъ рукой опца;
 Но ты бы могъ единымъ взоромъ,
 Единымъ маніемъ лица
 Меня сразить — за чѣмъ ты крылся?

„Мой сынъ! любовь равняетъ всѣхъ;
 „Опцовской властью я стыдился
 „Надъ солубовникомъ взять верхъ:

„Мечтами спраспи ослѣпленный,
 „Я думалъ храбростью одной
 „Спяжашъ красы ея безцѣнны —
 „И кровью залилъ пламень свой!

„Но искрѣбъ не заплѣтѣся прежней,
 „О дщерь моя! не изъясляй
 „Мнѣ благодарности полъ нѣжной;
 „Мспислава одного ласкай!
 „Пойдемъ — помыслимъ объ опѣздѣ
 „Теперь заранѣ въ Кіевъ градъ.
 „Вблизи опселя съ моими вмѣстѣ
 „Всѣ спутники твои спояшъ.“

Тогда явилась колесница,
 Везома парою коней.
 Съ дѣвицей юноша садится,
 А между ихъ Владиміръ въ ней.
 Въ глубоки мысли погруженной,
 Что надъ собой побѣду взялъ,
 Въ душѣ, борьбою упомленной,
 Казалось, онъ тріумфъ держалъ.

Тріумфу оному злая
 Была добыча: связь сердець;
 Принапельность, любовь свялая,
 Несли надъ нимъ торжествъ вѣнецъ.
 Но пріобрѣщенемъ Свѣпланы
 И опчей благостью Мспиславъ

Утѣшенъ, не болѣлъ отъ раны;
 Былъ взоромъ свѣплъ и шѣломъ здравъ.

Наставшу утру, возвратился
 Мстиславъ съ Свѣпланой въ Кіевъ градъ;
 Въ семь дней отъ раны изцѣлился,
 Въ осьмой былъ свадебный обрядъ.
 И брачну пѣснь гремятъ Баяны,
 Цвѣшетъ опрадой Княжій домъ;
 За скаперти сядяся браны
 И турей рогъ *) пошель кругомъ.

Востоковъ.

VII.

Э О Л О В А Л Р Ф А.

Владыка Морвены,
 Жиль въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордадь;
 Надъ озеромъ спѣны
 Зубчатая замокъ съ холма возвышалъ;
 Прибрежны дубравы
 Склонялись къ водамъ,
 И сплался кудрявый
 Кустарникъ по злчнымъ окрестнымъ холмамъ.

*) Турей рогъ, бычачій рогъ, который употребляли на пиршествахъ вмѣсто чаши (Смотри древн. Руск. стихосворенія, изданныя въ Москвѣ 1804); такіе роги, употребляемые вмѣсто чашъ, и на Греческихъ барельефахъ видны. Рускіе же (какъ преданіе гласитъ) пили изъ оныхъ медъ. Придетъ ли богатырь какой къ ласковому Князю Владиміру: сей тому подноситъ гарцъ зелена вина и турей рогъ меду сладкаго.

Спокойствіе сѣней
 Дубравныхъ шамъ часто лай псовъ нарушалъ;
 Рогатыхъ еленей
 И вепрей, и ланей могучій Ордадь
 Съ опважными псами
 Гоняль по холмамъ;
 И долы съ холмами
 Шумя, опвѣчали зовущимъ рогадь.

Въ жилище Ордала
 Веселость изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ
 Гостей собирала;
 И убраны были черпоги пировъ
 Еленей рогадь;
 И въ памянь опцовъ
 Висѣли рядами,
 Ихъ шлемы, кольчуги, щипы по спѣнадь.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
 Любилъ за спаканомъ рассказы Ордалъ
 О древнихъ побѣдахъ,
 И взоры на брони опцовъ успремляль:
 Чеканны ихъ лапы
 Въ глубокихъ рубцахъ,
 Мечи ихъ зубчапы,
 Щипы ихъ, и шлемы избипы въ бояхъ.

Младая Минвана
 Красой озаряла родительскій домъ:

Какъ зыби тумана,
Зарею злапимы надъ свѣжимъ холмомъ;
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя
Віяся бѣжали струей золошой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіяль,
Сквозь темны ресницы
Онъ сладкое въ душу смяшенъе вливалъ;
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей,
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней!

Гремѣла красою
Минвана, и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ!
Въ Морвену шолпою
Спекалися випязи, славны въ бояхъ;
И дочерью гордился
Предъ ними отецъ
И въ шайнѣ дѣлился.
Душою съ Минваной Арминій пѣвецъ!

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза, — ушѣха долинь,
Пѣвецъ сладкогласный,
Но родомъ не знапный, не Княжескій сынъ.

Минвана забыла
 О санѣ своемъ,
 И сердцемъ любила,
 Невинная, сердце невинное въ немъ! —

На темные своды
 Багрянымъ щипомъ покапилась луна,
 И озера воды
 Струисшымъ сіяньемъ покрыла она;
 Отъ замка, отъ сѣней
 Дубравъ по берегамъ
 Огромные шѣней
 Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
 Попокомъ испочникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
 Подъ дубомъ вѣшвисшымъ,
 Свидѣшелемъ тайныхъ свиданья часовъ —
 Минвана молодая
 Сидѣла одна,
 Пѣвца ожидая,
 И въ страхѣ шайла дыханье она.

И съ арфою стройной
 Ко древу, къ Минванѣ приходишь пѣвецъ;
 Все было спокойно,
 Какъ шихая радость ихъ юныхъ сердець:
 Прохлада и нѣга,
 Мерцанье луны

И ропотъ у берега
Дробимыя съ тихимъ плесканьемъ волны.

И долго безмолвны
Пѣвецъ и Минвана, съ унылой душой,
Смопрѣли на волны,
Злашимыя тихо блестящей луной.

„Какъ быспрыя воды
„Попокъ свой ліють —
„Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несуть!“

— Чтожь сердце уныло?
Пусть воды ліюся, пусть годы бѣгутъ!
О вѣрный! о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ! —

„Минвана! Минвана!
„Я бѣдный пѣвецъ;
„Тыжь Царскаго сана,
„И предками славень швой гордый отецъ!“

— Что въ славѣ и санѣ!
Любовь—мой высокій, мой Царскій вѣнецъ!
О милый! Минванѣ
Всѣхъ вишней краше смиренный пѣвецъ!
Почтоже уныло
На радость глядѣшь?
Все близко, что мило!
Оспавимъ годамъ за годами летѣть! —

„Минутная сладость
 „Веселаго: *вмѣстѣ!* помедли, поспой!
 „Кто скажешь, что радость
 „На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
 „Проглянешь денница, —
 „Блаженству конецъ!
 „Опять ты Царица!
 „Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ!“

„Пускай возвратишься
 Веселое утро, сіяніе дня!
 Зарей озарится
 Топь свѣтъ, гдѣ мой милой живешь для меня!
 Лишь Царскимъ уборомъ
 Я буду съ толпой!
 А мыслію, взоромъ,
 И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой! —

„Прости! ужъ блѣднѣешь
 „Разсвѣтомъ далекій, Минвана, воспокъ!
 „Ужъ утренній вѣешь
 „Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣперокъ!“
 — О, нѣтъ! то зарница
 Блещитъ въ облакахъ!
 Не скоро денница!
 И пихъ вѣперокъ на кудрявыхъ холмахъ! —

„Ужъ въ замкѣ проснулись!
 „Мнѣ слышался шорохъ, и звукъ голосовъ!“

— О, нѣтъ! вспрепенулись
Дремавшія пшашки на вѣтвяхъ кустовъ! —

„Заря ужъ багряна!“

— О! милой, постой! —

„Минвана! Минвана!

„Почтожь замираешь шакъ сердце шоской?“ —

И арфу унылой

Пѣвецъ привязаль подъ наклономъ вѣтвей.

„Будь, арфа, для милой

„Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней,

„И сладкія звуки

„Любви не забудь;

„Улада разлуки

„И вѣспникъ души неизмѣнныя будь!

„Когда же мой юный,

„Убишый печалію, цвѣшь опадешь,

„О вѣрныя струны!

„Въ васъ съ прежней любовью душа перейдешь!

„Какъ прежде взыграешь

„Веселіе въ васъ,

„И другъ мой узнаешь

„Привычный, зовущій къ свиданію гласъ!

„И думай, ихъ пѣнью

„Внимая вечерней, Минвана, порой,

„Чшо легкою пѣнью

„Все вѣрный лепашетъ швой другъ надъ тобой!

„Что прежнія муки :
 „Превратнаго страхъ,
 „И ужасъ разлуки,
 „Все съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ!

„Что жизнь переживши
 „Любовь лишь одна не распалась съ душой;
 „Что робко любившій
 „Безъ робости любить, — и болѣе твоей!
 „А ты, дубъ вѣтвистый,
 „Ее осѣняй,
 „И вѣтеръ душистый,
 „На юныя перси дышать прилепай!“

Умолкъ, и съ прелестной
 Задумчивыхъ долго очей не сводилъ, —
 Какъ бы неизвѣстной
 Въ немъ голосъ: на вѣки прости! говорилъ;
 Горячей рукою
 Ей руку пожалъ,
 И тихой спокою
 Опъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ!...

Луна возсіяла;
 Минувана близъ древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
 Увы! предузнала
 Душа, унывая, что щастью конецъ!
 Молва о свиданьѣ
 Доспигла опца; —

И мчишь ужь въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ дубомъ свиданья Минвана грустить!

Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный пошокъ говоришь:

Все пусто! день ясной

Взойдетъ и зайдетъ: —

Пѣвецъ сладкогласной

Минвану подъ древомъ свиданья не ждешь!

Прохладою дышешь

Тамъ вѣтеръ вечерній, и въ листьяхъ шумишь,

И вѣтви колышешь,

И арфу лобзаешь; ... но арфа молчишь! —

Творенія радость,

Настала весна; —

И въ свѣжую младость

Красу и веселье земля убрала!

И яркимъ сіяньемъ

Холмы осыпаль вечерѣющій день,

На землю съ молчаньемъ

Сходила ночная, росистая пѣнь.

Ужь синіе своды

Блипали въ звѣздахъ;

Сравнялися воды,

И вѣтеръ улегся на спящихъ листьяхъ.

Сидѣла уныло
 Минвана у древа душой вдалекѣ! . . .
 И тихо все было! . . .
 Вдругъ! . . . къ пламенной чпо-по коснулось щекѣ,
 И чпо-по шапнуло
 Безъ вѣпра листы,
 И чпо-по прильнуло
 Къ спрунамъ, невидимо слешѣвъ съ высоты! . . .

И вдругъ изъ молчанья
 Подъялся пропаяжный, задумчивый звонъ,
 И пише дыханья
 Играющей въ листьяхъ прохлады были онъ.
 Въ ней сердце смутилось:
 То друга привѣтъ!
 „Свершилось! свершилось!
 „Земля опустиѣла! ужь милаго нѣтъ!“

Опъ тяжкія муки
 Минвана упала безъ чувства на прахъ;
 И жалобнѣй звуки
 Надъ ней заспенали въ смященныхъ спрунахъ;
 Когдажь возвратила
 Дыханье она,
 Уже восходила
 Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ унывая,
 Минвана, — лишь вечеръ, — ходила на холмъ,

И звукамъ внимая,
 Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ, —
 Гдѣ жизнь безъ разлуки,
 Гдѣ все не на часъ,
 И мнились ей звуки,
 Какъ будто лепящій опъ родины гласъ.

„О милыя струны!
 „Играйте, играйте! мой часъ не далекъ!
 „Ужъ клонится юный
 „Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣпокъ!
 „И спранныкъ унылой
 „Заупра придетъ!
 „И спросишь: гдѣ *милой*
 „Цвѣтокъ мой?“ — и болѣ цвѣтка не найдетъ!

И нѣтъ ужъ Минваны! . . .
 Когда опъ потоковъ, холмовъ и полей
 Восходящъ шуманы,
 И свѣпишь, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей: —
 Двѣ видящся тѣни;
 Сліявшись, лепящъ
 Къ знакомой имъ сѣни;
 И дубъ шевелился, и струны звучать!

Жуковскій.

VIII.

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

Ал. Ан. Прат . . . вой.

Желала ты моихъ стиховъ —

Вопь длинная Баллада!

Пусть слава для другихъ пѣвцовъ;

Твой взоръ моя награда.

Но чѣмъ же кончу я куплешь?

Еще одно желанье:

Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,

Сердце очарованье!

Печаль по слуху только знай!

Будь радостію свѣта!

Моихъ стиховъ хоть не чишай,

Но другомъ будь поэта.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,

Надъ страшною спремниной,

Въ глухую полночь Громобой

Сидѣлъ одинъ съ кручиной.

Окрестъ его дремучій боръ;

Утесы подъ ногами;

Туманень видъ полей и горъ;

Туманы надъ водами;

Подернушь мглою сводъ небесъ;

Въ ущельяхъ вѣшерь свищешь;

Ужасно шепчешь темный лѣсъ;

И волкъ во мракѣ рыщешь.

*

Сидишь съ поникнутой главой

И думаетъ онъ думу:

„Печальный, горькій жребій мой!

„Клянусь судьбу угрюму!

„Дала мнѣ крестъ тяжелей несть!

„Всѣмъ людямъ жизнь опрада:

„Тѣмъ злою, тѣмъ покой и честь;

„А мнѣ — сума награда!

„Нѣтъ крова защитишь главу

„Отъ бури, непогоды!

„Успаль я! въ помощь васъ зову,

„Днѣпровски быстры воды!“

*

Готовъ онъ прыгнуть съ крушины;

И вдругъ — предъ нимъ явленье!

Изъ темной бора глубины

Выходишь привидѣнье:

Старикъ съ щетинистой бородой,

Съ блестящими глазами,

Въ дугу согнутый надъ клюкой,

Съ хвостомъ, когшми, рогами.

Идетъ, приблизился, грозитъ

Клюкою Громобою. . . .

И топъ какъ вкопанный стоить,

Зря диво предъ собою.

*

— Куда? невѣдомый спросилъ. —

„Въ волнахъ скончаешь мученья!“

— Почтожь, безсмысленный! забылъ

Во мнѣ искаешь спасенья? —

„Но кто ты? вскрикнул Громобой,

Опъ страха цѣпенья.“

— Заслупникъ, другъ, спасишель твой!

Ты видишь Асмодея! —

„Творецъ небесный!“ — Удержись!

Въ молишвѣ нѣтъ оспрады!

Забудь о Богѣ — мнѣ молись!

Мои вѣрнѣй награды!

*

Прими опъ дружбы, Громобой,

Полезное ученье:

Поспигнуешь ты судьбы рукой

И жизнь тебѣ мученье!

Но всѣмъ бѣдамъ найди конецъ

Я способы имѣю:

Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ,

Прибѣгни къ Асмодею.

Могу тебѣ я силу дать,

И честь и много злапа,

И грудью буду я стояшь

За друга и за брата!

*

Клянусь! (свидѣтель адскій богъ,

Что кляшвы не нарушу!)

А ты, мой другъ, за то въ залогъ

Свою отдай мнѣ душу! —

Невольно вздрогнуль Громобой,
По членамъ хладъ спремится;

Земли не взвидѣль подь собой,
Нѣтъ силъ перекреститься!

— Почтожь задумался, глупецъ? —

„Спрашусь мученій ада!“

— Но раноль, поздноль наконецъ
Все адъ швоя награда!

*

Тебѣ на свѣтъ жить — бѣда!

Покинуть свѣтъ — другая!

Останься здѣсь — поди шуда —

Вездѣ погибель злая!

Ханжи-причудники твердятъ:

Лукавый бѣсъ опасень!

Не вѣрь имъ — бредни! весель адъ!

Лишь въ сказкахъ онъ ужасень!

Мы жизнь пріятную ведемъ!

Нашъ адъ не хуже рая!

Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:

Лишь въ адѣ жизнь прямая!

*

Тебѣ я перемъ пышный дамъ

И тѣмъ людей на службу!

Къ Боярамъ, Вишязямъ, Князьямъ

Тебя введу я въ дружбу!

Досель красавицъ ты пугаль —

Придушь къ тебѣ толпою!

И словомъ — вздумаль, загадаль,

И все передъ тобою!

Часть III.

И вошь въ задашокъ кошелёкъ;
 Въ немъ вѣчно будешь злато!
 Но десятъ лѣтъ — не болѣ — срокъ
 Тебѣ такъ жить богато!

*

Когдажъ послѣдній день опъ глазъ
 Исчезнешъ за горою,
 Въ послѣдній полуночный часъ
 Приду я за тобою! . . .

Спаль думу думаешь Громобой;
 Подумаль — согласился,
 И обольстипелю душой
 За злато поклонился.

Разрѣзавъ руку, написалъ
 Онъ кровью обѣщанье;
 Лукавый принялъ — и пропаль,
 Сказавши: до свиданья!

*

И вышелъ въ люди Громобой —
 Опкуда что взялося!
 И щаспье на него рѣкой
 Съ богатствомъ полилося!

Какъ Княжескій разубранъ домъ!
 Подвалы полны злата!
 Съ заморскимъ выходы виномъ!
 И рѣдкоспей палаша!

Пирь — хопъ постъ, хопъ мясоѣдъ;
 Музыка роговая!
 Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ
 И чаша круговая!

*

Возможно все въ его очахъ!

Всему онъ повелитель:

И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ!

И хищникъ и грабитель!

Двенадцать дѣвъ похищилъ онъ

Изъ опчешской ихъ сѣни;

Презрѣль невинныхъ жалкій спонъ

И родственниковъ пени.

И въ годъ двенадцать дочерей

Имѣлъ ошъ обольщенныхъ;

И былъ онъ чуждъ своихъ дѣшей

И крови узъ священныхъ.

*

Но чадъ оставленныхъ щипомъ

Быль Ангель, ихъ хранишель!

Онъ далъ имъ пристанъ — Божій домъ,

Смирения обитель;

Въ свяпыхъ спѣнахъ монастыря

Сокрыль ихъ съ матерями,

Да славяшъ Вышняго Царя

Невинныхъ успъ мольбами!

И горней благодати сѣнь

Была надъ ихъ главою!

Какъ вешній аромашный день

Цвѣли онѣ красою!

*

Ошъ раннихъ колыбельныхъ лѣшъ

До юности злапыхъ

*

Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Однѣ дѣла благія.

Покинувъ ложе съ юнымъ днемъ,
Спекалися во храмѣ;

На крилосѣ, предъ олтаремъ,
Кадильницѣ въ ѳиміамѣ;

Въ священный литургіи часъ

Ихъ слышалось пѣнье —

И сладкій непорочныхъ гласъ

Внимало Провидѣнье!

*

И слезы нѣжныхъ маперей

Съ молитвой ихъ сливались,

Когда во храмѣ близъ мощей

Онѣ разпростирались.

О! дай имъ кровь, Небесный Царь!

(То было ихъ моленье)

Да будешь Твой свяшый олтарь

Незлюбныхъ душъ спасенье!

Покинуль ихъ родной опець,

Давъ бѣднымъ жизнь постылу;

Но призри Ты сиротъ, Творецъ,

И грѣшника помилуй!

*

Но вошъ насталь десятый годъ!

Уже онъ на исходѣ!

И грѣшникъ горьки слезы льетъ:

Всему онъ чуждъ въ природѣ!

Опять украшены весной

Луга, пригорки, доли;

И пахарь весель надъ сохой,
 И щастья полны сёлы!
 Не зришь лишь онъ злобой весны:
 Его померкли взоры;
 Въ туманъ для нихъ погребены
 Луга, долины, горы.

*

Денницаль красная взойдетъ —
 „Проспи, гласишь, денница!“ —
 Въ дубравѣль ппичка пропоетъ —
 „Проспи, весны пѣвица! —
 „Проспи и мирные лѣса,
 „И нивы золотыя,
 „И неба свѣшлая краса,
 „И радости земныя!“
 И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ,
 Къ себѣ ихъ призываетъ;
 И мнишь: онъ Творца смягчаешь!
 Невиннымъ Богъ внимаешь! —

*

И вошь насталь послѣдній день
 Ужь солнце за горою! . . .
 И спелется вечерня тѣнь
 Прозрачной пеленою.
 Ужь сумракъ смерклось вошь луна
 Блеснула изъ-за тучи;
 Легла на горы тишина;
 Ушихъ и лѣсь дремучій;
 Рѣка сравнялась въ берегахъ;
 Зажглись свѣшила ночи;

И сонъ глубокий на поляхъ;
И близокъ часъ полночи!

*

И мучимъ смертною поскою,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищешь Громобой
Опъ ада обороны!

И юныхъ чадъ къ себѣ призывалъ;
Сердца ихъ близки раю.

„Увы! молишься! — вопіяль —
„Молишься! погибаю!“

Младенца вняшень Небу спонь!
Невинныя молились;

Но вдругъ на нихъ находишь сонъ!
Замолкли уснули!

*

И все въ ужасной тишинѣ —
Окресность какъ могила!

Вопъ каркнулъ воронъ на сѣнѣ!
Вопъ слая псовъ завывала!

И вдругъ прощяжно полночь бьешь!
Нашли на небо пучи —

Рѣка надулась — боръ ревешь —
И мчится прахъ летучій!

Увы! . . . послѣдній страшный бой
Опгрянуль за горами

Гуль пише — смолкъ — и Громобой
Зришь бѣса предъ очами!

*

— Ты видѣль, рекъ онъ, день опъ глазъ
Исчезнуль за горою!

Ты слышаль, биль полночный часъ!

Пришелъ я за тобою! —

„О дай, молю! хопъ малый срокъ!

Терзаюсь! адъ ужасень!“

— Свершилось! неизбѣженъ рокъ,

И поздный вопль напрасень! —

„Минупу!“ — Слышишь! цѣпь звучишь! —

„О спрашный часъ! помилуй!“

— И гробъ готовъ, и саванъ сшишь,

И роютъ ужъ могилу!

*

Заутра день взойдетъ во мглѣ,

Подымутся спенанья!

Увидяшь прупъ швой на сполѣ

Недвижный, безъ дыханья!

Кадиль и свѣчь въ дыму густомъ,

При шихомъ ликовъ пѣньѣ,

Тебя запрутъ въ подземный домъ

На вѣки въ започенье;

И спрашно заспуть заспучишь

Надъ кровлей гробовою,

И шихо клиръ провозгласишь:

Усопшій, миръ съ тобою!

*

И миръ не будешь швой удѣль;

Ты адово спяжанье!

Но время! . . . идушь! . . . часъ приспѣль!

Внимай ихъ завыванье!

Спеклись! призывный слышу кличь!

Ихъ челюсти зіяють!

Смола клокочетъ; свищетъ бичъ;

Оковы разжигаютъ! —

„Спаситель Царь! вонми слезамъ!“

— Отпринуто моленье! —

„Увы! позволь хоть сиротамъ

„Мнѣ дасть благословенье!“

*

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ:

Сверкнули страшно очи!

— Лишитъ ихъ царствія небесъ:

Предать геенской ночи!

Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ

И съ гордымъ сатаною! —

И усмиривъ грозящій взглядъ,

Вѣщаль онъ Громобою:

— Я внялъ твоей печали гласъ:

Есть средство избавленья;

Покорень будь — иль въ адъ сей часъ

На скорби и мученья!

*

Предай мнѣ души дочерей!

За временну свободу

Я дамъ, по милости своей,

На каждую по году. —

„Злодѣй! губишь невинныхъ чадъ!“

— Ты медлишь! приступите!

Низриньте грѣшника во адъ;

На части развлеките! —

И вдругъ опвсюду крикъ и стонъ!
 Земля запрепешала
 И грянуль громъ со всѣхъ сторонъ
 И тьма бѣсовъ предстала:

*

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ!
 Бѣгутъ, гремятъ цѣпами,
 И стали грѣшника кругомъ
 Съ разверзшими кохтями!
 И ницъ повергся Громобой
 Безчувствень, полумертвый;
 И вопишь: „страшный врагъ, постой!
 „Постой! готовы жершвы!“
 И скрылись всѣ. Онъ будишь чадъ
 Онъ пишетъ ихъ рукою
 О страхъ! свершилось! плещетъ адъ
 И съ гордымъ сапаною! . . . —

*

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
 И дверь сомкнулась ада;
 Но жить погибнувши душой,
 Коль страшная опрада!
 Влачи унылы дни, злодѣй,
 Въ болѣзни ожиданья!
 Веселья нѣтъ душѣ твоей,
 И нѣтъ ей упованья!
 Увы! и красный Божій міръ
 И жизнь ему постылы!

Онъ въ людспѣвѣ дикъ, въ семействѣ сирь;
Онъ въ живѣ снѣдъ могилы.

*

Напрасно вѣетъ вѣшерокъ
Съ душистыя долины;
И свѣтъ луны сребришь попокъ
Сквозь темны липъ вершины;
И ласпочка зари восходъ
Вспрѣчаеищъ щебешаньемъ;
И роца въ пѣнь свою зовешъ
Лиспочковъ прешешаньемъ;
И шумъ бѣгущихъ съ поля спадъ
Съ паспушыми рогами
Вечерній мракъ животворяшъ,
Теряясь за холмами!

*

Его доселѣ свѣплый домъ
Ужъ сумрака обителъ.
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ съ госпями онъ вина
Изъ чаши круговыя! . . .
И спрашенъ день, и ночь страшна;
И пѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи.

*

И тѣмъ лѣсовъ спрашився онъ:

Тамъ бродить привидѣнье;

То чудится полночный звонъ,

То погребально пѣнье!

Спрашивъ его и бури свистъ

И грозныхъ пучь молчанье,

И съ шорохомъ падающій листь,

И рощи содроганье!

Прокашится по небу громъ —

Блѣднѣетъ, дыбомъ волосъ:

То мститель посланъ Божесвомъ,

То казни спрашный голосъ!

*

И видъ прелестный юныхъ чадъ

Ему не наслажденье;

Ихъ милый, чувства полный взглядъ,

Спокойствіе, смиренье,

Краса - веселіе очей,

И гласа нѣжны звуки,

И сладость ласковыхъ рѣчей

Его сугубяють муки.

Какъ роза-благонный цвѣтъ

Подъ сѣнію надежной,

Онъ цвѣтеть! Имъ скорби нѣтъ,

Ихъ сердце безмятежно.

*

А онъ? . . . Преступникъ! . . . онъ, въ шокъ

На нихъ подъемля очи,

Отверсту видитъ въ далекъ

Пучину адской ночи.

Онъ плачешь — онъ судьбу клянешь;

„О милыя творенья!

Какой васъ люшый жребій ждешь,

И гдѣ искать спасенья!

Напрасно вамъ дана краса!

Напрасно взору милы!

Закрыть вамъ путь на небеса,

Цвѣтете для могилы!

*

Увы! пора любви придетъ:

Вамъ сердце тайну скажешь,

Для васъ украсишь Божій свѣтъ,

Вамъ милаго покажешь;

И взоръ наполнится тоской,

И пихимъ грудь желаньемъ,

И распаленныя душой,

Влекумы ожиданьемъ,

Для васъ взойдетъ краснѣе день,

И будетъ лугъ душистѣй,

И сладостнѣй дубравы тѣнь,

И ппичка голосистѣй!

*

И дни блаженства не придуть!

Спрашишесь милой встрѣчи!

Для васъ не брачныя зажгутъ,

Но погребальны свѣчи!

Не въ Божій, гимновъ полный храмъ

Пойдете съ женихами . . .

Ужасный гробъ готовяшь намъ!

Прокляты небесами!

И нашъ удѣль поскоа и спонь
 Въ обипеляхъ геенны!
 О грозный жребія законъ!
 О жертвы драгоцѣнны!“

*

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
 Въ душевномъ сокрушеньѣ,
 И мнишь: „самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
 „Въ раскаяннѣ спасенье!
 „Возносятся предъ вышній тронъ
 „Преступниковъ спенанья!“...
 И домъ свой обращаетъ онъ
 Въ обипель покаяннѣ:
 Да странникъ въ немъ найдетъ покой;
 Вдова и сирый друга,
 Голодный сладку снѣдь, больной
 Спасенье опъ недуга!

*

Съ утра до ночи у ворошъ
 Служипель на спорожѣ;
 Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовѣшь:
 „Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе!“
 И вошь уже изъ всѣхъ краевъ,
 Влекомые молвою,
 Идутъ толпы сиропъ и вдовъ
 И нищихъ къ Громобою.
 И всѣхъ приѣмлетъ Громобой;
 Всѣмъ данъ его гошова;

Онъ щедрой злато льетъ рукой.

Отъ имени Христова.

*

И Божій онъ воздвигнуль Домъ;

Подобье свѣтла рая,

Обишель иноковъ при нёмъ

Являеися святая.

И въ той обители святой,

Отъ братіи смиренной

Увѣчный, дряхлый и больной

И скорбью убіенной

Приемлють именемъ Творца

Оспраду, изцѣленье:

Да воскрешаемы сердца

Узнають Провидѣнье.

*

И славный мастеръ призванъ былъ

Изъ города чужова;

Онъ въ храмъ ликъ изобразилъ

Угодника Святова.

На той Иконѣ Громобой

Былъ видимъ съ дочерями,

И на молящихся Святой

Взираль любви очами.

И день и ночь огонь пылалъ

Предъ Образомъ въ лампадѣ;

Въ златомъ вѣнцѣ алмазь сіялъ

И перлы на окладѣ.

*

И въ часъ — когда рѣдѣеть шѣнь,
 Еще дубрава дремлетъ,
 И воцаряющійся день
 Поль-неба лишь объемлетъ;
 И въ часъ вечерней пишины,
 Когда вездѣ молчанье,
 И свѣчи, въ храмѣ возжены,
 Льютъ тихое сіянье —
 Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
 Предъ Образомъ смиренно
 Распроспирался Громобой,
 Веригой опягченной.

*

Но быстро, быстро съ горь шекуть
 Въ долину вешни воды —
 И невозвратные бѣгутъ
 Дни, мѣсяцы и годы.
 Ужь время съ годомъ десятъ лѣтъ
 Невидимо умчало;
 Послѣдняго двухъ трешей нѣтъ —
 И будто не бывало;
 И нѣкій неопспуный гласъ
 Вѣщаетъ Громобою:
 „Всему конецъ! швой близокъ часъ!
 Погибель надъ шобою!“

*

И вопъ — недугъ низринулъ злой
 Его на одръ мученья!
 Расперзанъ люпою рукой,
 Не чая изцѣленья,

Всечасно предъ собой онъ зрѣтъ
 Опверсну дверь могилы;
 И у возглавія сидѣтъ
 Надъ нимъ призракъ унылый;
 И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
 Къ Иконѣ чудотворной —
 Лишь взоръ онъ мещетъ къ небесамъ
 Молящій, но покорный.

*

Увы! ужъ и послѣдній день
 Край неба озлащаетъ —
 Сквозь темную дубравы сѣнь
 Блистанье проникаетъ!
 Все тихо, весело, свѣтло;
 Все нѣгой сладкой дышетъ;
 Рѣка прозрачна какъ стекло;
 Едва, едва колышетъ
 Листами легкій вѣтерокъ;
 Въ поляхъ благоуханье;
 Къ цвѣтку прилипнулъ мотыльокъ
 И пьетъ его дыханье.

*

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
 Со сплюномъ и слезами!
 „О! рано, ты, ночная тѣнь,
 Разсталась съ небесами!
 Стекипесь, дѣти! одръ отца
 Съ молитвой окружите!
 И предъ судилище Творца
 Спенанія пошлите!

Ужасень намъ сей ночи мракъ!
 Взывайте: Икупитель!
 Смягчи грозящій гнѣва зракъ;
 Не будь намъ спорогій мспитель!

*

И страшнаго одра кругомъ —
 Гдѣ блѣдень, изможденный,
 Съ обезображеннымъ челомъ,
 Всѣ кости обнаженны,
 Брада до чреслъ, власы горой,
 Взоръ дикій, впалы очи,
 Вопиль ошъ муки Громобой
 Съ ушра до поздней ночи —
 Спеклися дѣвы: ясный взоръ
 На небо успремили
 И въ шихій къ Провидѣнью хоръ
 Сердца совокупили.

*

О видъ, угодный небесамъ!
 Такъ ангелы спасенья,
 Вонмя раскаянья слезамъ,
 Съ улыбкой примиренья,
 Въ очахъ ошрада и покой,
 Ошъ горняго чершого
 Низходятъ съ милоспью свяшой,
 Предшественники Бога,
 Къ одру болѣзни, въ смершный часъ
 И ушомлень спраданьемъ,
 Часть III.

Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:

„Опыди съ упованьемъ!“

*

И дѣвы, чистыя душой,

Подъемля къ небу руки,

Смиреной мыслили мольбой

Отца покоить муки;

Но ужасъ близкаго конца

Надъ нимъ уже носился!

Языкъ коснѣющій Творца

Еще молишь стремился;

Тоскуя, взоромъ онъ искалъ

Сіянія денницы;

Но взоръ недвижный угасалъ,

Смыкалися зѣницы!

*

„О дѣти! дѣти! гаснеть день!“

— Нѣтъ, упрямъ! лишь проснулась

Заря на холмѣ; чорна пѣнь

По долу прощянулась;

И нивы пусты; въ высотѣ

Лишь жаворонокъ вьется! —

„Увы! заупра въ красотѣ

Опять сей день проснется!

Но мы! ужь скрылись отъ земли;

Уже насъ гробъ снѣдаетъ;

И мѣсто, гдѣ по днесъ цвѣли,

Насъ болѣ не признаетъ!

*

Нещастныя! дерзнулъ на васъ
Изречь благословенье?

И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье!

Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу!

Молитесь! воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный! помилуй!“

И дѣвы, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,

Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

*

„О дѣши! дѣши! ночь близка!“
— Лишь полдень наступаетъ;

Паспухъ у водъ для холодка
Со спадомъ отдыхаетъ;

Молчатъ поля, въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно! —

„Мнѣ чудится надгробный стонъ!“
— Все тихо и спокойно!

Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуешь;

Лишь горлица въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ! —

*

„О дѣши! свѣшлый день угасъ!“
— Ужь солнце за горою;

Ужь по закашу разлилась
Багряною струёю

*

Заря, и съ пламенныхъ небесъ
 Спокойный вечеръ сходишь;
 На заревѣ чернѣешь лѣсъ,
 Въ долинѣ сумракъ бродишь! —
 „О вечеръ сумрачный, постой!
 Помедли, день прелестной!
 Помедли, взоръ не узришь мой
 Тебя ужъ въ поднебесной!“ . . .

*

„О дѣти! дѣти! ночь близка!“
 — Заря ужъ догорѣла;
 Въ шуманъ одѣлася рѣка;
 Окрестность поблѣднѣла;
 И на распутіи пыляшь
 Спада, спѣша къ селеню! —
 „Спасите! полночь бѣепъ!“ — Звоняшь
 Въ обищели къ моленю!
 Ошцы поюшь хвалебный гласъ!
 Огнями храмъ блистаетъ! —
 „При нихъ и грѣшникъ, въ страшный часъ,
 Къ Тебѣ, Творецъ, взываетъ!“ . . .

*

„Не шмигсяль, дѣти, неба сводъ?
 Не мчапсяль черны тучи?
 Не вздуль ли вихоръ бурныхъ водъ?
 Не вьешсяль прахъ летучій?“
 — Все тихо! служба отошла;
 Обищель засыпаетъ;
 Луна полнеба прошекла!
 И Божій храмъ сіяетъ

Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
 Луга, поля безмолвны;
 Огни потухнули въ селѣ;
 И рощи спяшь и волны! — —

*

И всюду тишина была!
 И вся природа, мнилось,
 Предупрашенная, ждала,
 Чтобъ чудо совершилось! . . .
 И вдругъ . . . какъ будто вѣтерокъ
 Повѣяль ошъ востока;
 Чуть тронуль дремлющій листокъ,
 Чуть тронуль зыбь попока . . .
 И нѣкій гласъ промчался съ нимъ . . .
 Какъ будто надъ звѣздами
 Коснулся арфы Серафимъ
 Еѣирными перстами.

*

И тихо, тихо Божій храмъ
 Отверзся — неизвѣстной
 Явился старецъ дѣвъ очамъ! . . .
 И ликъ красы небесной
 И крошость благостныхъ очей
 Раждали упованье.
 Одѣянь ризою лучей,
 Окресъ главы сіянье,
 Онъ не касался до земли
 Въ воздушномъ приближеньѣ

Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и Спасенье!

*

Сердца ихъ ужась обуяль:

„Кто сей, во славѣ зримый?“

Но . . . близъ одра уже спояль

Пришлецъ неизъяснимый!

И къ дѣвамъ прикоснулся онъ

Воскрилемъ одежды:

И шихй во мгновенье сонъ

На ихъ простерся вѣжди!

На искаженный спарца ликъ

Онъ кинуль взглядъ укора:

И шрепепъ въ грѣшника проникъ

Отъ пламеннаго взора!

*

„О, кто ты, грозный сынъ небесъ?

Твой взоръ мнѣ наказанье!“ . . .

Но спрашный спрогоспыю очесъ

Пришлецъ хранишь молчанье . . .

„О дай, молю, швой слышать гласъ!

Одно надежды слово!

Грядетъ неопразимый часъ!

Событіе гошово!“

— Вы ликъ во храмъ чтили мой!

И въ шомъ изображеньѣ

Моя десница надъ побой

Просперша во спасенье! —

*

„Ахъ! чпожь Могущій повелѣль?“

— Надѣйся и спрашися! —

„Увы! какой насъ ждетъ удѣль?“

Что жребій ихъ?“ — Молися! —

И руки положивъ крестомъ

На грудь изнеможенну

Предъ неиспытаннымъ Творцомъ

Молишву сокрушенну

Умолкшій проліяль въ слезахъ;

И тяжко грудь дышала,

И въ призывающихъ очахъ

Вся скорбь души сіяла!

*

Вдругъ началъ шмыпсѣя неба сводъ —

Мрачнѣе и мрачнѣе —

За тучей грозною ревѣшь

Другая въ слѣдъ грознѣе,

И страшно сшиблись надъ главою,

И небо заклубилось!...

И вдругъ... повсюду съ черной мглой

Молчанье воцарилось...

И близьокъ часъ полночи былъ...

И ризою свяшою

Угодникъ спящихъ дѣвъ накрыль,

Опсупника десною.

*

И устремленны на воспокъ

Горѣли спарца очи!...

И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,

Въ пучинѣ черной ночи,

Завылъ пропѣжно вѣщій бой —

Окрестность съ нимъ завывала!

Вдругъ — снѣжной молнія спруей

Сводъ неба раздвоила;

По тучамъ вихорь пробѣжалъ,

И съ сильнымъ грома трескомъ,

Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,

Одѣянъ адскимъ блескомъ.

*

И змѣи въ пламенныхъ власахъ —

Клубясь, шипятъ и свищутъ;

И радость злобная въ очахъ —

Кругомъ сверкая, рыщутъ;

И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —

Увлечь добычу льстился;

Но старца грознаго узрѣлъ —

Утихнулъ и смирился;

И вмигъ гордыни блескъ угасъ,

И смущень вопрошаетъ:

— Что, мощный врагъ! шебя въ сей часъ

Къ симъ падшимъ призываетъ? —

*

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой!“

— Они мое спяжанье! —

„Передъ небеснымъ Судіей

Всесильно покаянье!“

— И часъ суда Его притекъ!

Ихъ жребій совершился! —

„Еще ко Благоспи не рекъ

Онъ въ гнѣвъ: удалися!“

— Онъ правъ — и я владыка имъ! —

„Онъ благъ — я ихъ хранитель!“

— Исчезни! адъ неопразимъ! —

„Отвѣшствуй, Искупитель!“

*

И громъ съ востока полетѣлъ!

И бездну тучъ прикраты

Разсѣкъ браздами ярыхъ стрѣлъ

Перунъ огнекрылатый!

И небо съ края въ край зажглось,

И возспенало въ страхъ;

И дрогнула земная ось . . .

И стонущій во прахъ

Творца грядуща слышитъ бѣсъ;

И молился хранитель . . .

И грянуль изъ среды небесъ

Глаголомъ Вседержитель;

*

„Гряду судить! и вѣчный судъ

„Несетъ моя десница!

„Мнѣ казнь и благость предтекутъ! . . .

„Во прахъ, чадоубійца!“

О всемогущество словесъ!

Уже оплсупникъ плѣнье!

Попухъ послѣдній свѣтъ очесъ;

Въ костяхъ оцѣпенѣнье;

И ликъ кончиной искажень;

И сердце охладѣло;

И опъ сомкнувшихся устень
Дыханье оплелъло!

*

„И праху обладатель адъ,
„И гробу отверженъе,
„Доколь на погубленныхъ чадъ
„Не снидешъ искупленъе!

„И чадамъ непробудный сонъ!

„И топъ, кто чистъ душою,
„Кто, ихъ не зрѣвши, распалѣнъ

„Одной изъ нихъ красою,

„Придешъ, житейское презрѣвъ,

„Въ забвенну ихъ обитель:

„Есть обреченный спящихъ дѣвъ

„Опъ неба искупитель!“

*

„И будушь спашъ — и къ нимъ вѣка

„Въ полетѣ не коснуся;

„И пройдетъ плѣнія рука

„Ихъ мимо — и проснуся

„Съ неизмѣнившейся красой

„Для жизни обновленной;

„И водворю тогда покой

„Въ могилѣ искупленной,

„И миръ въ отверженныхъ костяхъ!

„И прешворенный въ радость,

„Познавъ Мой Промыслъ въ небесахъ,

„Речешъ: Господь есть благослъ!“...

*

Ужь вѣспникъ утра въ высотѣ,
 И слышенъ громкій пѣсень,
 И день въ воздушной красотѣ
 Лепись, какъ радость свѣсень. — —

Узрѣли дѣвъ, обьянныхъ сномъ,
 И старца трупъ узрѣли —
 И мертвый спрашенъ былъ лицомъ:
 Глаза, не зря, смотрѣли;
 Какъ будто спраждушь, прижималъ
 Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
 И на устахъ его ропсаль,
 Казалось, голосъ муки.

*

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
 Невидимо крилами
 Ихъ тихій Ангель облачалъ;
 И райскими мечтами
 Чудесный былъ исполненъ сонъ;
 И сладкимъ ихъ дыханьемъ
 Окресъ былъ воздухъ растворенъ
 Какъ розъ благоуханьемъ;
 И разцвѣпали ихъ уста
 Улыбкою прелестной,
 И ихъ являлась красота
 Въ спокойствіи небесной.

*

Но вотъ — ужъ гробъ одѣшь парчой,
 Отверзлася могила,
 И слышенъ колокола вой
 И теплются кадила;

Идутъ и спарь и младъ во храмъ;
 Подъемлется рыданье;
 Даютъ безчувственными устамъ
 Последнее лобзанье;
 И грянуль въ гробъ ужасный младъ;
 И взять ужъ гробъ землёю,
 И ликъ воспѣль: усопшій братъ,
 На вѣки миръ съ побою!

*

И вошь — и спарь и младъ пошли
 Обратно въ домъ печали;
 Но вдругъ — предъ ними изъ земли
 Бкругъ дома грозно вспали
 Граничны стѣны — верхъ зубчашъ,
 Бока одѣшы лѣсомъ —
 И сгрянувшись зашворы врашъ,
 Задвинулись ушесомъ.
 И вспяшъ погналь пришельцевъ страхъ!
 Бѣгушъ, не озираясь.
 „Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!“
 Выщаюшъ, содрогаясь. — —

*

И спала та спрана съ тѣхъ поръ
 Добычей запустѣнья:
 Поля покрыль дремучій боръ;
 Разсыпались селенья;
 И человѣчій гласъ умолкъ —
 Лишь филинь на ушесѣ,
 И въ ночь осенню гладный волкъ
 Тамъ воюшъ въ черномъ лѣсѣ;

Лишь дико межъ сѣдыхъ бреговъ,
 Спираема корнями
 Изрытыхъ бурею дубовъ,
 Рѣка клубить волнами!

*

Гдѣ зрѣлись прежде Божій храмъ
 И иноковъ обитель,
 Тамъ грозно свещи по стѣнамъ
 Змѣя, развалинь жительство;
 И гимнъ по сводамъ не гремитъ —
 Лишь, вѣющій порою,
 Пустынный вѣтеръ шевелитъ
 Въ развалинахъ травую;
 Лишь, отпоргаясь отъ стѣнъ,
 Капаясь камни съ шумомъ,
 И гуль, на время пробуждень,
 Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

*

И на туманистомъ холмѣ
 Могильный зрится камень:
 Надъ нимъ всегда въ полночной тѣмнѣ
 Сіяетъ блѣдный пламень.
 И крестъ поверженный обвитъ
 Листами повилики;
 На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
 Могила спорожь дикій.
 И все, какъ мершное, окрестъ:
 Ни листъ не шевелится,

Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
 Ни птица не промчится.

*

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ —
 Вранъ черный вспрепенется,
 Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
 Могила потрясется!

И видится бродяща тѣнь
 Тогда въ пустынь ночи:
 Какъ блѣдный на туманъ день
 Ея сіяють очи;
 То взоръ возводитъ къ небесамъ;
 То съ видомъ тяжкой муки
 Къ непроницаемымъ спѣнамъ,
 Моля, подъемлеть руки.

*

И въ нѣдрѣ неприспупныхъ спѣнь
 Молчаніе могилы;
 Окресъ ихъ, мглою покровень,
 Съдѣетъ лѣсъ унылый:
 Тамъ вѣперъ не шумитъ въ листвахъ;
 Не слышно водъ журчанья;
 Ни благовонія въ цвѣтахъ,
 Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
 И дѣвы спятъ — ихъ сонъ глубокъ;
 И жребій искупленья,
 Безвѣстно, близокъ иль далѣкъ,
 И нѣтъ имъ пробужденья.

*

Но въ часъ — когда поля заснушь,
 И мглой земля одѣта,
 (Между торжественныхъ минушь
 Полночи и разсвѣта) —
 Одна изъ спящихъ возстаётъ,
 И — странникъ одинокой —
 Свой срочный начинаетъ ходъ
 Кругомъ стѣны высокой;
 И смотришь вдаль — и ждешь съ тоской —
 „Приди, приди, спаситель!“
 Но даль покрыта черной мглой —
 Неидетъ, неидетъ спаситель.

*

Когдажъ исполнится луна —
 Чреда приходитъ смѣны;
 Въ урочный часъ пробуждена,
 Одна идетъ на стѣны,
 Другая къ ней со стѣны идетъ;
 Встрѣчается и руку,
 Вздохнувъ, прищелицѣ даетъ
 На долгую разлуку;
 Попомъ къ почюющимъ сестрамъ,
 Задумчива, опходитъ;
 А та печально по стѣнамъ
 Одна до смѣны бродитъ.

*

И скороль? долголь? ... какъ узнать!
 Гдѣ вѣспникъ искупленья?
 Гдѣ шопъ, кто властенъ побѣждать
 Всѣ ковы обольщенья,

Къ прелестной прилепленъ мечтѣ?

Кто могъ бы—числѣ душою,

Небесной вѣренъ красотѣ,

Непобѣдимъ землею —

Все предстоящее презрѣть,

И съ вѣрою смиренной,

Надежды полонъ въ даль летѣть

Къ наградѣ сокровенной?

Жуковскій.

IX.

Р А И С А.

Во тьмѣ ночной ярилась буря,
Сверкаль на небѣ грозный лучъ;
Гремѣли громы въ черныхъ пучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни,
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ;
Раиса, бѣдная Раиса
Скишалась въ темнотѣ одна.

Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуешь грозы,
И бури страшный вой не можешь
Ея сшенаній заглушить.

Она блѣдна, какъ лисъ увядшій,
 Какъ мерпвый цвѣтъ уста ея;
 Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
 Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
 Язвимою вѣтвями деревь,
 Текутъ ручьи кипящей крови
 На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
 Хребетъ граничныя горы:
 Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
 Раиса всходишь на него.

(Туть бездна яростно кипѣла
 При блескѣ огненныхъ лучей;
 Громады волнъ неслися съ ревомъ,
 Грозя всю землю попопишь.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
 Но скоро жалкой спонь ея
 Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
 „Увы! увy! погибла я!

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
 Куда ушелъ ты отъ меня?
 Почто Раису оставляешь
 Одну среди ужасной тѣмы?

Часть III.

7

„Кронидъ! приди ко мнѣ! забуду,
 Забуду все; прощу тебя! —
 Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
 Почто тебя узнала я?

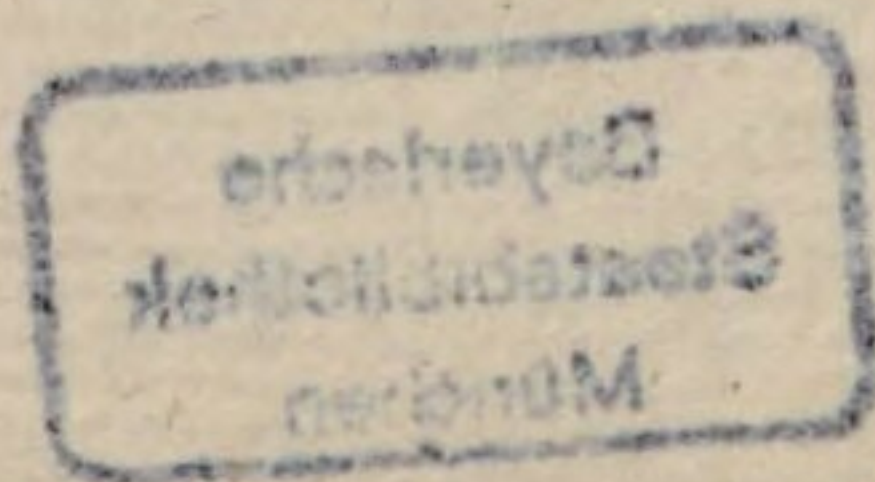
„Опець и машь меня любили,
 И я любила нѣжно ихъ;
 Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
 Часы и дни мои текли;

„Когдажъ явился ты, какъ Ангель,
 И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
 Люблю, люблю тебя, Раиса!
 Забыла я опца и машь.

„Въ восторгѣ, съ шрепетомъ сердечнымъ
 И съ пламенной слезой любви
 Въ твои объятія упала,
 И сердце опдала тебѣ.

„Душа моя въ твою вселилась;
 Въ тебѣ жила, дышала я;
 Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,
 Ты былъ мнѣ образъ Божества.

„Почто я жизни не лишилась
 Въ объятіяхъ твоей любви?
 Не зрѣлабъ я твоей измѣны,
 И щастливъ былъ бы мой конецъ!

„Но рокъ судиль, чшобъ ты другую
 Раисѣ вѣрной предпочель;
 Чшобъ ты меня на вѣкъ оставиль!
 Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

„Когда мечтала о Кронидѣ,
 И мнила обнимать его:
 Увы! я воздухъ обнимала
 Уже далеко былъ Кронидъ!

„Мечта исчезла, я проснулась;
 Звала тебя, но ты молчалъ;
 Искала взоромъ, но не зрѣла
 Тебя нигдѣ передъ собой!

„На холмъ высокой я спѣшила
 Несчастная! . . . Кронидъ вдали
 Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой!
 Безъ чувствъ тогда упала я.

„Съ сея ужасныя минушы
 Крушусь, поскую день и ночь;
 Ищу вездѣ, зову Крониду —
 Но ты не хочешь мнѣ внимать!

„Теперь злосчастная Раиса
 Звала тебя въ послѣдній разъ
 Душа моя покоя жаждетъ
 Прости! будь щасливъ безъ меня.“

Сказавъ сіи слова, Раиса
 Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
 Симъ Небо возвѣспило гибель
 Тому, кто погубилъ ее.

КАРАМЗИНЪ.

Х.

С В Ъ Т Л А Н А.

Ал. Ан. Пр . . . вой.

Разъ въ Крещенской вечерокъ
 Дѣвушки гадали,
 За воропа башмачокъ,
 Снявъ съ ноги, бросали;
 Снѣгъ пололи; подь окномъ
 Слушали; кормили
 Счетнымъ курицу зерномъ;
 Ярый воскъ попили;
 Въ чашу съ чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серги изумрудны;
 Разспилали бѣлой плашъ,
 И надъ чашей пѣли въ ладъ
 Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣшится луна
 Въ сумракъ шумана;

Молчалива и грусна

Милая Свѣплана.

„Что подруженька, съ тобой?

„Вымолви словечко!

„Слушай пѣсни круговой,

„Вынь себѣ колечко!

„Пой, красавица: кузнецъ,

„Скуй мнѣ злать и новъ вѣнецъ,

„Скуй кольцо злать!

„Мнѣ вѣнчаться пѣмъ вѣнцомъ!

„Обручаться пѣмъ кольцомъ

„При святомъ налоѣ!“

— Какъ могу, подружки, пѣшь!

Милый другъ далѣко!

Мнѣ судьбина умереть

Въ грусти одинокой!

Годъ промчался — вѣспи нѣшь!

Онъ ко мнѣ не пишеть!

Ахъ! а имъ лишь красень свѣшь!

Имъ лишь сердце дышеть!

Иль не вспомнишь обо мнѣ?

Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?

Гдѣ пвоя обишель?

Я молюсь и слезы лью!

Ушли печаль мою,

Ангель ушѣшипель! —

Вопъ въ свѣшлицѣ столь накрышь

Бѣлой пеленою,

И на томъ столѣ стоишь

Зеркало съ свѣчою;

Два прибора на столѣ.

„Загадай, Свѣплана!

„Въ чистомъ зеркала стеклѣ

„Въ полночь безъ обмана

„Ты узнаешь жребій свой!

„Стукнешь въ двери милый пвой

Легкою рукою;

„Упадетъ съ дверей запоръ;

„Сядетъ онъ за свой приборъ

„Ужинашь съ побою!“

Вотъ красавица одна

Къ зеркалу садится;

Съ тайнымъ препенемъ она

Въ зеркало глядится;

Темно въ зеркалѣ; кругомъ

Мершное молчанье;

Свѣчка препеннымъ огнемъ

Чуть лѣшь сіянье,

Робость въ ней волнуешь грудь;

Страшно ей назадъ взглянуть;

Спрахъ шуманишь очи; — —

Съ прескомъ вспыхнулъ огонёкъ;

Крикнулъ жалобно сверчокъ,

Вѣстникъ полуночи!

Подпершия локошкомъ,

Чуть Свѣплана дышетъ —

Вошь — легохонько замкомъ

Кпо-то спукнуль, слышишь;

Робко въ зеркало глядишь:

За ея плечами

Кпо-то, чудилось, блеспишь

Яркими очами.

Занялся опъ страха духъ;

Вдругъ въ ея влешаетъ слухъ

Тихій, легкій шопощь:

„Я съ побой, моя краса!

„Укропились небеса!

Твой услышанъ ропошь!“

Оглянулась — милый къ ней

Простираетъ руки.

„Радость, свѣтъ моихъ очей,

„Нѣтъ для насъ разлуки!

„Бдемъ! попъ ужъ въ церкви ждешь

„Съ дьякономъ, дьячками;

„Ликъ вѣнчальну пѣснь поешь;

„Храмъ блеспишь свѣчами!“ —

Быль въ отвѣтъ умильный взоръ;

Идутъ на широкой дворъ,

Въ ворота песовы;

У ворошь ихъ санки ждуть,

Съ неперпѣнья кони рвуть

Повода шелковы.

Сѣли — кони съ мѣста въ разъ!

Пышутъ дымъ ноздрями!

Опъ копыть ихъ поднялась

Вьюга надъ саями.

Скачупъ — пусто все вокругъ!

Степь въ очахъ Свѣпланы!

На лунѣ шуманный кругъ;

Чушь блестящъ поляны.

Сердце вѣщее дрожишь;

Робко дѣва говоришь:

„Что ты смолкнулъ, милый?—“

Ни поль-слова ей въ отвѣтъ;

Онъ глядишь на лунный свѣтъ

Блѣдень и унылый!

Кони мчашся по буграмъ,

Топчупъ снѣгъ глубокой;

Вопъ въ споронкѣ Божій храмъ

Видѣнь одинокой;

Двери вихоръ отворилъ;

Тьма людей во храмѣ;

Яркой свѣтъ паникадиль

Тускнеть въ еиміамѣ;

На срединѣ черный гробъ;

И гласишь пропѣжно попь:

„Буди взяшь могилой!“

Пуще дѣвица дрожишь;

Кони мимо; другъ молчишь

Блѣдень и унылой.

Вдругъ мяшелица кругомъ

Снѣгъ валишь клоками;

Черный врань, свистя крыломъ,

Вьется надъ санями:

Вѣщій спонь гласишь печаль;

Кони поропливы

Чутко смотряпъ въ темну даль,

Воздымая гривы;

Брежжешь въ полѣ огонёкъ;

Видѣнь мирный уголокъ —

Хижинка подъ снѣгомъ;

Кони борзые быспрѣй,

Снѣгъ взрывающъ, прямо къ ней

Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вопъ примчались — и въ мигъ

Изъ очей пропали;

Кони, сани и женихъ

Будто не бывали!

Одинокая, въ пошмахъ,

Брошена опъ друга

Въ спрашныхъ дѣвица мѣстахъ;

Вкругъ мяшель и выюга.

Возвращишься? — слѣду нѣтъ!

Видѣнь ей въ избушкѣ свѣтъ!

Вопъ — перекрестилась,

Въ дверь съ молишвою спучишь;

Дверь шапнулася, скрипишь,

Тихо расшворилась.

Чпожь? Въ избушкѣ гробъ, накрышь

Бѣлою запоной;

Спасовъ ликъ въ ногахъ споишь;
 Свѣчка предъ иконой.
 Ахъ! Свѣплана! чпо съ побой?
 Въ чью пришла обитель?
 Спрашенъ хижины пустой
 Безопвѣтный жипель!
 Входишь съ препешомъ, въ слезахъ;
 Предъ иконой пала въ прахъ,
 Спасу помолилась;
 Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
 Подъ святыми въ уголкѣ
 Робко пришаилась!

Все упихло! — вьюги нѣтъ!
 Слабо свѣчка плився;
 То прольетъ дрожащій свѣтъ,
 То опять зашмился;
 Все въ глубокомъ, мершвомъ снѣ;
 Страшное молчанье!...
 Чу! Свѣплана! въ тишинѣ
 Легкое журчанье!
 Вошь глядишь: къ ней въ уголокъ
 Бѣлоснѣжный голубокъ,
 Съ свѣплыми глазами,
 Тихо вѣя, прилетѣлъ;
 Къ ней на перси тихо сѣлъ;
 Обнялъ ихъ крилами.
 Смолкло все опять кругомъ. —
 Вошь Свѣпланѣ мнился,

Что подъ бѣлымъ полошномъ

Мертвый шевелился;

Сорвался покровъ; мертвецъ —

(Ликъ мрачнѣе ночи)

Видѣнь весь: на лбу вѣнецъ, . . .

Зашворенны очи.

Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ спонь;

Силился раздвинуть онъ

Руки охладѣлы.

Что же дѣвица? дрожитъ,

Гибель близко . . . но не спишь

Голубчикъ бѣлый.

Встрепенулся — развернулъ

Легкія онъ крылы;

Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ . . .

Всей лишенный силы,

Возсхенавъ, заскрежесалъ

Страшно онъ зубами,

И на дѣву засверкалъ

Грозными очами. . . .

Снова блѣдность на устахъ,

Въ закапавшихся глазахъ

Смерть изобразилась! —

Глядь Свѣплана — о Творецъ!

Милый другъ ея — мертвецъ!

Ахъ! — и пробудилась!

Гдѣжь? У зеркала, одна

Посреди свѣплицы,

Въ тонкій занавѣсъ окна

Свѣпишь лучъ денницы;

Шумнымъ бьешь крыломъ пѣшухъ,

День встрѣчая пѣньемъ;

Все блеспишь . . . Свѣпланинь духъ

Смушень сновидѣньемъ.

„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!

„Не добро вѣщаетъ онъ —

Горькую судьбину!

„Тайный мракъ грядущихъ дней!

„Что сулишь душѣ моей,

„Радость, иль кручину?“

Сѣла — шажко ноешь грудь —

Подъ окномъ Свѣплана;

Изъ окна широкій путь

Видѣнь сквозь тумана,

Снѣгъ на солнышкѣ блеспишь,

Парь алѣешь тонкой . . .

Чу! въ дали пусшой гремишь

Колокольчикъ звонкой.

На дорогѣ снѣжный прахъ;

Мчаешь, какъ будто на крылахъ,

Санки кони рьяны;

Ближе; вошь ужъ у воротъ;

Спашиный госпъ къ крыльцу идешь;

Кто? Женихъ Свѣпланы!

Что же швой, Свѣплана, сонъ,

Прорицатель муки?

Другъ съ побой! все тонъ же онъ

Въ опытъ разлуки;

Тажъ любовь въ его очахъ;

Тѣжъ пріятны взоры;

Тѣжъ на сладостныхъ устахъ

Милы разговоры.

Опворяйсяжь Божій храмъ!

Вы лепите къ небесамъ,

Вѣрные обѣты!

Соберитесь старъ и младъ!

Сдвинувъ звонки чаши, въ лады

Пойте: многи лѣты!

Улыбнись,

Улыбнись, моя краса,

На мою балладу!

Въ ней большія чудеса,

Очень мало складу;

Взоромъ щасливый своимъ,

Не хочу и славы!

Слава — насъ учили — дымъ!

Свѣтъ, судья лукавый!

Вотъ баллады толкъ моей:

Лучшій спутникъ въ жизни сей

Вѣра въ Провидѣнье!

Блажь Зиждишеля законъ:

Здѣсь нещастье — лживый сонъ!

Щастье — пробужденье!

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ

Ты, моя Свѣплана!...

Будь Создатель ей покровы!

Ни печали рана,

Ни минутной грусти тѣнь

Къ ней да не коснется!

Въ ней душа какъ ясный день!

Ахъ! да пронесется

Мимо бѣдствія рука!

Какъ пріятный ручейка

Блескъ на лонѣ луга,

Будь вся жизнь ея свѣтла!

Будь веселость, какъ была,

Дней ее подруга!

Жуковскій.

С К А З К И

И Л И М У Р О М Е Л Ы

С К А З К И.

Не хочу съ Невинной Коси
Зачемъ таясь въ кусты
Изъ твояго Адама
Съ кривымъ разсудкомъ Коси
Васъ, каждаго изъ васъ
Наша Оля, Токъ исторический
Съ кривымъ, ослеплымъ, изродившимъ
Къ дикости, разсудкомъ Невинной
Не жалею въ Минусинскъ
Точнее, дикимъ, ослеплымъ, изродившимъ
Мы въ Токъ и не Родина,
Мы не знаемъ въ прощаньи
Мы не знаемъ, чуждымъ Богъ Свободы
Миръ дикости, разсудкомъ
Прощаньи съ вами, Коси
Мы, Оля, были въ кусты,
И жалею, жалею жалею.

С К А Э К Н

ИЗДАНИЕ

С К А З К И.

I.

И Л Ъ Я М У Р О М Е Ц Ъ.

БОГАТЫРСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣшь вражды Агамемноновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
Или, слѣdua Виргилію,
Плышь опъ Трои разоренныя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Мифологіи
Черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
Мы не вѣримъ, чшобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родишеля
Преврапишь въ урода жалкаго;
Чшобы Леды были — курицы,
И несли весною яйца;

Часть III.

Чтобы Поллуксы съ Еленами
 Родились опъ бѣлыхъ лебедей.
 Намъ другія сказки надобны;
 Мы другія сказки слышали
 Опъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
 Я намѣренъ слогомъ древности
 Разсказать теперь одну изъ нихъ
 Вамъ, любезные чипашели,
 Если вы, въ часы свободные,
 Удовольствіе находите
 Въ Рускихъ басняхъ, въ Рускихъ повѣстяхъ,
 Въ смѣси былей съ небылицами,
 Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
 Въ сихъ мечтахъ воображенія.
 Ахъ, не всё намъ горькой истиной
 Мучить томныя сердца свои!
 Ахъ, не всё намъ рѣки слезныя
 Лишь о бѣдствіяхъ существенныхъ!
 На минушу позабудемъ
 Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Не хочу я на Парнасъ идти;
 Нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
 И дорога къ ней не гладкая.
 Я видалъ, какъ наши випязи,
 Наши стихо-риемо-дѣтели,
 Упиваясь одолѣніемъ,
 Лѣзутъ на вершину Пиндову,
 Обступаются и внизъ лепяшъ,
 Не съ вѣнцами и не съ лаврами,

Но съ ушами (ахъ!) ослиными,
 Для позорища насмѣшникамъ!
 Нѣтъ, любезные читатели!
 Я прошу васъ не шуда съ собой.
 Близъ моей смиренной хижины,
 На берегу рѣки прозрачныя,
 Роща древняя, дубовая,
 Насъ укроетъ опъ лучей дневныхъ.
 Тамъ мой дѣдушка на спароспи
 Въ жаркой полдень опдыхаль всегда
 На колѣняхъ милой бабушки;
 Тамъ виситъ его пернашый шлемъ;
 Тамъ виситъ его булашный мечъ,
 Коимъ онъ враговъ опечесства
 За гордыню ихъ наказываль —
 (Кровь Турецкая и Шведская
 И шеперь еще видна на немъ).
 Тамъ я сяду на берегу рѣки,
 И подъ тѣнью древь развѣсисныхъ
 Буду повѣсть вамъ рассказывать.
 Тамъ вы можете тихохонько,
 Если скучно вамъ покажется,
 Раза два зѣвнувь, сомкнушь глаза.
 Ты, копорая въ подсолнечной
 Всюду видима и слышима!
 Ты, копорая какъ богъ Прошей
 Всякой образъ на себя берешь,
 Всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
 Удивляешь, забавляешь насъ, —

Все вѣщаешь, кромѣ . . . истины;
 Объявляешь съ газетирами
 Сокровенности полипики;
 Сочиняешь съ стихотворцами
 Знашнымъ похвалы прекрасныя;
 Величаешь Пантомороса *)
 Славнымъ, безпримѣрнымъ авторомъ;
 Съ Алхимиспомъ открываешь намъ
 Тайну камня философскаго;
 Изъясняешь съ сиссемашикомъ
 Связь души съ тѣлесной сущностью
 И свободы человѣческой
 Съ непремѣнными законами; —
 Ты, копорая съ Людмилою
 Нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
 Мнѣ сказала: я люблю тебя!
 О богиня свѣта бѣлаго —
 Ложь, неправда, призракъ истины!
 Будь теперь моей богинею,
 И цвѣтами луга Русскаго
 Убери Героя древности,
 Чудодѣя Илью Муромца!
 Я объ немъ хочу бесѣдовать, —
 Объ его безсмертныхъ подвигахъ.
 Ложь! съ тобою не учись мнѣ
 Небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилось
 На лазури неба чистаго,

*) То есть, оберъ-дурака.

И лучами злата яркаго
 Освѣпило рощу тихую,
 Холмъ зеленый и цвѣшущій доль.
 Улыбнулось все твореніе;
 Воды съ блескомъ заструилися;
 Травки, ночью освѣженныя,
 И цвѣточки благовонныя
 Разтворили воздухъ упренній
 Сладкимъ духомъ, ароматами.
 Всѣ кусточки оживилися;
 И пернашья малюпочки,
 Конопляночка съ малиновкой,
 Въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
 День, безпечность и спокойствіе.
 Никогда въ Россійской области
 Не бывало упрѣ лѣпнее
 Веселѣе и прекраснѣе!

Кпожь симъ упрѣмъ наслаждается?
 Кто на спашномъ соловомъ конѣ,
 Черный щипъ держа въ одной рукѣ,
 А въ другой копье булашное,
 Ёдетъ по лугу, какъ грозный Царь?
 На главѣ его пернашый шлемъ
 Съ золошою, свѣтлой бляхою;
 На бедрѣ его тяжелый мечъ;
 Лапы, солнцемъ освѣщенныя,
 Сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
 Кпо сей вишазь, богатырь молодой?
 Онъ подобень Маю красному:

Розы алыя съ лилеями
 Разцвѣшають на лицѣ его.
 Онъ подобень миршу нѣжному:
 Тонокъ, прямъ и величавъ собой.
 Взоръ его быспрѣй орлинаго
 И свѣплѣе ясна мѣсяца.
 Кто сей рыцарь? — Илья Муромецъ!
 Онъ проѣхалъ дикой, темной лѣсъ,
 И глазамъ его являешся
 Поле гладкое, обширное,
 Гдѣ Природою разсыпаны
 Въ изобиліи дары земли.
 Випязь Геснера не чипываль;
 Но имѣя сердце нѣжное,
 Любовался красою дня;
 Тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
 И въ душѣ своей чувствительной
 Жертву упреннюю, чистую,
 Приносилъ Царю небесному:
 „Ты, Который украшаешь все,
 „Руской Богъ и Богъ вселенныя!
 „Ты, Который надѣляешь насъ
 „Всѣми благами щедротъ Своихъ!
 „Будь всегда моимъ помощникомъ!
 „Я клянуся вѣчно слѣдовать
 „Богатырскимъ предписаніямъ
 „И уставамъ добродѣтели,
 „Быть защитникомъ невинности,
 „Бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ вдовъ,
 „И наказывать мечемъ своимъ

„Злыхъ пирановъ и волшебниковъ,
„Устрашающихъ сердца людей!“ —

Такъ Герой нашъ размышлялъ въ себѣ,
И повсюду обращая взоръ,
За кустами впереди себя,
Надъ струями рѣчки быспрыя,
Видишь свѣтло-голубой шапёръ,
Видишь спавку богатырскую,
Съ золошою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
И спучишь копьемъ въ желѣзный щипъ;
Но отвѣту богатырскаго
Нѣтъ на спукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
Не осѣдланый, не взнузданный,
Щиплетъ правку ароматную,
И слѣды подковъ серебряныхъ
Оспавляетъ на росѣ цвѣтовъ.
Не выходишь випязь къ випязю
Поклонишься, ознакомишься.
Удивляется нашъ Муромецъ;
Смотришь на небо и думаешь:
„Солнце выше горъ лазоревыхъ,
„А Россійской богатырь въ шапрѣ
„Не ужель еще покоится?“ —
Онъ пускаетъ на зеленый лугъ
Своего коня надежнаго,
И вступаешь смѣлой поступью
Въ спавку съ золошою маковкой.

Для чего Природа дивная
 Не дала мнѣ дара чуднаго
 Нѣжной кистію прельщать глаза,
 И писать живыми красками
 Съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
 Ахъ, тогда бы я предсавиль вамъ,
 Что увидѣлъ витязь Муромецъ
 Въ спавкѣ съ золотою маковкой.
 Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
 Безпримѣрную красавицу,
 Всѣхъ любезностей собраніе,
 Рѣдкость милыхъ женскихъ прелестей;
 Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли,
 Какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
 Наслаждалась въ голубомъ шатрѣ,
 Размешавшись на цвѣтной травѣ;
 Какъ ея густые волосы,
 Свѣпслорусые, волнистые,
 Осѣняли бѣлизну лица,
 Шеи, груди алебастровой,
 И свиваясь, развиваясь,
 Упадали на колѣна къ ней;
 Какъ ея рука лилейная,
 Гдѣ всѣ жилки васильковыя
 Были съ нѣжностью означены,
 Ея голову покоила;
 Какъ одежда снѣго-бѣлая,
 Полошняя, пончайшая,
 Отъ дыханья груди полныя
 Трепeshала тихимъ шепетомъ.

Но не можно въ сказкѣ выразить,
 И не можно написашь перомъ,
 Чѣмъ глаза Героя нашего
 Услаждались на ея челѣ,
 На ея устахъ малиновыхъ,
 На ея бровяхъ возвышенныхъ,
 И на всемъ лицѣ красавицы. —
 Лапы съ золопой насѣчкою,
 Шлемъ съ перомъ заморской жаръ-птицы,
 Мечъ съ попазной рукояткою,
 Копіе съ булатнымъ остріемъ,
 Щипъ изъ спали вороненыя
 И сѣдло съ блестящей осыпью
 На травѣ лежали вкругъ ея.

Сердце твердое, геройское,
 Твердо въ битвахъ и сраженіяхъ
 Со врагами добродѣтели —
 Твердо въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ;
 Но не твердо противъ женскихъ спрѣлъ,
 Мягче воску бѣлояраго
 Противъ нѣжныхъ, милыхъ прелестей.
 Вишазь зналъ красавицъ множество
 Въ безпредѣльной Руской области,
 Но такой еще не видывалъ.
 Взоръ его не отвращается
 Отъ румянаго лица ея.
 Онъ боится разбудить ее;
 Онъ досадуешь, что сердце въ немъ
 Бьется съ частымъ, сильнымъ прелетомъ;

Онъ дыханіе въ груди своей
 Оспанавливать спарается,
 Чтобы долѣе красавицу
 Безпрепятственно разсмапривать.
 Но ему опять желается,
 Чтобы красавица очнулась вдругъ;
 Ему хочется глаза ея —
 Вѣрно свѣплые, любезные —
 Видѣть подъ бровями черными;
 Ему хочется внимать ея
 Гласу тихому, пріятному;
 Ему хочется узнать ея
 Любопытную испорцію,
 И откуда, и куда она,
 И за чѣмъ дѣвица красная
 (Вишязь думаль и угадываль,
 Что она была дѣвицею)
 Ъздишь по свѣпу геройствовать,
 Подвергаешься опасностямъ
 Жизни трудной, жизни рыцарской,
 Не щадя весеннихъ прелесшей,
 Не бояся жара, холода.
 „Руки слабой, плѣнной женщины
 Могутъ шить серебромъ и золопомъ
 Въ красномъ и покойномъ шеремѣ —
 Не мечемъ и не копьемъ владѣть;
 Могутъ друга, сердцу милаго,
 Жить съ любовью къ сердцу нѣжному —
 Не тиганшовъ на поляхъ разить.
 Если кто изъ злыхъ волшебниковъ

Въ плѣнь возмешь дѣвицу юную!
 Ахъ, чего злодѣй безчувственный
 Съ нею въ ярости не сдѣлаешь!“ —
 Такъ Илья съ собой бесѣдуетъ,
 И взираетъ на прекрасную.

Время быстрою стрѣлой лепишь;
 Часъ проходишь за минутами,
 И за утромъ полдень слѣдуетъ —
 Незнакомка спишь глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
 И съ эфирною прохладою
 Вечеръ сходишь съ неба яснаго
 На луга и поле чистое —
 Незнакомка спишь глубокимъ сномъ.

Ночь на облакъ спускается,
 И густыя тѣмы покроями
 Одѣваетъ землю тихую;
 Слышно ручейковъ журчаніе,
 Слышно эхо опдаленное
 И въ кусточкахъ соловей поетъ —
 Незнакомка спишь глубокимъ сномъ.

Тщешно випязь дожидается,
 Чтобы грудь ея высокая
 Вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
 Чтобы она рукою бѣлою

Хотя разъ тихонько пронулась
И открыла очи ясныя —
Незнакомка спить по прежнему.

Онъ сядишя въ голубомъ шатрѣ,
И взирая на прекрасную,
Видишь въ самой темношѣ ночной
Красоту ея небесную,
Видишь — въ пронупой душѣ своей
И въ своемъ воображеніи;
Чувствуешь ея дыханіе,
И не мыслишь успокоиться
Въ часъ глубокія полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
День проходитъ, наступаетъ ночь —
Незнакомка спить по прежнему.
Рыцарь нашъ сидишь какъ вкопаной;
Забываетъ пищу, нужный сонъ,
Всякой часъ, минушу каждую
Онъ находишь нѣчто новое
Въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
И — недѣли цѣлой нѣшь въ году!

Здѣсь, любезные чипатели,
Должно будешь изъясниться намъ,
Уничтожишь возраженія
Сстрогихъ, блѣднлицыхъ криптиковъ.
„Какъ Илья, хотя и Муромецъ,
Хоть и вишязь Руси древнія,

Могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
 Не вставая, на одномъ мѣстѣ;
 Могъ ни маковыя росинки
 Въ ротъ не брать, дремы не чувствовашь?“
 Вы слыхали, какъ монахъ свяшой,
 Наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
 Райской песпрой конопляночки,
 Могъ безъ пищи и безъ сна пробыть
 Не недѣлю, но сполѣтіе.

Развѣ прелести красавицы
 Не имѣють чародѣйствія
 Райской песпрой конопляночки?
 О друзья мои любезные!
 Еслибъ знали вы, что женщины
 Могутъ дѣлать съ нами бѣдными! . . .
 Ахъ! спросите стариковъ сѣдыхъ;
 Ахъ! спросите самого меня. . .
 И краснѣя, вамъ признаюсь,
 Что волшебный видъ прелестницы —
 Не хочу теперъ назвать ее —
 Былъ мнѣ пищею небесною,
 Олимпійскою амброзіей;
 Что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не спать,
 Лишь бы видѣть могъ жестокую! . . .
 Но боюсь говорить объ ней,
 И къ Герою возвращаюсь.

„Что за чудо! Рыцарь думаетъ:
 Я слыхалъ о богатырскомъ снѣ;

Иногда онъ продолжается
 Три дни съ часомъ, но не болѣе;
 А красавица любезная...“
 Тупь онъ видишь муху черную
 На ея устахъ малиновыхъ;
 Забываетъ разсужденія,
 И рукою богатырскою
 Тонитъ злаго насѣкомаго;
 Машетъ пальцемъ указательнымъ,
 (Гдѣ сіялъ большой златой перстень,
 Съ талисманомъ *Велеславинымъ*) —
 Машетъ, тихо прикасается
 Къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
 И красавица любезная
 Распворяетъ очи ясныя!

Кто опишетъ милый взоръ ея,
 Кто улыбку пробужденія,
 Ту любезность несказанную,
 Съ коей, вспавъ, она привѣстствуетъ
 Незнакомаго ей Рыцаря?
 „Долгобъ спать мнѣ непрерывнымъ сномъ,
 Юный Рыцарь! (говоритъ она),
 Еслибъ ты не разбудилъ меня.
 Сонъ мой былъ очарованіемъ
 Злаго, хитраго волшебника,
Черномора-ненавистника.
 Вижу перстень на рукѣ твоей,
 Перстень добрая волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:

Онъ своею тайной силою,
 Прикоснувшись къ моему лицу,
 Уничтожилъ заклинаніе
 Черно моря - ненавистника. “
 Випязь снялъ съ себя пернатый шлемъ:
 Чернобархашные волосы
 По плечамъ его рассыпались.
 Какъ заря алѣетъ на небѣ,
 Разливаясь въ морѣ розовомъ
 Предъ восходомъ солнца краснаго:
 Такъ румянецъ на щекахъ его
 Разливался въ аломъ пламени.
 Какъ роса сіяетъ на полѣ
 Осребренная свѣпиломъ дня:
 Такъ сердечная чувствительность
 Въ маслѣ глазъ его свѣпилася.
 Стоя съ видомъ милой скромности
 Предъ любезной незнакомкою,
 Тихимъ и дрожащимъ голосомъ
 Онъ красавицѣ оповѣстивуеъ:
 „Даръ волшебницы любезныя
 Миль и дорогъ моему сердцу;
 Я ему обязанъ щастіемъ
 Видѣть ясный свѣтъ очей твоихъ.“
 Взоромъ нѣжнымъ, выразишельнымъ
 Онъ сказалъ гораздо болѣе.
 Тутъ красавица примѣшила,
 Что одежда полошняя
 Не темница для красоты ея;
 Что любезный Рыцарь-юноша

Догадашься могъ легохонько,
 Гдѣ подъ нею что шайлося. — — —
 Такъ сѣдой шумань, волнуясь
 Надъ долиною зеленою,
 Не совсѣмъ скрываетъ холмики,
 Посреди ея цвѣтушіе;
 Глазъ внимательнаго спранника
 Сквозь волненіе шуманное
 Видишь ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ попупила —
 Закраснѣлася, какъ маковъ цвѣтъ,
 И взялась рукою бѣлою
 За доспѣхи богатырскіе.
 Рыцарь понялъ, что красавицѣ
 Безъ свидѣтелей желается
 Нарядиться юнымъ вишяземъ.
 Онъ изъ спавки вышелъ бережно;
 Посмотрѣлъ на небо синее,
 Прислонился къ вязу гибкому,
 Бросилъ шлемъ пернатый на землю,
 И рукою подперъ голову.
 Что онъ думалъ, мы не скажемъ вдругъ;
 Но въ глазахъ его задумчивость
 Точно шакъ изображалася,
 Какъ въ ручьѣ густое облако;
 Томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
 Конь его, шоварищъ, вѣрный другъ,
 Видя Рыцаря, бѣжитъ къ нему;
 Ржеть и прыгаетъ вокругъ Ильи,

Поднимая гриву бѣлую,
 Извивая хвостъ изгибистый;
 Но Герой нашъ нечувствителенъ
 Къ ласкамъ, къ радости товарища,
 Своего коня надежнаго;
 Онъ споитъ, молчитъ и думаетъ.
 Долголь, долголь думаетъ Муромцу?
 Нѣтъ, не долго! — Раскрываются
 Полы свѣтло-голубой ставки,
 И глазамъ его является
 Незнакомка въ видѣ Рыцаря:
 Шлемъ пернатый развѣвается
 Надъ ея челою возвышеннымъ;
 Героиня подтирается
 Копіемъ съ булавнымъ остриемъ;
 Мечъ блистаетъ на бедрѣ ея —
 Въ ту минуточку солнце красное
 Возсіяло ярче прежняго,
 И лучи его съ любовію
 Пролилися на красавицу.

Съ крошкой, нѣжною улыбкою
 Сморгнетъ милая на вишню,
 И движеньемъ глазъ лазоревыхъ
 Говоритъ ему: — „мы можемъ сѣсть
 „На травѣ благоухающей,
 „Подъ сѣнистыми кусточками.“ —
 Рыцарь скоро приближается,
 И садится съ Героинею
 На травѣ благоухающей

Часть III.

Подъ сѣниспыми кусточками;
 Двѣ минуты продолжается
 Ихъ глубокое молчаніе;
 Въ претью чудо совершается — — —

.

КАРАМЗИНЪ.

II.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно воспоминашь подъ старость дѣтски
 Лѣтны,

Забавы, рѣзвосты, различные предметы,
 Которые тогда увеселяли насъ!

Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю,
 Сижу повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;

Всѣ думаю, что я взмостился на Парнассъ; —

А я . . . признаюсь вамъ, игрушкою играю,
 Которая была

Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;

Иль въ память привожу, какою мнѣ опрадой

Бывальшій день, когда, урокъ мой окончавъ,

Набѣгая въ садъ, уставши отъ забавъ,

И бросаясь на постель, займусь *Шехераздой*.

Какъ сказки я ея любилъ!

Читая ихъ . . . прощай учитель,

Симбирскъ и Волга! . . . всё забылъ!

Уже я всей вселенны зритель,

И вижу шамъ и сямъ и карловъ и дужовъ,
 И Визирей рогатыхъ,
 И рыбокъ золопыхъ, и лошадей крылатыхъ,
 — И въ видѣ Кадіевъ волковъ.

Но сколько нужно словъ,
 Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!

Не лучшель вамъ я ужожу,
 Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
 Я знаю, что онѣ не важны, бесполезны;
 Но все ли одного полезнаго искашь?

Для сказки и того довольно,
 Что слушають ее безъ скуки, добровольно,
 И можешь иногда улыбку съ насъ сорвать.
 Послушайтежъ. Во дни иль самаго Могола,

Или наслѣдника его престола,
 Не знаю, города какого мѣщанинъ,
 У коего дѣшей одинъ былъ только сынъ,
 Жиль, жиль, и наконецъ, по посюльной модѣ,
 Послѣдній опдалъ долгъ, какъ говорятъ, Природѣ,

— Оставя сыну домъ,
 Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.

Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
 Поплакаль, погрусшилъ; попомъ

Спаль думалъ и о томъ,
 Какъ жить своимъ умомъ.

Дай, говорятъ, куплю посуды я хрустальной
 На всю мою казну,

И ею торговать начну,
 Сначала въ малый торгъ, а тамъ — авось и
 въ дальней!

Сказаль, и сдѣлаль такъ; купиль себѣ лубковъ,
 Поспроиль лавочку; попомъ купиль шарелокъ,
 Чашь, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ;
 Бутылей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —
 Всѣ, всѣ изъ хрустала; склаль въ коробъ весь
 поваръ,

И въ лавкѣ на полу поставиль;

А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,
 Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставиль
 На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:
 „Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!

И Альнаскаръ пошелъ на спать!
 Надежда, щаспие и будуща судьбина,
 Иль лучше, вся моя казна
 Здѣсь въ коробѣ погребена. —

Вошь вздоръ какой мѣлю! Погребена? — пустое!
 Она плодился въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
 Прибудетъ съ барышемъ по крайней мѣрѣ вдвое:
 Двѣ сотни, хошь куда изрядненькой доходъ!
 На нихъ . . . еще куплю посуды; лучше пише —
 И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,

И также въ коробъ погребу. —
 И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
 Могу я наконецъ ужъ быть и въ десяти,
 И болѣе — тогда скажу моимъ поварамъ
 Съ признапельною къ нимъ улыбкою: прости!
 И буду . . . ювелиръ! боярынямъ, боярамъ
 Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
 Лазурь и яхонты, и . . . и — всего не вспомню;
 Короче: золопомъ наполню

Не только лавку, цѣлый прудъ.
 Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
 Накупить лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,
 Евнуховъ и домовъ,
 И дружбу свяжетъ
 Съ знашнѣйшими людьми:
 Ихъ дружба лишь на взглядъ спесива;
 Нѣтъ! только кланяться, да хорошо корми,
 Такъ и полюбишься — она не прихотлива.
 А у меня тогда
 Всѣ пропки порастутъ Персидскимъ виногра-
 домъ;
 Шербетъ польется какъ вода;
 Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
 И масло розово къ услугамъ всѣхъ госпей, —
 А о сполѣ уже ни слова;
 Я только то скажу, что нѣтъ такихъ запѣй,
 Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такого,
 Какого у меня не будетъ за столомъ.
 И мой великолѣпный домъ
 Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ лю-
 безень,
 Иль властію своею полезень;
 Всѣхъ буду угощать: Пашей, наложницъ ихъ,
 Плясавицъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ,
 Визирскихъ подлипаль — и такъ, умомъ, трудами,
 А болѣ съ знашными водятся господами,
 Легко могу войти въ чины и въ знашный бракъ...
 Прекрасно! точно такъ!
 Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою

Земиры дочери по Азіи гремишь;
 Скажу ему: „Визирь! вступи въ родство со мною;
 Будь шестъ мой!“ Если онъ хоть чуть за-
 шевелитъ

Противное губами,
 Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
 Но, нѣтъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,

Какъ на небѣ луна!
 И я по свадебномъ обрядѣ,
 На упрѣ, въ праздничномъ нарядѣ,
 Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ какъ
 въ огнѣ,

Поѣду избочась и гордо на конѣ,
 Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
 Унизанъ бирюзою,
 Въ домъ къ шестю Визирю. — За мной и пре-
 до мною
 Попянушся мои евнухи по два въ рядѣ.

Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
 Ужъ на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
 И въ комнаты введя, сажаетъ
 По праву руку на диванъ
 Среди куреній благовонныхъ.

Я, сѣвши важно, какъ Султанъ,
 Скажу ему: „Визирь! вошь тысяча червонныхъ,
 Обѣщанные мной тебѣ за первую ночь;
 И сверхъ того еще вошь пята въ увѣреніе,
 Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь;
 А съ ними и мое прими благодареніе.“
 Потомъ при кошелька большихъ ему вручу,

И на конѣ стрѣлой къ Земиръ полечу.

День эшотъ будешъ днемъ любви и ликованій,
А завпра о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!

Лишь солнце выпрыгнешъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,

И слышу, весь народъ,

Отъ мала до велика,

Толпами привала на дворъ,

Кричишь, составя хоръ:

„Да здравствуетъ супругъ Земиры!“

А въ залѣ знапность: Сераскиры,

Паши и прочіе стоятъ,

И ждушь, когда войши съ поклономъ имъ велятъ.

Я всѣхъ ихъ допустишь къ себѣ повелѣваю,

И шупъ-то важну роль Вельможи начинаю:

У одного я руку жму,

Съ другимъ вступаю въ разговоры;

На трешьяго взгляну, да и спиной къ нему;

А на тебя, Абдуль, бросаю звѣрски взоры!

Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,

Что разлучилъ меня съ Фашимою моею,

Съ копорой около трехъ дней

Я жилъ душою въ душу!

О! я уже тебя не шрушу,

А ты передо мной дрожишь,

Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь:

Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь . . .

Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь,

И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,

Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!

Пинками!“ — И въ жару восторга нашъ меч-
ташель,
Визирской гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: топъ на бокъ; а хру-
сталь
Запрыгаль, зазвенѣль и — въ дребезги разбился! . . .
И такъ, мои друзья! хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! — раз-
женился.

ДМИТРИЕВЪ.

III.

ТЕЛЕМА и МАКАРЪ, или ЖЕЛАНІЕ И БЛАЖЕНСТВО.

Телема живостью и красотою блискаеть,
Неперпѣлива лишь она;
Собою никогда довольна не бываетъ,
Всегда какой нибудь мечтой ослѣплена.

Телемъ юноша понравился прекрасный,
Но только нравъ имѣль онъ съ нею несогласный;
Всегда въ чертахъ его лица
Веселость чистая яснѣетъ,
Влекущая сердца;
Въ очахъ его любовь сама свой тронъ имѣетъ,
Который тихою улыбкой озарѣнъ.

За то уже печаль при немъ и быть не смѣешь,
И даже опъ забавъ онъ шумныхъ удалень.

Ахъ, какъ его спокоень сонъ!

И какъ пріятно пробужденъ!

Всечасно новое вкушаетъ услажденье;

Зовешся же *Макаромъ* онъ.

Нескромная его невѣста,

Когда-то, очень не у мѣста,

Паспушку спраспную задумала играть.

Заахала не ксшати и замлѣла,

Быть обожасмой хотѣла,

И ну въ холодноспи Макара упрекать!

А шѣмъ ему — нагнала скуку;

Онъ, смѣючись, ее оставилъ и ушелъ

Невѣдомо куда — но черезъ то навелъ

Бѣдняжкѣ во спо крапъ несноснѣйшую муку:

Она безъ памяспи пуспилась въ слѣдъ за нимъ

По всѣмъ краямъ земнымъ,

Не въ соспояніи переноситъ разлуку

Съ непоспояннымъ симъ.

Вопервыхъ ко двору Телема прискакала

И спала спрашиватъ у царедворцевъ всѣхъ:

Могу ли здѣсь найти Макара?

Телему бѣдную всѣ подняли на смѣхъ,

Когда услышали толь спранное названье:

„Макаръ! — — какой Макаръ? — — да что онъ
за созданье?

Гдѣ заперяла ты его?

Ха, ха, желалось бы намъ слышатъ описанье

Про молодца сего.“
 Она насмѣшникамъ со вздохомъ отвѣчаетъ:
 Макаръ есть образецъ, примѣръ для всѣхъ людей!
 Онъ всякихъ вредныхъ чуждъ пороковъ и стра-

стей;
 Всегда онъ здраво разсуждаетъ,
 Во всемъ себя умно ведетъ,
 Отъ всѣхъ любовь приобрѣтаетъ,
 И вѣчно безъ заботъ живетъ! —

На это не съ другаго слова

Сказали ей въ отвѣтъ:

„Голубушка, у насъ здѣсь нѣтъ
 „Макара своего драгова;
 „Во вѣки чудака такова
 „Не видываль придворный свѣтъ.“

Телема въ горести скорѣйшими шагами

Оттуда къ городу пошла,

И на дорогѣ монастырь нашла:

— Авось-либо за этими стѣнами

Запряшался любовникъ мой;

Здѣсь, сказываюшь, всѣ проспились со стра-

стями,
 И такъ здѣсь долженъ жить моей души покой! —

Подумавъ такъ, она съ надеждою вступила

Въ обитель тихую затворниковъ свярыхъ

И о Макарь спросила: —

„Съ копорыхъ поръ уже (въ отвѣтъ Игу-
 менъ ихъ)

„Къ себѣ Макара мы въ обитель ожидаемъ;

„Но ахъ! грѣховными увидѣшь очесы
 „Еще поднесь не возмогаемъ
 „Его божественной красы!
 „А въ ожиданьи плоть свою мы изнуряемъ,
 „Бранимся, молимся, зѣваемъ,
 „И прашимъ попусту часы.“

Тупъ спранспвующей сей красоткѣ
 Сказаль, перебирая чопки,
 Смираннымъ голосомъ одинъ сухой чернецъ:
 „Телема, перестань ты по свѣту скипашься!
 Теперь тебѣ его, повѣрь, не доискашья;
 Я слышаль, будто бы скончался швой бѣглець.“

Телема гнѣвомъ воспылала

Отъ дерзкой рѣчи той.

— Честной опецъ! она вскричала,
 Ты ошибаешься; въ живыхъ любовникъ мой:
 Онъ для меня рождень на свѣшъ — во мнѣ одной
 Спихію лишь ему найши для жизни можно;

Я въ шомъ увѣрена не ложно;

А кто вамъ иначе наполоковаль,

Безстыдно топъ солгаль.... —

Конечно онъ у философовъ,

У умниковъ и оспрослововъ,

Которы въ книгахъ такъ превознесли его

И часто такъ о немъ швердили;

Они конечно заманили

Къ себѣ Макара моего! —

Но тѣ на сдѣланный вопросъ ей отвѣчали:

„Макаръ намъ, право, незнакомъ,

„И мы его своимъ перомъ

„По слуху только описали,
 „Въ лице же никогда его мы не видали.“
 И пригорюнившись она опъ нихъ пошла —

Къ Оемидиной палащѣ
 Полюбопытствовашъ Телема подошла;
 Но въ двери — и назадъ, воскликнувши: не
 кспаци
 Ему бы здѣсь часы драгіе распочать!

Во вѣкъ не будешь въ Магиспращѣ
 Макаръ мой милый засѣдашь! —
 Искала нѣжная Телема
 Невѣрнаго сего и шамъ,
 Гдѣ Талія и Мельпомена
 Имѣють свой изящный храмъ:

Но нѣтъ! при зрѣлищахъ любезнаго Макара
 Телема не нашла опнюдь.
 Она его не разъ и въ общесѣвахъ искала,
 Которы лучшими сльвущъ:

Казалось, на него шамъ много-кшо походишь
 На первой взглядъ;

Но проницательну Телему не приводишь
 Въ обманъ блестящая наружность и нарядъ:
 Хотя поспупки ихъ и рѣчи изъясляющъ,
 Чшо имъ хотѣлось бы приняшь Макаровъ видъ;
 Но всѣ они ему напрасно подражающъ,

Никшо себя съ нимъ не сравнишь.
 Поѣздка щещная Телему ушомила;
 Съ горюющей душой
 Тихонько бѣдная опправилась домой.

Но въѣхавши на дворъ, лишь въ горенку вступила,

Ей первый на глаза попалъ

Кто? отгадайте пошь, по комъ она гру-
спила!

Ахъ, самый пошь! — Онъ, сѣвъ на одръ къ ней,
поджидаль,

Чтобъ, чрезъ внезапное явленье,

Пріятно привеспи Телему въ удивленье.

Живи (обнявъ ее съ любовью, онъ сказалъ)

Опнынѣ, милая, живи со мной спокойно!

И если хочешь ты достойно

Всегда особою моею обладать,

То за мечпою не гоняйся,

И упруждашь меня о томъ остерегайся,

Чего я самъ тебѣ не властенъ дать.

*

Теперь иной меня чипашель вопрошаетъ:

А чшобы значиль смыслъ обоихъ сихъ именъ?

Кто Греческому обучень,

Тотъ знаешь;

Къ нему-то обратишь, чипашель дорогой;

Тебѣ онъ скажетъ, кто Макаръ съ Телемой,

И исполкуетъ онъ тебѣ подь сей эмблемой,

Къ чему мы созданы судьбой. —

Макаръ! тебя, тебя мы всѣ имѣть желаемъ,

Тебя мы ищемъ всѣ, находимъ и теряемъ.

Ты, кажешся, теперь находишься со мной;

Но не хочу хвалишься:

Кто шрубишь о тебѣ нескромной похвальбой,

Не можешь съ тѣмъ ужиться!
 Вотъ съ кѣмъ ты любишь пребывать:
 Кто пребываніе свое прилѣжно щипся
 Отъ зависти скрывать.

Востоковъ.

IV.

А М У Р Ъ,

Л И Ш Е Н Н Ы Й З Р Ъ Н І Я .

Пою несчастіе, отъ коего Эрошь
 Спаль слѣпъ, какъ крошь.

О вы, чувствительныя души!

Развѣсьте уши,

Разиньте ротъ!

Дыханіе свое сколь можно припаише,

И пѣснѣ жалкой сей внимлите...

Но, нѣтъ, немного погодите:

Мнѣ должно сдѣлать здѣсь возгласъ,

Опдѣлаюсь потчасъ!

О ты, что на Сибирь взираешь изъ подлобья, *)

Скажи мнѣ, свѣшлый Фебъ, за что до насъ ты
 лихъ?

За толь, что своего блестящаго подобья

Не видишь здѣсь ни въ чемъ, какъ лишь почти
 въ однихъ

Прозрачныхъ ледяныхъ сосулькахъ,

Да въ шаковыхъ же пулькахъ,

*) Эта повѣсть сочинена въ Сибири.

Которы бѣдная Аврора вмѣсто слезъ,
 Опъ спужи плачуца, бросаешь къ намъ съ не-
 бесъ?

Но ктожь виновенъ въ помъ, коль самъ ты насъ
 не грѣешь?

Ты права не имѣешь

Косишься такъ на насъ.

Услышь же мой къ тебѣ охриплый съ спужи
 гласъ;

Пожалуй, сдѣлай одолженъе,

Просунь сквозь снѣжныхъ тучъ

Хотя одинъ свой лучъ,

И мерзлое мое распарь воображенъе!

Теперь, чашатели, прошу мнѣ сдѣлать Chespy,

Прочесать,

Что объ Эрэфъ я желаю вамъ донесать. —

Оспавя нѣкогда небесные чертоги,

Задумали сойти на землю древни боги;

Омиръ покойникъ былъ тогда еще въ живыхъ,

И онъ-то позовалъ ихъ.

За чѣмъ? вы спросите. — Не знаю;

Откушавъ, можетъ быть, или на чашку чаю.

Извѣстно, что онъ былъ имъ закадышней другъ:

Бдаль амврозію, пянулъ и нектаръ съ ними;

Со спящихъ же богинь обмахивалъ онъ мухъ,

И часто забавлялъ ихъ сказками своими.

Но полно вамъ скучать подробностями сими;

Теперь поѣдемъ мы на часъ въ небесный домъ:

Мнѣ хочется, чшобъ вы со мною прокапились,

И посмопрълибъ шамъ, какъ боги въ пущь пу-
спились.

Они отправились въ порядкъ вошь к комъ :

Зевесъ съль на орла съ Юноною верьхомъ,

На всякой случай взявъ съ собой въ дорогу громъ;

Потомъ, за прочими начальными богами ,

Вулканъ шель съ молотомъ и съ длинными рогами,

Которы пріобрѣль своею онъ виной,

Ревниво поступавъ съ женой . . .

Позвольте на часокъ мнѣ здѣсь оспановишья;

Хочу съ ревнивыми немного побранишья.

Послушайте, друзья,

Ревнивые мужья!

Совѣшую вамъ я

Не слишкомъ спрогоспи къ супругамъ преда-
вашья,

Когда не любите бодашья.

Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей;

Не запирайте женъ, какъ стариць иль звѣрей;

А то, когда на часъ явишья имъ свобода,

Тогда-то госпожа Природа

Свое возьмешъ,

И то, надъ чемъ съ шрудомъ вы много лѣпшъ
корпѣли,

Въ минушю пропадешъ;

А вы на вѣкъ съ рогами сѣли.

Совѣшъ полезный давши вамъ,

Я обращаюся къ богамъ.

Зефиры собрались на пиръ шуда же съ ними;

Такъ и начнемъ мы ими.

Надмѣру нѣжные и малые божки,
 Дабы не проспудились ножки,
 Обулись въ теплые сапожки;
 И чѣшобъ опѣ въпру имъ сберечь свои ушки,
 Надѣли лисьи преушки,
 И сѣли въ дрожки,
 Въ кошорыхъ бабочекъ впряжень былъ цѣлый
 цугъ;
 А на запяшкахъ, вмѣсто слугъ,
 Стояла пара Шпанскихъ мухъ;
 Да сверхъ того еще божковъ конвоевали
 Шестнадцать бойкихъ комаровъ,
 Носами острыми и пискомъ погоняли
 Крылатыхъ, легкихъ скакуновъ. —
 Но чья везетъ колесница
 Чепверкой сизыхъ голубей?
 Конечно по любви Царица
 Желаетъ прокашиться въ ней?
 Такъ точно: вошь она садится;
 За нею въ слѣдъ, рѣзвясь, толпится
 Рой цѣлой Смѣховъ, Игръ, Амуровъ и Упѣхъ!
 Но какъ ихъ посадить съ собой богинѣ всѣхъ?
 Не лзя; однакожь съ ней иные заломались,
 Другіе въ ноги побросались;
 Иные, не успѣвши сѣсть,
 Цѣпочкой свившись, за нею полетѣли,
 Бросали къ ней цвѣты и пѣсни пѣли
 Богинѣ въ честь;
 Иные вперлись къ ней за спинку,
 Иные скрылись въ волосахъ,

Иные въ ямкахъ на щекахъ,
 Иные впушались въ косынку,
 Иные . . . Но оставимъ ихъ;
 Давно пора мнѣ догадаться,
 Что я болшашь опмѣнно лихъ;
 Но впредь не буду я такъ много завирашья,
 И въ двухъ скажу стихахъ
 О прочихъ всѣхъ богахъ.
 Они шудажъ помчались:
 Иной на радугѣ верьхомъ,
 Иной на облакѣ, иной пошелъ пѣшкомъ;
 А дома лишь Эрошъ съ Дурачествомъ оспались,
 Одинъ за шѣмъ, что малъ; другой за шѣмъ,
 — — — — — что глупъ.
 Но что же дѣлать имъ, оставшись на проспорѣ?
 Молчать? Эрошу горе;
 Калякать о любви? его товарищъ шупъ;
 Не знаешь и началъ прекрасной сей науки.
 Наскучивъ наконецъ сидѣшь поджавши руки,
 Эрошъ сказалъ ему вопъ такъ:
 „Дуракъ!
 Теперь одни съ побой мы дома:
 Такъ спанемъ какъ-нибудь играшъ:
 Хошъ въ жмурки: вѣдь игра тебѣ сія знакома.
 Всѣ лучше, нежели опъ скуки намъ зѣвашъ.“
 Охъ, нѣшъ! въ опвѣшъ сказалъ глупецъ Эрошу:
 Давно я поперялъ къ играмъ такимъ охоту;
 А дай мнѣ свой колчанъ на часъ.
 Хочу я испышашъ, одинъ хошъ въ жизни разъ,
 Умѣюль дѣйствовать и я, какъ ты, спрѣлами.

Я самъ тебѣ за то, голубчикъ, ошплачу:
 Пузырики пускашь тебя я научу;
 Клянуся въ тѣмъ тебѣ и Спиксомъ и богами. —
 Эротъ было сперва и слушать не хотѣлъ;
 Но сладишь съ дуракомъ, скажете, кто умѣлъ?
 И такъ онъ наконецъ былъ долженъ согласиться;
 Дурачествовъ къ нему умѣло подлеститься,
 Давъ опытъ, пузыри изъ мыла какъ пускашь.
 Эроту новость та чрезмѣрно полюбилась.

Товарищъ же его взялъ лукъ и спаль стрѣлять;
 Но вотъ бѣда какая вдругъ случилась:

Дурачество, разинувъ ротъ,
 Въ безмѣрной радости не видя, гдѣ Эротъ,
 Спрѣлянуло изо всей своей дурацкой мочи,

И вышибло робенку очи!

Какой нелѣпой поднялъ вой
 Лишенный зрѣнія, крылатый мой герой!

Искусный же стрѣлокъ, отъ страха и печали,
 Разинувши свой зѣвъ,

Такой пустилъ ужасный ревъ,
 Какъ будто бы съ него живова кожу драли.
 Вышье его ошполь повсюду разнеслось;

Все зданье отъ того небесное тряслось....
 Но бросимъ мы на часъ сихъ двухъ глупцовъ
 несчастныхъ,

И съѣдимъ въ пѣнный міръ.
 Я чаю, кончился уже давно шопъ пиръ,
 Который жителямъ небесъ давалъ Омиръ.

На лицахъ ихъ, отъ спирта красныхъ,
 Сверкають радости слѣды.

Не вѣдая совсѣмъ ужасной той бѣды,
 Которая безъ нихъ на небесахъ спряслася,
 Толпа божественна въ свояси поднялася,
 Съ хозяиномъ простясь,
 И шочно также, какъ и прежде, помѣспясь.
 Какая сдѣлалась тревога,
 Какъ мать слѣпова бога
 Домой пришла!
 Ахъ, что она нашла?
 Богиня видипъ шоки крови;
 Зрипъ сына своего;
 Прелестныяже глаза гдѣ были у него,
 Тамъ шолько ямочки оспалися да брови.
 Тогда-то скорбь ея всѣ мѣры превзошла:
 Какое зрѣлище для матери столь нѣжной!
 На мѣсто розъ вспупись въ лице ея цвѣпъ
 снѣжной;
 Запмилися ея небесныя красы;
 Терзаетъ въ горести она свои власы;
 Колѣни слабыя едва ее держали,
 И если бы когда богини умирали,
 То этой вѣрнобъ умереть.
 Но боги вѣдь не мы: шакъ какъ же быпъ? —
 Терпѣпъ!
 Но можноть перенестъ столь бѣдствіе несносно?
 Богинѣ же не мспипъ, и горько и поносно.
 Горя опмщеніемъ, вдругъ силу ощушивъ,
 И взоръ съ плачевнаго предмета соврашивъ,
 На крыльяхъ бѣшенства лепипъ она въ чер-
 поги,

Гдѣ были Зевесъ и прочи боги.

Киприда, въ яроспи, въ опчаяньи, въ слезахъ,
Вбѣжавъ растерзанна, во всѣхъ вселяетъ страхъ,

Бросается Зевесу въ ноги,

И вздохи тяжкіе пуская безъ числа,

О бѣдствіи своемъ рыдая донесла.

Зевесъ, услыша то, столь сильно огорчился,

Что чуть съ престола не свалился.

О лютая напасть!

Опець боговъ, разинувъ пасть,

Реветь быкомъ и спонеть,

Боговъ съ Олимпа гонить;

Потомъ съ опчаянья онъ на спѣну полѣзъ.

Не столько въ бурный вѣпръ шумишь дрему-
чій лѣсъ;

Не столько Турокъ золь, содѣлавшись съ ро-
гами,

Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, спучалъ но-
гами,

Сбираясь пересѣчь боговъ всѣхъ башогами.

Онъ рветъ

И мечетъ;

Попавшихся ему деретъ,

Какъ перепелокъ кречетъ;

Шумишь,

Гремишь,

Своей заморской ищешь прѣспи

И хочешь изломать дурачеству всѣ кости.

Уставши наконецъ, Зевесъ попишетъ спаль,

И драшься пересталь;

Но вошь что бѣдному Дурачеству сказала:

„Скопина!

За то, что ослѣпилъ Кипридина ты сына,
Который мой любимый внукъ,
Достоинъ ты ребромъ повѣшенъ быть на крюкъ.

Но я свой гнѣвъ смягчаю,

И вошь какую казнь тебѣ опредѣляю:

Съ сего часа всегда съ Эропомъ ты ходи;
Кудабъ онъ ни пошелъ, вездѣ его води:

Вошь что навѣки я тебѣ повелѣваю!“ —

Потомъ пощечины двѣ-три ему влѣпилъ,
Да шѣмъ и заключилъ.

Съ шѣхъ поръ Дурачество всегда съ Амуромъ
ходишь.

Но это бы еще не важная бѣда;

А вошь лишь плохо что: Дурачество всегда,
Когда спрѣляєшь онъ, его руками водишь.

Какой же можешь быть шупъ ладъ?

Безмозгло божество спрѣляєшь не въ попадъ;
Ударъ Любви съ шѣхъ поръ намъ въ голову
приходишь

Почти всегда,

И очень мѣтко;

А въ сердце никогда,

Иль очень, очень рѣдко.

П. Сумароковъ.

М О Д Н А Я Ж Е Н А.

Ахъ! сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписаль!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадри-
галь;

А вы, о нѣжные мужья подь сѣдиною!
Ни спрочкой не были порадованы мною.
Проспише въ томъ меня, я молодъ, вѣпрень
быль;

Такъ диво ли, чпо васъ забыль?

А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины

Велятъ уже и мнѣ

Подобной вашей ждашь судьбины,

И о Цитерской споронѣ

Лишь въ сказкахъ воспоминашь; — а были, не-
былицы,

Я знаю, спарикамъ разглаживають лица;

Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну

Про модную жену:

Пролазь, въ печеніи полвѣка,

Все ползь, да ползь, да биль челомъ,

И наконецъ такимъ невиннымъ ремесломъ

Доползь до степени извѣсна человѣка,

То естъ, спаль съ именемъ — я говорю вѣдъ
такъ,

Какъ говорится въ свѣтѣ:

То естъ, спаль ѣздишь онъ шестеркою въ ка-
решѣ;

Попомъ вспупись онъ въ бракъ
 Съ пригожей дѣвушкой, кошора жишь умѣла,
 Была умна, ловка,
 И спарика
 Вертѣла
 Какъ хошѣла;
 А спарикамъ такой законъ,
 Что если кто изъ нихъ вскружишь себя вер-
 тушкой,
 То не она уже, а онъ
 Быть долженъ наконецъ игрушкой;
 Хоть радъ, хопя не радъ,
 Но поступать съ женою въ ладъ
 И рубль подь часъ считашъ полушкой.
 Пролазь, хопь и Пролазь, но мужъ какъ и другой,
 И птакже, какъ и всѣ, цѣною дорогой
 Плапиль женѣ за нѣжны ласки;
 Узналъ и онъ, что блонды, каски;
 Что крепъ, линобатиспъ, шамбурна кисея.
 Однажды бывъ жена — вопъ шупъ бѣда моя!
 Какъ лучше изъяснишь, не приберу я слова —
 Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здо-
 рова,
 А такъ . . . ни по, ни сѣ . . . какъ будто не
 своя,
 Супругу говоритъ: „послушай, жизнь моя!
 Мнѣ къ празднику нужна обнова;
 Пожалуй у мадамъ Бобри купи шюрбанъ,
 Да слушай, душенька, мнѣ хочешся экранъ
 Для моего камина;

А опъ нее вѣдь при шага
 До Англійскаго магазина;
 Да еслибъ тамъ еще . . . нѣшъ, слишкомъ до-
 рога!

А ужастъ какъ мила!“ — Да что, мой свѣшъ,
 такое? —

„Нѣшъ, папинька, такъ, такъ, пустое . . .
 По чеспи! мнѣ самой твоихъ расходовъ жаль.“

— Да что, скажи, опкройся смѣло;
 Расходы знашь мое, а не твое ужъ дѣло? —

„Меня . . . спыжусь . . . плѣнила шаль;
 Послушай, ангель мой! она такая почно,
 Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
 Князь для Княгини, какъ у Князя праздникъ
 былъ?“

Съ симъ словомъ прыгъ на шею
 И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: какъ ты
 милъ!“

— Изволь, изволь, я радъ со всей моей душею
 Услуживать тебѣ, мой свѣшъ!

Былъ мужнинъ ей опвѣшъ.
 Карешу! . . . только врядъ поспѣшь ужъ мнѣ къ
 обѣду!

Да я . . . въ дворянской клубъ опполѣ заверну.—
 „Ахъ, мой жизненочикъ! какъ пѣшишь ты жену!
 Спупай же, Ванчикъ, скорѣе.“ — Ъду, ъду! —

И Ванчикъ сѣдой,
 Проспаясь съ женою молодой,
 Въ карешу съ помощью двухъ долгихъ слугъ
 вшащился;

Сѣлъ, крякнулъ, покапился;
 Но онъ лишь со двора, а госпъ къ нему на дворъ—
 Угодникъ дамской *Милвзоръ*
 Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ убор-
 ной. —
 „Ахъ! я лишь думала, какъ миль!“ — Слуга
 покорной. —
 „А я одна.“ — Одиъ? шѣмъ лучше! да гдѣжъ онъ? —
 „Кто? мужъ!“ — Вашъ нѣжный купидонъ. —
 „Какой, по чеспи, ты ругашель!“
 — По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожашель.
 Однакожъ эшо вѣдь не ложь,
 Что другъ мой на него хопъ нѣсколько похожъ. —
 „То естъ, онъ также спаръ, хопя не шакъ
 прекрасень.“
 — Нѣтъ! я вамъ докажу. — „О! эшопъ шрудъ
 напрасень.“
 — Безъ шушокъ, слушайте! шопъ слѣпъ, а эшопъ
 кривъ;
 Не сходны ли жъ они? — „Ахъ, какъ ты зло-
 рѣчивъ!“
 — Простите, переспану....
 Да! покажите мнѣ диванну,
 Вѣдь я еще ее въ опдѣлкѣ не видалъ;
 Ужъ вѣрно эшо храмъ, храмъ вкуса! — „Оп-
 гададь.“
 — Конечно и . . . любви?.. — „Увы! еще не
 знаю.
 Угодно поглядѣть?“ — Опъ всей души же-
 лаю. — . . .

О бѣдный мужь! спѣши, иль послѣ не пужи
 И опъ дивана ключъ въ карманѣ ты держи;
 Диванъ для городской воспрушки,
 Когда на немъ она самъ-другъ,
 Опаснѣе, чѣмъ для паспушки
 Средь рощицы зеленый лугъ.

И эта выдумка дивановъ

По чеспи! месъ намъ опъ Сулпановъ.
 Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ
 Разсмаприваетъ все, любитъся, дивится;
 Амуръ же, прикорнувъ на спюликъ къ часамъ,
 Приставиль къ спрѣлкѣ перспъ, и спрѣлка не
 вершипся,
 Чтوبъ двумъ любовникамъ часовъ досадный бой
 Не вспоминаль того, что скоро возвратишся
 Вулканъ домой.

А онъ, какъ въ руку сонъ! . . . судьбы того хо-
 шѣли!

На тяжкихъ веряхъ вороша заскрыпѣли,
 Бичъ хлопнулъ, и супругъ съ шоржеспвеннымъ
 лицомъ

Явился на коняхъ успалыхъ предъ крыльцомъ.
 Ужъ онъ на лѣспницѣ, шаца въ рукахъ попку,
 Торопится свою обрадовать голубку;
 Ужъ онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена
 Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.

Но вы, красавицы, одной съ Премилой маспи,
 Не ахайте объ ней и успокойте духъ!

Ея Пенашы съ ней, такъ ей ли ждашь напаспи?
 Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,

Кошорая лежала
 Свернувшись клубкомъ
 На солнышкѣ передъ окномъ,
 Вдругъ вспрепенулася, вскочила, побѣжала
 Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
 Прислонила ушко, пошомъ толкъ лапой въ дверь,
 Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
 Тогдажъ другой Пенашъ, зовомый попугаемъ,
 Три раза вѣстовой изъ клѣшки подалъ знакъ,
 Вскричавши: *кто пришелъ? . . . дуракъ!*
 Премила вздрогнула и Миловзоръ подобно;
 И пошъ и ша — о время злобно!
 О непредвидѣнна бѣда!
 Бросаяся шуда, сюда,
 Рѣшились шакъ, что ей осмашься,
 А госню спряшашься хошя позадь дверей. —
 О женщины! могу признашья,
 Что вы гораздо насъ хипрѣй!
 Кто могъ бы опгадашъ, чѣмъ кончилась шревога?
 Мужъ, въ двери вышавя разцвѣшшіе два рога,
 Вошелъ въ диванную, и видишъ, что жена
 Вполглаза на него глядишъ сквозь шонка сна;
 Онъ ближе къ ней — она проснулася,
 Зѣвнула, пошянулася,
 Пошомъ
 Простерши къ мужу руки,
 Какимъ же, говоришъ ему, я крѣпкимъ сномъ
 Заснула безъ тебя опъ скуки!
 И знаешъ ли, что мнѣ
 Привидѣлось во снѣ?

Ахъ, и теперъ еще въ восторгѣ уповаю!
Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
Вдругъ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ.

Ну, если эпошь сонъ не лживъ?

Позволь мнѣ испытать . . . и въ мигъ, не давъ
супругу

Припши въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему — здоровой, не кривой, —
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоришь: что, видишь ли, мой свѣшь?“

Мужъ отвѣчаешь: нѣшь! —

„Ни крошечки?“ — Ни мало.

Такъ шемно, какъ теперъ, еще и не бывало. —
„Ты шушишь?“ — Право, нѣшь; да дай ты мнѣ
взглянушь.

„Прелеспная мечпа! Лукреція вскричала:
За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обманушь!

Ахъ! другъ мой, какъ бы я желала,

Чтобы одинъ швой глазъ

Похожъ былъ на другой!“ — Пролазъ

При нѣжности такой не могъ стояшь болва-
номъ;

Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и шюрбаномъ.

Пролазъ! ты эпошь день во свѣщахъ запиши.

Примѣрь согласія! жена и мужъ съ обновой! —

Но что записывать? Примѣрь такой не новой.

ДМИТРІЕВЪ.

VI.

А Л Ъ Н А С К А Р Ъ.

На сивомъ Октябрѣ верьхомъ
 Борей угрюмый подѣзжаетъ;
 Сибирскихъ жипелей въ шулупы наряжаетъ;
 Зефировъ гонитъ голикомъ;
 Опустошая царство Флоры,
 На спеклахъ пишетъ онъ узоры;
 Мухъ въ щели, пшицъ въ кусты, звѣрей же го-
 нитъ въ норы;
 Съ бровей на землю онъ спрясаетъ снѣжны горы.
 Въ рукѣ его блещитъ та хладная коса,
 Которой лиспьевъ онъ лишаетъ деревья.
 Грозитъ покрыть Ирпышъ алмазною корою,
 И пудритъ мерзлою мукою
 Сосновы черные лѣса.
 Въ Сибири чѣмъ убитъ такое скучно время?
 Велимъ-ко дровъ принесть беремя;
 Запопимъ камелѣкъ,
 Разложимъ аленькой прескучій огонѣкъ;
 Сорокоградусны забудемъ здѣшни хлады;

А я

Скажу вамъ сказочку, друзья,
 Котору бабушка покойница моя
 Слыхала отъ Шехеразады.

Одинъ

Персидскій мѣщанинъ,
 Которому отецъ въ наслѣдство

Сто драхмъ оставилъ серебра,
 Желая приобрѣсть побольше добра,
 Разсчелъ, что лучшее для этого есть средство
 Въ торги вступить;

Но чтожь ему купить?
 Не могли дорогимъ снабдить себя шоваромъ,
 Посудой вздумалъ онъ стеклянной торговать. —
 Ахъ! чуть было вѣдь я не позабылъ сказать,
 Что звали моего героя Альнаскаръ. —

Топчасъ онъ накупилъ
 Бутылокъ, карафиновъ,
 Спакановъ, рюмокъ и кувшиновъ;
 Вмигъ изъ лубковъ себѣ шалашикъ смастерилъ,
 Посуду въ коробъ склалъ, продажи ожидая,
 И сѣвши передъ нимъ, онъ шакъ заговорилъ,
 О будущихъ своихъ сокровищахъ мечтая:

„Посуду эту всю въ недѣлю я продамъ,

„И черезъ то казну свою удвою;

„А шамъ,

„Недѣли черезъ двѣ ушрою,

„Потомъ учешверю;

„Потомъ ужъ голосомъ не шѣмъ заговорю.

„Богатства пошекупъ тогда ко мнѣ рѣкою;

„И былъ бы очень я плохой купецъ,

„Когда бы наконецъ

„Не накопилъ себѣ драхмъ тысячъ сто имѣнья.

„Въ то время я уже съ посудой прощусь,

„И продавать пущусь

„Лишь драгоценные рѣдчайшіе каменья.

„Какъ будетъ золь

„Великій на меня Моголь,
 „Услышавъ, что его алмазы
 „Передъ моими всѣмъ покажущся за спразы!
 „Я буду только шѣ каменья продавать,
 „Въ которыхъ вѣсу фунтовъ пять;
 „А шѣ, которые по грецкому орѣху,
 „На драку стану я пригоршнями бросать. . . .
 „Вопъ тупъ-то будешь смѣху!
 „Когда же опъ своихъ великихъ я торговъ
 „Червонцевъ накоплю съ полсопни сундуковъ;
 „Тогда пошлю пословъ
 „Звать Визиря къ себѣ на пару словъ,
 „А можешь быть его ославлю и опкушать.
 „Но если вздумаешь меня онъ не послушать,
 „Или замѣшкаешь на зовъ явисься мой,
 „Тогда прощайся онъ навѣки съ бородой.
 „Я прищипъ велю его и на арканѣ;
 „А борода его
 „Послужишь флюгеромъ для дому моего,
 „Или на праздничномъ моемъ диванѣ
 „Пусть развѣвается какъ профей
 „Примѣрной храбрости моей.
 „Но нѣпъ, я думаю, что онъ топчасъ приска-
 четь.
 „Позволю я ему передъ собою сѣсть,
 „И такъ скажу: Визирь! неслыханную честь
 „Я дѣлаю тебѣ; послушай, будь мнѣ тесъ.
 „Опъ радости шакой нежданной онъ заплачетъ,
 „И повалился вдругъ къ ногамъ моимъ какъ снопъ.
 „Я подниму его и поцѣлую въ лобъ,

„Сказавъ, что дочь его люблю изъ всей я мочи;
 „А въ доказательство, что правду говорю,
 „Я побожусь ему, что послѣ первой ночи
 „Червонцевъ тысячу ему я подарю.
 „Тогда поѣдешь онъ для свадьбы дѣлать сборы,
 „Готовить дочери богатые уборы,
 „И словомъ: такъ тогда мы оба заспѣшимъ,
 „Что церемонію на претій день свершимъ.
 „Я привезу жену мою въ свои палаты,
 „Которы будутъ такъ огромны и богаты,
 „Что будь навѣки я кисельникъ и срамецъ,
 „И не купецъ,
 „А чушка,
 „Коль Шаха нашего дворецъ
 „Ничто, какъ гадкая предъ оными лачушка. —
 „Теперь, покупщиковъ еще куда нѣтъ,
 „Мнѣ сдѣлать хочется жены моей портреть:
 „Какъ пальма райская пряма и величава;
 „Ступаетъ будто пава,
 „Сапфиръ, что неба сводъ являетъ въ ясный
 день,
 Пр едъ глазками ея, какъ передъ свѣтомъ шѣнь.
 „Увидяжь бѣлизну ея прелестной шеи,
 „Попрячутся съ стыда нарциссы и лилеи;
 „Но всѣ красы ея считаютъ теперь мнѣ лѣнь,
 „А словомъ: собраны въ ней прелестей всѣ
 роды,
 „И Граціи предъ ней уроды.
 „Довольноль этого для васъ?
 „Когдажь наступитъ часъ

„Намъ спать ложиться,
 „То самъ Визирь придетъ объ эпомъ доложиться;
 „И стукнувъ лысиной объ шуфлю мнѣ разъ
 пять,
 „Вопь долженъ будешь что сказаць:
 „Сіяпельнѣйшій зять!
 „Не повелишь ли ты Зельмиру раздѣватьъ,
 „Она ужь начала зѣватьъ?
 „Но на эпо ему ни слова не добишься;
 „Я на него и не взгляну;
 „А въ знакъ согласія усами шевельну.
 „Когдажъ положашъ спать со мной мою жену,
 „То къ прелеснямъ ея не сдѣлавъ я ни шагу,
 „Спиной къ ней лягу;
 „Ни слова не скажу
 „На всѣ ея мнѣ ласки;
 „А Визиря въ ногахъ поспели посажу
 „И сказывать заспаваю сказки.
 „Съ женой нѣжниѣ я никакъ не поспуплю;
 „Хопъ рвись она въ клочки, наплачь хопъ цѣ-
 лу лужу:
 „Какъ доброму прилично мужу,
 „Я на одномъ боку всю ночь шу прохраплю. —
 „Тогда-шо, Альнаскаръ, поцарствуй!
 „Отнюдь ты важности своей не покидай,
 „И хопъ спо разъ швой теснь, или жена чихай,
 „Ты не моги имъ молвишь: здравствуй!
 „Вопь шакъ-шо нашихъ знай! —
 „Однакожь по упру, хопъ швердъ я, но не ка-
 мень,

„Сердечный обнаружу пламень
 „И въ Гуріи жену мою произведу;
 „А съ Гуріями какъ въ пророческомъ саду,
 „Или въ Едемѣ поступаюшъ,
 „Всѣ правовѣрные и безъ меня по знаютъ.
 „Потомъ я Визирю
 „Обѣщанный ему подарокъ подарю;
 „Да сверхъ того еще червонцевъ дамъ пять
 тысячъ,
 „Изъ коихъ бы иной пять разъ себя даль вы-
 сѣчь;
 „Но это для меня ничто,
 „И даже тысячь сто
 „Ни на волосъ моихъ сокровищъ не убавяшъ.
 „О щедрости такой, какой примѣровъ нѣшъ,
 „Газеты Гамбургски увѣдомяшъ весь свѣшъ
 „И мнѣ безсмертіе доставяшъ.
 „Потомъ вся знашъ
 „Ко мнѣ явился съ поздравленьемъ;
 „Я сидя буду всѣ поклоны принимашъ.
 „Бездѣльникъ нашъ Кади съ колѣнопреклоненъ-
 емъ
 „Въ томъ будешь у меня прощенія просишъ,
 „Что нѣкогда меня дерзнулъ онъ припѣснишъ;
 „Я зареву какъ левъ: вонъ! вонъ! подлець без-
 душный!
 „И сколько силы есть, ногой его толкну.“
 Ахши! ты потерялъ богатство и жену,
 О архитекторъ мой воздушный!
 На что ты сильно такъ лягнулъ?

Опомнись, не Кади, ты коробъ свой полкнулъ.
 Бупылки, пузырьки, кувшины перебились
 И съ ними гордыя мечпанья сокрушились;

А нашъ Визирскій зящъ
 Безъ денегъ, безъ жены, легъ на соломѣ спать.

П. Сумароковъ.

VII.

П Р И Ч У Д Н И Ц А.

Въ Москвѣ, копорая и въ древни времена
 Прелестными была обильна и славна —
 Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
 А шолько слышаль я, что Рускіе бояре
 Тогда ужъ бросили запоры и замки;
 Не запирали женъ въ высоки чердаки;

Но слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
 Ужъ позволяли имъ въ пріятной жишѣ свободѣ;

И свѣтская тогда жена

Могла безъ опасенья

Со другомъ дома, иль одна

И на качеляхъ бышъ въ день Свѣтла Воскре-
 сенья,

И въ кукольной театръ ошъ скуки завернушъ,

И въ роцѣ Марьиной подъ шѣнью отдохнушъ —

Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтра* процвѣтала;

Она пригожесствомъ лица,

Здоровьемъ и умомъ блистала.

Имѣла мать, отца,

Имѣла лестну власпѣ щелчки давати супругу,
 Имѣла, словомъ, все: большой песовой домъ,
 Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
 Гуслиспа, карлицу, шушовъ и дурь содомъ,
 И даже двухъ сорокъ, копорыя болшали
 Такъ почно, какъ она — однако меньше знали.

Вѣтрана куколкой всегда разряжена,

И каждый день окружена

Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;

Но всѣ они при ней казались бытъ льстецами,

За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ по ей,

То цугу вороныхъ коней,

То парчевому ея плащю,

И всякъ хотѣлъ бы жиць съ такою благодащю.

Одна *Вѣтрана* лишь не вѣдала цѣны

Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны;

Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,

Ни самая любовь, — вѣдь есть же на свѣшю

Такіе чудны нравы —

Не прогали мою надмѣнну красоту.

Ей царствующій градъ казался пущъ и скучень,

И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,

Съ какимъ нибудь да былъ пяшномъ:

„Тошъ глупъ, другой уродъ; тошъ ужастъ не-

разлучень;

Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;

Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;

Та все чинится, та болтлива;

А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива.“ —

Такой опзываетъ ея знакомыхъ всѣхъ опбилъ;

Родня и другъ ее забыль,
 Любовникъ разлюбиль;
 Приѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
 Чась опъ часу спаль рѣже, рѣже —
 Оспалась, наконецъ, лишь съ гордостью одной —
 Ушѣшно ли кому съ подругой житьь такой,
 Надушой, но пустой?

Она лишь пучить въ насъ, а не пишаетъ душу!
 Пожалуй, я въ глаза скажашъ ей то не спрушу.
 И такъ *Вѣтра* съ ней сначала ну зѣвашъ;
 Потомъ ужъ и груспишь, потомъ и тосковашь,
 И плакашь, и гонцовъ повсюду разсылашь
 За крестной матерью, — а та, извольте знашь,
 Чудесной силою невѣдомой науки
 Творила на Руси неслыханныя шпuky! —
 О если бы возспаль изъ гроба ты въ сей часъ,
 Драгунской вишязъ мой, о Ропмистръ Брамер-
 бась!
 Ты, бывшій сполько лѣтъ въ Малороссійскомъ
 краѣ
 Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! . . . я помню какъ
 во снѣ,
 Чшо ты рассказываль еще ребенку мнѣ,
 Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
 Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
 Гуляла на хребтѣ швоемъ до полуночи,
 Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
 Какимъ ты ужасомъ разиль тогда меня!
 Съ какой, бывало, ты рассказываль размашкой
 Въ колешѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,

За круглымъ столомъ, дрожащимъ съ чайной
чашкой!

Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

Какъ волосы твои сѣдые съ желтиною

Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!

Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!

Въ подобномъ твоему я страхъ бывъ и самъ,

Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,

И что ужъ ты не конь еще тому не вѣ-
рилъ!

О если бы теперь ты, випязь мой, воскресъ,

Ябъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!

Не спалъ бы истину я закрывать подъ ма-
ску —

Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и былъ идешь за
сказку! —

Прости же, виновать! немного опсупилъ,

Но истинно не я, воспоргъ причиной былъ;

Однако я клянусь моимъ Пермескимъ богомъ,

Что буду продолжатъ обыкновеннымъ слогомъ,

И такъ дослушайшежь: однажды вечеркомъ

Сидитъ облокопясь *Вѣтра* подъ окномъ,

И возведя свои уныло - ясны очи

Къ задумчивой лунѣ, сесприць смуглой ночи,

Грустишь и думаешь: прекрасная луна!

Скажи, не ты ли та щастливая спрана,

Гдѣ мапушка моя ликуетъ?

Увы! не ужель ей, копорой небеса

Вручили власть шворить различны чудеса,

Невѣдомо теперь, что дочь ея поскуетъ;

Что крестница ея оставлена опъ всѣхъ,
И въ жизни никакихъ не чувствуешь упѣхъ?
Ахъ! если бы она хоть глазки показала!“ —
И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей пред-
стала:

— Здорово, дитяшко! *Вѣтранъ* говоритъ:
Какъ поживаешь ты? но что пвой ка-
жешь видъ?

Ты такъ спара, такъ похудѣла!
И бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, опъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся — „Машушка, опвѣспвуетъ
она:

Я жизнь мою во скукѣ пращу;
Наспанешь день, шоскую, плачу;
Покроешь ночь, опяшь грущу,
И все чего-то я ищу.“

— Чего же, свѣпикъ мой? или ты нездорова? —
„О! нѣтъ, грѣшно сказать.“ — Иль домъ вашъ
не богатъ? —

„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палащ.“
— Иль мужъ обычая лихова? —

„Напрошивъ, врядъ найши другова,
Который бы жену споль горячо любиль.“

— Иль онъ не нравится? — „Нѣтъ, онъ доволь-
но миль.“

— Такъ развѣ опъ своихъ знакомыхъ неспо-
койна? —

„Я болѣе опъ нихъ любима, чѣмъ доспойна.“

— Чего же, глупенька, тебѣ не доспаешь? —

„Признайся, мапушка, мнѣ такъ наскучиль
свѣтъ,

И такъ я все въ немъ ненавижу,

Что то одно и сплю и вижу,

Чтобъ какъ нибудь попастъ отсель,

Хотя за *тридцать* земель;

Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,

Все новостію поражало

И рѣдкостью мой умъ и взоръ;

Гдѣбъ разныхъ дивностей соборъ

Представиль былъ, какъ небылицу

Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!“

Старуха хитрая, кивая головой,

Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ прозьбою такой?

Желанье дерзко безразсудно,

То правда, но его исполнишь мнѣ не прудно;

За чѣмъ же дурочку опказомъ огорчишь?...

Кшомужь, я тѣмъ могу ее и поучишь.

— Изрядно! наконецъ сказала:

Исполнишь, какъ ты желала. —

И вдругъ, о чудеса!

И крестница и мать взвились подъ небеса

На лучезарной колесницѣ,

Подобной въ быстротѣ синицѣ,

И меньше, нежели въ при мига,

Спустились въ новый міръ, ошъ нашего оп-
мѣнный,

Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнуть неиз-
мѣнный!

Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,

Деревья яблонны, кусточки ананасны;
 А горы всѣ или яншарны, иль попазны;
 Каковъ же Феинъ былъ дворець—признахся вамъ,
 То врядъ изобразишь и Богдановичъ самъ.
 Я только то скажу, что всѣ матеріалы —
 А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ —
 Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ
 Дворецъ сей сгромоздиль, лишь изумрудъ, опалы,
 Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристалль,
 Жемчугъ и лалль,
 Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя Природы,
 Какими свадебны набины Руски оды;
 А садъ — повѣришель? — не только описашь
 Иль въ сказкѣ разскашъ,
 Но даже и во снѣ его намъ не видашъ.
 Пожалуй выдумаешь не прудно;
 Но все то будешь мало, скудно,
 Иль много, много что во шмѣ кудрявыхъ словъ
 Удася Сарское село тебѣ представить,
 Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
 Такъ лучше эпошъ прудъ оставишь
 И далѣ продолжашъ: *Вѣтра*на, николи
 Диковинокъ такихъ не видя на земли,
 Со изумленьемъ всѣ предметы озираешь,
 И мыслишь, что мечша во снѣ надъ ней играетъ;
 Войдя же въ храмины чудесницы своей,
 И пуще щуришься, то блескъ отъ хрусталей,
 Сребристыя луны сражаясь съ лучами,
 Которыебъ почлись за солнечные нами,
 Какъ яркой молніей слѣпишь *Вѣтринн* възоръ;

То перламупрь хрустишь подь ней или фар-
форь —

Ахши! опящъ понесъ великолѣпный вздоръ!

Но бышь ужъ шакъ, когда пустился.
И шакъ переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ претъему пришли, богатый вдругъ
черного

Не вѣшперкомъ, но самъ собою разтворился!

— Ну, дочка! поживай и веселися здѣсь,

Всеѣгда говоришь: не только дворъ мой весь,

Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,

Велѣніямъ моимъ послушныхъ,

Даю во власъ твою; сама же я, мой свѣтъ,

Отправляюся на мало время,

(Вѣдь у меня заботъ беремя)

Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;

Она недалеко живешь отсюда — въ Колѣ,

Да по дорогѣ ужъ отполѣ

Зайду и къ брату я,

Камчатскому Шаману.

Прощай, душа моя!

Надѣюсь, что тебя довольнѣе застапу. —

Тяну коврикъ самолѣтъ она подослала,

Спустила, свиснула, и въ мигъ изъ глазъ ушла,

Какъ будтобы и не была.

А удивленная Вѣтра,на,

Какъ новая Діана,

Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразы.

Онѣ пошчасъ ее подъ ручки подхватили,

Помчали, и за столь роскошный посадили,

Какого и *видамъ* не *видано* у насъ.
Вѣтра кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
 Изъ коихъ каждая почпи, какъ ты . . . мила,
 Поджавши руки вкругъ стола,
 Поютъ ей аріи веселыя и спрасны,
 Стараясь слухъ ея и сердце усладить.
 Потомъ она едва задумала вставать,
 Вдругъ дѣвушекъ, стола не стало,
 И залы будто не бывало;
 Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтра чувствуетъ пріятну помнось сна,
 Спускается на пухъ изъ розъ въ сплешенномъ
 нишѣ,
 И въ топь же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
 Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
 Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ пише, пише, пише,
 И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтра*ю уснулъ.
 Прошла спокойна ночь; Напура пробудилась;
 Зефиръ вспорхнулъ,
 И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскури-
 лась;
 Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
 Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
 И съ шумомъ рѣзваго фоншана,
 Воспѣлъ: „Проснись, проснись, щасливая
Вѣтра!“
 Она проснулася — и спальная ужъ садъ!
 Жилище райское веселій и прохлада!
 Повсюду чудеса *Вѣтра* обрѣшала:

Гдѣ только ступишь лишь, шупъ роза разцвѣ-
тала!

Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ мирповый кустокъ, шамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ опливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому прошекаетъ;

Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькають рыбки золотыя;

Тамъ ппички гимнъ поють природѣ и веснѣ,
И попугаи голубыя

Со эхомъ въ запуски швердятъ:

„Вѣтрана! насыщай свой взглядъ!“

А съ полднемъ новая картина:

Садъ превратился въ храмъ,

Украшенный по сторонамъ

Столпами изъ рубина,

И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ

Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣшовъ.

И вдругъ отъ свода опустился

На розовыхъ цѣпяхъ столь круглый изъ сребра

Съ такоюжъ пищей, какъ вчера,

И въ воздухѣ ошановился;

А подъ Вѣтраной очутился

Съ подушкой бархатною шронъ,

Чшобы съ него ей кушать,

И пѣніе, какимъ гордилсябъ Амфіонъ,

Тѣхъ Нимфъ, копорыя вчера служили, слушать. —

„По чеспи! это рай! ну, если бы шеперь,

Вѣтрана думаешь, подкрался въ эту дверь...“

И слово не скончавъ, въ шрюмо она взглянула —

Сошла со прона и вздохнула!
 Чшо дѣлала попомъ она во весь шопъ день,
 Признашья, сказывашь и лѣнь,
 И не умѣеися, и было бы не кшатѣ;
 А только объявлю, чшо въ эшой же палашѣ
 Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
 Быль и вечерній споль, приличный лишь бо-
 гамъ,
 И чшо на упро быль день новыхъ превращеній
 И новыхъ восхищеній,
 А на другой день шожь.— Но чшо эшо за мірь?
*Вѣтра*на говоришь, гармоніи внимая
 Висящихъ по спѣнамъ золотоспрунныхъ лирь:
 Все эдакъ, шо шеска возьмешь и среди рая!
 Все чудо изъ чудесь, куда ни поглядишь;
 Но чшо мнѣ въ помъ, когда шоварища не вижу?
 Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
 Веселье веселишь, когда его дѣлишь. “ —

Лишь эшо вымолвишь успѣла,
 Вдругъ набѣжала шьма, вспаль вихоръ, грянуль
 громъ,

Ужасна буря заревѣла;
 Все рушится, падешь вверхъ дномъ,
 Какъ не бываль волшебный домъ;
 И бѣдная *Вѣтра*на
 Блѣдна, безгласна, бездыханна,
 Сшремглавъ лепишь, лепишь, лепишь —
 И гдѣжь, вы мыслите, упала?
 Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
 Жилища вѣдьмъ, волковъ,

Разбойниковъ и злыхъ духовъ!

*Вѣтра*на возрыдала,

Когда опомнившись узнала,

Куда попалася она;

Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!

Ночь адская была: ни звѣзды, ни луна,

Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;

Все спитъ!

Лишь воешь вѣпръ, лишь листъ шумишь,

Да изъ дупла въ дупло сова перелетаешь,

И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.

Сиротка думаетъ, ищи ли ей, иль нѣтъ,

И ждешь, когда луны забрезжитъ блѣдный свѣтъ?

Но это часъ воровъ! И такъ она рѣшилась

Не мѣшкая ищи; и такъ перекрестилась,

Вдохнула, и пошла по вязкому песку

Со страхомъ и поскою;

Блѣдишь и дрожишь, лишь ступишь шагъ

ногою:

Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ куку!

Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за деревьевъ роги;

То слышишься ау, то вспыхнулъ огонекъ;

То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,

Иль кто-то скрылся за пенекъ?

То по лѣсу раздался хохотъ,

То вой волковъ, то конской попошь.

Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ по испы-

паль,

Когда мои стихи въ журналы посылалъ.

Не даромъ и *Вѣтра*на плачетъ!

Ужь, въ самомъ дѣлѣ, кто-то скачешъ
 Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми,
 Спой! спой! онъ гаркаешъ, сверкаючи очьми:
 Спой! кто бы ты ни шель, по волѣ иль неволѣ;

Иль свѣта не увидишь болѣ! . . .

Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ;
 Но видя, что у ней спрахъ губы оковалъ,

Берешъ ее въ охапку

И поперегъ кладешъ сѣдла,

А самъ, надвинувъ шапку,

Припавъ къ лукѣ, лешипъ какъ изъ лука стрѣла!

Лешипъ, исполненный отваги,

Чрезъ холмы, горы и овраги,

И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,

Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ
 словъ! —

Вѣтра жъ: ахъ! . . . и пробудилась. —

Представьте, какъ она взглянувши удивилась!

Вся горница полна людей:

Мужъ въ головахъ споялъ у ней;

Сестры и тешушки вокругъ ея поспели

Въ безмолвіи сидѣли;

Въ углу приходской попъ молился и читалъ;

Въ другомъ углу колдунъ *досужій* бормошалъ;

У шкафа жъ за споломъ, вощанкою накрышымъ,

Прописывалъ рецептъ Хирургусъ изъ Нѣмчинъ,

Который по Москвѣ считался знаменимымъ,

За пѣмъ, что былъ одинъ.

И все собраніе *Вѣтры* съ первымъ взоромъ:

Очнулась! возгласило хоромъ;

Очнулась! повторяешь хоръ:

Очнулась! — И весь дворъ

Запрыгаль, заплясаль, воскликнувъ: слава Богу!

Боярыня жива! нѣтъ горя намъ шеперь! —

А въ эту самую тревогу

Вошла *Всевѣда* въ дверь

И бросилась къ *Вѣтранѣ*. —

„Ахъ, бабушка! за чѣмъ явилась ты не ранѣ?

Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?

И что я видѣла? . . страхъ . . . ужасъ!“ — Ты
спала,

А видѣла лишь бредъ, *Всевѣда* отвѣчаешь;

Прости — развеселясь шаруха продолжаешь:

Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты

По молодости лѣтъ ударила въ мечты;

И для того, когда ты съ прозьбой присту-
пила,

Трехсупочнымъ себя я сномъ обворожила

И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,

Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ

И новыхъ благъ желая,

Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.

Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?

И такъ, впередъ страшись ты покидашь ее!

Будь добрая жена и мать чадолюбива,

И будешь всѣми ты почтенна и щасплива. —

Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтрана* обнимашъ

Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всевѣду*.

Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;

Наѣхали, нашли, и сѣли пировать:

Ужъ лицець зашипѣлъ, все спало веселѣе,
Всякъ пѣшь и говоришь, любуясь на бокаль:
„Чпо мапушки Мѣсквы и краше и милѣе.“—

На силу досказаль.

ДМИТРІЕВЪ.

Б А С Н И.

E A C H N

Б А С Н И.

І.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Дубъ съ простию вступилъ однажды въ разгово-
воры:

Жалѣю, дубъ сказалъ, склоня къ ней важны
взоры:

Жалѣю, проспочка, объ участи твоей;

Я чаю, для тебя тяжель и воробей;

Легчайшій въперокъ, едва спруящій воду,

Ужасень для тебя, какъ буря въ непогоду,

И гнешь тебя къ земли,

Тогда, какъ я — высокъ, осанисъ и вдали —

Не только Фебовы лучи пересѣкаю,

Но даже бурный вихрь и громы презираю;

Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и спонь;

Все для меня Зефиръ, тебѣжъ все Аквилонъ.

Блаженнабъ ты была, когдабъ росла со мною:

Подъ тѣнію моею густою

Тыбъ не спрашилась бурь, но рокъ тебѣ су-
дилъ

Распи, на мѣсто злачна дола,

На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести! и въ меня швой жребій грусть все-
лиль.

„Ты очень жалостливъ, прости дубу опивъ-
чала:

Но, право, о себѣ еще я не вздыхала;
Да не о чемъ и воздыхать;
Мнѣ вѣпры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.

Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя доднесь поколебать,
Но подождемъ конца.“ — Съ симъ словомъ вдругъ
завыла

Опъ Сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣпръ — все рушить и валишь;
Лешишь, кружишься лисъ, прости гнешся —
дубъ споишь.

Вѣпръ, пуще воужась, изъ всей ударилъ мочи —
И шопъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ
Упаль.

ДМИТРИЕВЪ.

II.

М О Р Ъ З В Ъ Р Е Й.

Лютѣйшій бичъ Небесъ, Природы ужась — Моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ — унылы звѣри.
Въ адъ распахнулись настичъ двери.
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по вы-
сямъ горъ;

Вездѣ размешаны ея свирѣпства жертвы;
 На часъ по тысячѣ валилися ихъ,
 А тѣ, копорые въ живыхъ,
 Такой же часпи ждя, чуть бродящъ полумер-
 твы —

Тѣжъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой пой:
 Не давишь волкъ овецъ и смиренъ какъ святой;

Давъ курамъ роздыхъ и покой,
 Лиса поспипся въ подземельѣ;
 И пища имъ на умъ нейдетъ!
 Съ голубкой голубъ врозь живешь;
 Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
 А безъ любви какое ужъ веселье!

Въ сей крайности — совѣтъ звѣрей сзываетъ
 Левъ;

Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ
 души,

Сбредили и въ тишинѣ Царя вокругъ обсѣвъ,
 Успавили глаза и приложили уши.

„О други! началъ Левъ, по множеству грѣховъ,
 Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
 Такъ шопъ изъ насъ, кто всѣхъ виновень болѣ,
 Пускай по доброй волѣ

Дозволишь принести себя на жертву имъ —
 Быть можетъ, что богамъ мы эшимъ угодимъ,
 И шеплое усердье нашей вѣры
 Смягчитъ жестокость ихъ.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
 Что добровольныхъ жертвъ шакихъ
 Бывали многіе въ исторіи примѣры.

И такъ
 Пусшь всякъ
 Подробно здѣсь расскажешь,
 Кого въ чемъ совѣсть вяжешь.
 Покаемся, мои друзья!
 Охъ! признаюсь, не правъ и я;
 Овечекъ бѣдненькихъ, за что? со всѣмъ без-
 винно,

Дираль безчинно;
 А иногда — кто безъ грѣха! —
 Случалось драль и паспуха.
 И въ жертву отдаюся охотно — только сперва
 Не худобъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесъ;
 На комъ ихъ болѣ естъ,
 Того бы въ жертву и принесъ:
 Онъ правосудію прямая будешь жертва.“
 — О Царь! нашъ добрый Царь! отъ лишней
 доброшы,
 Лисица говоришь, въ грѣхъ это спавишь ты.
 Къ чему щадишь овецъ? Я думаю безъ леспи,
 И всѣ тожъ скажутъ здѣсь, хоть самъ спро-
 сишь изволь,
 Для швари глупой, подлой шоль,
 Царю по вкусу бышь чрезмѣрно много чеспи.
 А что до паспуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ че-
 ломъ
 Ихъ чаще такъ учишь — имъ это по дѣломъ;
 Безхвостой этошь родъ лишь глупой спѣсю
 дышешь
 И нашими себя вездѣ Царями пишешь. —

Окончила Лиса, за ней, на шопъ же ладъ,
 Льстецы Льву шожо говоряшъ;
 И всякой доказашъ спѣшилъ на перехватъ,
 Что даже не въ чемъ Льву просить и разрѣ-
 шенья.

За Львомъ Медвѣдь — и Тигръ и Волки въ свой
 черёдъ

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
 Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
 Никто и шевелить не смѣлъ;
 И всѣ, кто былъ зубкомъ, иль ногошкомъ богашы,
 Тѣ вышли вонъ,
 Со всѣхъ споронъ
 Не только правы, чужь не свяшы.

Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычишъ:
 „и мы

Грѣшны; шому давно, когда зимой кормы
 Намъ были худы,

На грѣхъ меня лукавый напoлкнулъ —

Нигдѣ себѣ найши не могли. ссуды,
 Изъ спoгу у попа я клокъ сѣнца спянулъ.“

При сихъ словахъ поднялся шумъ и
 шoлки,

Кричащъ Медвѣди, Тигры, Волки:

— Смотри, злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣсть! ну, диво ли, что боги
 За беззаконіе его къ намъ спoлько спроги?
 Его безчинника съ рогашой головой,
 Его принесть богамъ, за всѣ его проказы,

Чтобъ и пѣла намъ спасъ и нравы опъ за-
разы.

По немъ у насъ и моръ такой! —

Приговорили,

И на косперъ вола взвалили.

И въ людяхъ шакже, говоряшъ,

Кшо побезсильнѣе, шакъ шопъ и виновашъ.

Крыловъ.

III.

МИРЗА и СОЛОВЕЙ.

Мирза, любимый сынъ великаго Могола,

Однажды въ рощицѣ съ наспавникомъ гулялъ;

Опъ скуки дѣлашъ что не зналъ —

А скука, говоряшъ, живешъ и у престола;

Вельможи и Князья зѣваюшъ чаще насъ;

Но дѣло не о томъ. Мирза гулялъ въ лѣсочкѣ,

А шамо, сидя на кусточкѣ,

Лѣсныхъ пѣвцовъ Моголь пѣлъ громко и сви-
спаль,

И пѣніемъ своимъ дивилъ и восхищаль.

Мирза, какъ Царскій сынъ, и въ клѣпочку скорѣе

Пернашаго пѣвца желаль бы посадилъ.

Въ чершоггахъ, думаль онъ, жишъ ппичкѣ ве-
селѣе —

И ну ее ловилъ.

Но только лишь Мирза пошевелился,

Пѣвецъ въ дубровѣ скрылся,

Сыногъ Могола осердился.

— Какъ можно, онъ сказахъ, что здѣсь въ лѣ-
су гуспомъ,

Такъ свищупъ соловьи и пѣнъемъ восхищающъ,

А у меня передъ дворцомъ

Одни лишь воробьи летающъ? —

„Дивисься этому не должно никогда,

Ему наставникъ отвѣчаетъ:

Глупцовъ встрѣчаемъ мы, и видимъ ихъ всегда,

Но мудрый кроется и пышность презираетъ.

Блаженъ тотъ Государь, кто мудрыхъ обрѣ-
щаетъ!

Пушкинъ.

IV.

О Б Е З Ъ Я Н Ы.

Во всякомъ родѣ есть безумцы и буяны:

И глупы Обезьяны

Однажды вздумали туда же разсуждать,

И на Юпитера ропшать,

За чѣмъ изволилъ онъ лишь людямъ скипетръ
дать!

Не ужто люди насъ, кричатъ онѣ, умнѣе?

Не ужто руки ихъ для скипетра длиннѣе?

Не ужели и въ насъ такихъ же нѣтъ даровъ:

Проворства, памяти, иль, на примѣръ, зубовъ

Для собственнй защиты?

Такъ точно! ни за что Юпитеромъ забыты! —

— Изрядно же, сказала имъ громовержець-богъ:

Даю и вамъ на царство право;

Вручаю вамъ Кроповъ и племя Лисъ лукаво,

И Зайца, славнаго давно проворствомъ ногъ.

Довольныль? выбирайте сами,

Кто всѣхъ умнѣй, кому царемъ быть между
вами?

„Мнѣ! мнѣ! всѣ въ голосъ шупъ.“ — Нѣтъ
мнѣ, а не ему!

Пустое! я умнѣй! — „нѣтъ я!“ — Такъ никому!

Юпитерь произнесъ: и слушаю васъ не спану! —

Чишашель! понялъ ли рассказъ?

Оставимъ все Творцу; Онъ знаетъ лучше насъ,

Что дасть Петру и что Ивану.

V.

Б А Р О Н Ъ.

Жилъ былъ скупой богачъ, и у него одинъ

Былъ сынъ.

Опець его скончался;

Наслѣдства миліонъ молодчику достался;

И захопѣлъ сынокъ, имѣвши миліонъ,

Барономъ сдѣлаться, и сдѣлался Баронъ.

Баронство куплено; теперь задумалъ онъ

Быть сверхъ того еще и знатнымъ господиномъ

И слыть Барономъ съ чиномъ.

Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,

Но все собирався и хотѣлъ
 Министромъ бытъ при кабинетѣ,
 Чтобъ въ Царскомъ засѣдать Совѣтѣ;
 Иль славнымъ полководцемъ бытъ.

Баронъ! достоинства за деньги не купишь! —

Но все Баронъ не могъ рѣшиться,
 Къ чему бы лучше прилѣпиться;
 Гдѣбъ больше чести достигнуть:

Въ Министры ль добиваться,
 Иль въ полководцы попытаться.

И такъ въ намѣреньяхъ однихъ живетъ Баронъ;
 А все достоинство Барона миллионъ.

Онъ удивленіе былъ народовъ
 Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.
 Доходами его почти весь городъ жилъ,
 Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
 И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
 То больше лошадей своихъ онъ величался.

Льсщцамъ онъ покровитель былъ,
 И ревностно тому служилъ,
 Кто, ползая предъ нимъ, его о чемъ просилъ;
 А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
 Талантами его безстыдно восхищался,
 Тотъ вѣрно помѣщенъ въ число друзей тѣхъ
 былъ,

Которые на счетъ Барона ѣли, пили,

Смѣясь, въ глаза его хвалили;
 И въ тошъ же самый часъ мѣшки его щечили,
 Какъ увѣряли всѣ его,
 Что противъ глазъ такихъ, какіе у него,

И Аргусовы ничего.
 На долголь моту миліона?
 Ему другова нѣтъ закона,
 Какъ только чѣмъ по волѣ жиѣтъ,
 Своимъ богатствомъ величаться,
 Страсшамъ и прихотямъ служиѣтъ.
 Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше добиваться
 Министромъ, полководцемъ быѣтъ;
 И только къ роскоши развратной прилѣпился:
 Пилъ, ѣлъ и веселился.
 А какъ весь миліонъ Бароновъ испоѣлся,
 То спалъ опять Баронъ
 Ничѣмъ, какъ былъ и прежде онъ.
 Безъ денегъ онъ опѣ всѣхъ оставленъ очуѣлся;
 И доказалъ своимъ жиѣьемъ
 Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
 Чѣмъ дѣшамъ только зла родили желаютъ,
 Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
 Богатство пагуба и вредъ
 Тому, въ комъ воспитанъ нѣтъ.

ХЕМНИЦЕРЪ.

VI.

ВОЛКЪ ПАСТУХЪ.

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
 Надѣлъ пастушье платье волкъ,
 И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
 Привѣсилъ къ поясу рожокъ,

На уши вздѣль широку шляпу,
 И крался тихо сквозь лѣсокъ,
 На ужинъ для добычи къ стаду.
 Увидѣль тамъ, что Жучко спитъ,
 Обнявъ паспушку Ёирсъ храпитъ,
 И овцы всѣ лежали сряду.
 Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
 Но не довольствуюсь уборомъ,
 Хотѣлъ прикраситъ разговоромъ
 И именемъ овецъ назватъ.
 Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
 Раздался въ роцѣ волчій вой,
 Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ,
 И Жучко бросился съ нимъ въ бой;
 Одинъ дубиной госпя встрѣшилъ,
 Другой за горло ухватилъ;
 Тупъ поздно бѣдной волкъ примѣшилъ,
 Что черезъ чуръ перемудрилъ,
 Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
 И голосомъ своимъ сказался.
 Но Ёирсъ не долго размышлялъ:
 Уборъ съ него и кожу снялъ.
 Я припчу всю коропкимъ полкомъ
 Могу вамъ, господа, сказасть:
 Кто въ свѣтѣ семь родился волкомъ,
 Тому лисицей не бывасть.

Ломоносовъ.

VII.

П Ч Е Л А.

За чѣмъ ты такъ неоспорожно
 Лепашь по цвѣтамъ, Пчела?
 Въ иныхъ есть ядъ, тебѣ имъ оправиться мо-
 жно —

Сказала Лизанька; а та отвѣтъ дала:
 „Я знаю, что мнѣ дѣлать должно;
 Садясь на цвѣшокъ,
 Пью нектаръ, а не вредной сокъ.“ —

К. К. . . . а Урусова.

VIII.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

У льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
 Во всѣхъ его странахъ
 Потѣшные огни, веселья, жертвы, оды;
 Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
 Скачи земля! выиграйше воды!

У льва родился сынъ!“ — И вправду, кто не
 радъ?

Межъ тѣмъ, когда всякъ звѣрь воспоргомъ упи-
 вался,
 Царь-левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ преда-
 вался,

Кому бы на руки даша свое отдашь:
Наспавникъ долженъ быть уменъ, ученъ, не-
зlobень!

Кшобъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе спосо-
бенъ?

Не шутка скоро отгадашь.
Царь въ нерѣшимости велѣлъ совѣшь собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,

Препоручиль избрать ему,
По чистой совѣсти, по долгу своему,
Для сына въ меншоры достойнѣйшаго звѣря.

Вспаль шигрь и говоришь:
„Война, война Царей великими шворить;
Твой сынъ, о Государь! быть долженъ стра-
жомъ свѣша;

И такъ образовашъ его младя лѣша
Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
Который всѣхъ, по лѣвъ, ужаснѣй и спрашнѣй!“—
— И осторожнѣе, медвѣдь къ тому прибавиль:

Чшобъ онъ младаго лѣва наспавиль
Умѣть и храброспью своею управлять.“
Пропиву мнѣнья двухъ лѣвъ ишпи не можно;
Однакожь, такъ и сякъ начавъ она виляшь,

Замѣшила, что дядькѣ должно
Знашь и политику, быть хитраго ума,
Короче: какова сама.

За нею тотъ и тотъ свой голосъ подавали,
И всѣ они, хошя себя не называли,

Но ясно намекали,
Что въ дядьки лучше ихъ ужъ некого избрать:

Совѣты и вездѣ почти на эту спать.

„Позволено ль и мнѣ сказать четыре слова?

Собака, наконецъ, свой голосъ подала:

Полишки, войны нѣтъ слѣдствія другава,

Какъ много шума, много зла.

Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и
кровью?

Какъ подданныхъ своихъ ссоставить счастье онъ?

Какъ будетъ ихъ опцемъ? чѣмъ ушвердить свой
пронъ?

Любовью.

Вопъ таинство, вопъ ключъ къ высокой и свя-
той

Наукъ добраго правленья!

Ктожь Принцу лучшія подасъ въ ней настав-
ленья?

Никто, какъ самъ опецъ.“ — Тигръ смопришъ
какъ шальной,

Медвѣдь, другіе пожъ; а левъ, опъ умиленья

Заплакавъ, бросился собаку обнимаъ;

„Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?

О добрый звѣрь! тебѣ вручаю

Я счастье мое и подданныхъ моихъ;

Будь сыну моему наставникомъ. Я знаю,

Сколь пагубны льстецы: укрой его опъ нихъ;

Укрой и опъ меня — въ швоей онъ полной волѣ:

Собака опъ Царя идеъ съ дияшей въ поле,

Лелѣетъ, пѣснуетъ и учитъ между пѣмъ.

Урокъ былъ первый шопъ, что онъ щенокъ,

не львенокъ,

И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ день
за днемъ,

Уже питомецъ не ребенокъ,
Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
Которыя въ удѣлъ отцу его даны;
И львенокъ въ первый разъ узналъ насильство
власти,

Народовъ нищету, звѣрей худыя спраси:
Лиса ѣстъ кроликовъ, а волкъ душитъ овецъ,
Оленя давитъ барсъ; повсюду, наконецъ,
Могучіе богаты,

Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,
Быки работаютъ безъ плахи,
А обезьяну золомятъ.

Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.
„Наставникъ! онъ сказалъ, подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣденія Царева?

Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!“ —
— Какъ могушь доходить? собака отвѣчаетъ:
Его одна толпа щастливцевъ окружаетъ,
А имъ не до того; а тѣ, кого съѣдятъ,
Не говорятъ.“ —

И такъ нашъ львенокъ, безъ дальнихъ раз-
мышлений
О томъ, въ чемъ доброту и мудрость спа-
вишь свѣтъ,

И добръ спалъ и уменъ; но въ этомъ дива нѣтъ:
Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій.
Онъ въ доброй школѣ той върасшая, получилъ
Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;

Однакожь все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вошь, какъ случай самъ о томъ ему от-
крылъ:

Однажды на пуши собака захопѣла
Взявъ отдыхъ, и легла подъ тѣнію деревь;
Вдругъ выскочилъ злой пигрь, разинуль страш-
ный зѣвъ,

И прямо къ ней — но левъ,
Закрывъ ее собою,

Взмахнулъ хвостомъ, запрясь космашой головою,
Взревѣль — и пигрь уже разперзанный лежишь!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжишь
И вопишь: побѣдилъ! благодарю судьбину!

Но я ль то былъ, иль нѣтъ? ... Повѣришь ли, отецъ,
Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ былъ
конецъ,

Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу львину;
Я точно ... былъ какъ левъ! — „Ты точно
левъ и ешь,

Наставникъ отвѣчалъ, облившись слезами;
Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣспѣ:
Отнынѣ ... кончилось равенство между нами;
Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру;
Но ты ... и радости и грусти мнѣ причина!
Проси, о Государь! невольно слезы лью ...

Отечеству отца даю,
А самъ ... теряю сына!“

ДМИТРИЕВЪ.

IX.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

Увидя Волкъ, что шерсть паспухъ съ овецъ
стрижешь,

Мнѣ мудрено, сказахъ, и я не понимаю,

За чѣмъ паспухъ совсѣмъ съ нихъ кожи не де-
решь.

Я на примѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ едирую,

И пожъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.

За чѣмъ бы и ему не также поступать? —

Слонъ, Волчье слыша разсужденье,

„Я долженъ, говоришь, тебѣ на то сказахъ:

Ты судишь такъ какъ Волкъ; а паспухово мнѣнье

Овецъ своихъ не убивать.

Съ себя, да и съ господъ иныхъ примѣры брахъ,

Не будешь наконецъ съ кого и шерсть сни-
мать.“

Хемницеръ.

X.

КОНЬ и ОСЕЛЬ.

Конь, всадникомъ гордясь,

И выступкой храбрясь,

Рѣзвился,

И какъ-то оступился.

На ту бѣду Осель случился,

И говоришь коню: ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой!
Я ходя цѣлый день ни разу не споткнулся;
Да полно я и берегуся. —

„Тебѣ ли говорить!

Конь отвѣчалъ Ослу: и ты шудажь несешься!
Твоею выспупкой ходишь,
И въ вѣкъ не спотыкнешься.“

Хвмницерь.

XI.

О Б О З Ъ.

Шель нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой преспрашной возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище по валишь;
Но чѣмъ сей баринъ возъ набишь?
Пузырями.

Хвмницерь.

XII.

СТРОИТЕЛЬ.

Что можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завпрее не полагайся

Построить нѣкто домъ желалъ,
 И нужные къ тому собирать припасы спалъ;
 И собралъ ужъ не мало.
 Построить долго ли? лиха бѣда начало.
 Проходишь день за днемъ, за годомъ годъ идешь;
 А все спроенья нѣшь:
 Все нашъ Строишель оплагаетъ
 Сроенье до другаго дни.
 Внезапно смерть пришла: Строишель остав-
 ляетъ
 Припасы лишь одни.

ХЕМНИЦЕРЪ.

XIII.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ, лѣтъ въ семьдесятъ, рыль яму и крях-
 шѣлъ:
 Добро бы строишь, нѣшь! садишь еще хошѣлъ!
 А трое Молодцовъ, зѣвая на работу,
 Смѣялися надъ нимъ. — „Какую же охоту
 На староспи Богъ даль!“
 Одинъ изъ нихъ сказалъ.
 — Другой прибавилъ: чшожь? еще не опоздалъ!
 Ковчегъ и большаго терпѣнья стоилъ Ною. —
 „Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!
 Примолвилъ претій Старику:
 Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;
 Когдажь тебѣ дождатся,
 Подъ тѣнью дерева въ Юлѣ прохладатся?

Ровесникамъ своимъ и наспоющій часъ

Невѣренъ,

А завтра льстить себя оставь уже ты насъ!“

Совѣшь доволю здоровъ, довольно и умѣренъ

Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!

„Повѣрьте мнѣ, друзья, старикъ сказалъ въ

отвѣтъ,

Что завтра ни мое, ни ваше;

Что Парка блѣдная равно

Взираетъ на печенье наше.

Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано,

Кому изъ насъ Оно судило

Послѣднему взглянуть на ясное свѣпило!

Не можете и вы надежны быть, какъ я,

Ниже на мигъ одинъ работа же моя

Не мнѣ, такъ дѣшамъ пригодится!

Чувствительна душа и въ чужѣ веселился.

И такъ вы видите, что мной ужъ собранъ плодъ,

Которымъ я могу теперь же наслаждаться,

И завтра, можете спать,

И далѣе . . . какъ знаешь? быть можете, что и

годъ.

Ахъ! можете быть и то, что вашъ безумецъ

хилой

Заспанетъ мѣсяца восходъ

Надъ вашей розами усыпанной могилой!“

Старикъ предчувствовалъ: одинъ, прельсаясь

пескомъ —

Конечно золотымъ — уснулъ на днѣ морскомъ;

Другой подь миртами исчезъ въ цвѣтущи лѣта,
А прешій — дворянинъ, за честь къ опмщенью
скорь, —

Войдя съ пріятелемъ въ театрѣ въ легкій споръ,
За креслы, помнится убишь изъ пистолеша,

ДМИТРІЕВЪ.

XIV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужь вѣрно тамъ,
И радость и печаль, все было по поламъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало;
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажется, кудабъ хошѣшь,

Или ошъ милой, иль ошъ друга?

Нѣшь, вздумаль спранспивовашъ одинъ изъ нихъ
лешѣшь.

Диковинки земнова круга

Судишь и видѣшь самъ собой;

Ложь съ истиной сличишь, повѣришь былъ съ
молвой.

Во снѣ и на яву похоть лишъ видишь свой,
И ни о чемъ другомъ не можешь рта разинушь.

„Куда ты? говоришь сквозь слезъ ему другой:

Иль брата хочешь ты покинушь?

Жестокой! ежели меня тебѣ не жаль,

Такъ вспомни хищныхъ ппиць, силки, грозы
ужасны

И все, чѣмъ спранствія опасны;
Хоть подожди весны лепѣшь въ такую даль,
Ужь я тебя тогда упрашивать не буду.

Теперь и кормь такъ скудень, малъ —
Да чу! — и воронь прокричалъ;
Вѣдь это вѣрно къ худу.

Останься, другъ любезный мой!

Ну, намъ вѣдь весело съ тобой —
Кудажь еще тебѣ лепѣшь — не разумѣю —
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да яспреба, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.

Все стану надъ тобой бояться я нещасья.

Чуть пучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли опъ не-
настья? "...

Разпрогала рѣчь эта голубка,
Жаль брата; да лепѣшь охота велика,
И разсуждать ему и чувствовать мѣшаетъ.
— Не плачь, мой милой! такъ онъ друга ушѣ-
шаетъ,
Я на три дни съ тобой, не больше, разлучусь,
Все на скоро въ пужи замѣчу — на полетѣ —
И лучшія узнавъ диковинки на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесѣть словечко.
Я вспомню каждой часъ и каждое мѣстечко:

Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалося мнѣ,

А тамъ такое видѣлъ диво!

Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,

Какъ будто бы и самъ лешалъ въ той сторонѣ. —

По сихъ словахъ, друзья поцѣловались,

Простились и расстались.

Вошь странникъ нашъ лешипъ; вдругъ встрѣчу

дождь и громъ;

Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Гдѣ дѣшься? — Къ щасію засохшій дубъ по-
пался;

Кой какъ уgnѣзвился, прижался

Къ нему нашъ голубокъ;

Но ни отъ вѣтровъ онъ укрыться шупъ не могъ,

Ни отъ дождя спасись — весь вымокъ и про-
дрогъ.

Ушихъ по малу громъ — чуть солнце просіяло,

Желанье подзывать бѣдняжку далъ спало:

Вспряхнулся и лешипъ, и видишь онъ

Въ заглушьѣ подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка,

Спустился — въ сѣпи шупъ попалась наша
пшичка;

Бѣды со всѣхъ сторонъ!

Трепещется онъ, рвется, бьется;

По щасію сѣтъ спара, кой какъ ее прорвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;

Но не до нихъ — онъ прочь безъ памяти не-
сется.

Вошь пуще той бѣды, бѣда надъ головой!

Ошколь ни взялся яспребъ злой.

Не взвидѣль свѣта головь мой.
 Опъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машеть.
 Ахъ! силы въ короткѣ совсѣмъ истощены,
 Ужъ кохти хищныя надъ нимъ распущены;
 Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ
 пашеть. . . .

Тогда орель, съ небесъ направля свой полеть,
 Ударилъ въ ястреба всей силой,
 И хищникъ хищнику доспался на обѣдъ.

Межъ шѣмъ нашъ голубъ милой
 Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плеч-
 немъ.

И путь не всѣ бѣды окончились на немъ.

Мальчишка въ близости рѣзвился:
 Набравши камушковъ, онъ въ цѣль мешать учился,
 И чѣмъ узнать, вѣрнѣе рука,
 Хватъ камнемъ въ голубка.

Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка.
 Тогда-то странникъ нашъ — съ разбитой го-
 ловою,

Съ испорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,

Клянѣ охоту видѣть свѣтъ,
 Кое-какъ поплелся домой безъ новыхъ бѣдъ —
 Щастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!

Къ оправдъ онъ своей
 Услугу, лѣкаря и помощь видѣть въ ней;
 Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы, которые объѣхаетъ свѣтъ вокругъ

Желаніемъ горише,
 Вы эту басенку прочтите,

И въ дальной пупь такой пускайпеса не вдругъ.
 Чтось ни сулило вамъ воображенье ваше,
 Не вѣрьте! той земли не сыщете вы краше,
 Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живешь вашъ другъ.

Крыловъ.

XV.

М У Х А.

Быкъ съ плугомъ на покой пащился по прудамъ;

А Муха у него сидѣла на рогахъ,

И Муху же они дорогой повспрѣчали. —

— Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. —

А та, поднявши носъ,

Въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда? мы пахали!“

Отъ басни завсегда

Нечаянно дойдешь до были:

Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа?

„Мы сбили! мы рѣшили!“

Дмитріевъ.

XVI.

ЛЕВЪ и КАРТИНА.

Каршину выставилъ народу,
 Не помню, Рубенсъ ли, Жордешъ, или другой,
 Гдѣ, смѣлой кисти давъ свободу,
 Написанъ страшный Левъ и человѣкъ нагой,
 Который сильною рукой
 Одинъ Льва убиваетъ;
 Народъ побѣду возглашаетъ,
 Народъ кричитъ: вотъ люди каковы!
 Предъ храбрыми людьми всегда прусливы Львы. —
 Но Левъ живой, пришедши ненарокомъ,
 Заспавилъ вдругъ народъ молчать;
 Взглянулъ грозящимъ окомъ,
 Въ каршинѣ находя то явственнѣе порокомъ,
 Чему прошивное всегда могъ доказатьъ,
 И шептъ изволилъ всѣмъ сказать:
 „И на каршинахъ Львы поверхность бы имѣли,
 Когда бы рисовать умѣли.“

XVII.

ЛАСТОЧКА и ПТИЦЫ.

Лешунья Ласточка и тамъ и сямъ бывала,
 Про многое слыхала,
 И многое видала,
 А пошому она

И болѣ многихъ знала.

Пришла весна

И стали сѣять лень. „Не по сердцу мнѣ это!

Пичужечкамъ она швердишь:

Сама я не боюсь, но васъ жаль: придешь лѣпо,

И это сѣмя вамъ напасши породить:

Произведешь силки и сѣпки,

И будешь вамъ виной

Иль смерти, иль неволи злой;

Страшитесь вертела и клѣпки!

Но умъ поправишь все, и вопъ его совѣшь:

Слепишься на загонъ и выключишь все сѣмя.“

— Пустое! разсмѣясь вскричало мѣлко племя;

Какъ будто намъ въ поляхъ другаго корма нѣтъ! —

Чрезъ сколько дней попомъ, не знаю,

Лень вышель, началъ зеленѣть,

А ппичка пуже пѣсню пѣть:

„Эй худу бышь! еще вамъ, ппички, предвѣщаю:

Не дайше льну созрѣть;

Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождашься
лиха!“

— Молчи, зловѣщая ввалиха!

Вскричали ппички ей:

Ты думаешь легко выщипывать все поле! —

Еще прошло съ десятокъ дней,

А можешь и гораздо болѣ,

Лень выросъ и созрѣлъ.

„Ну, ппички, вопъ ужъ лень поспѣлъ!

Какъ хочете меня зовише,

Сказала Ласпочка, а я въ послѣдній разъ

Еще пришла наставить васъ:
 Теперь того и ждите,
 Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убиратьъ,
 А послѣ съ вами воеватьъ:
 Силками васъ ловить, изъ ружей убиватьъ,
 И сѣтью покрыватьъ;
 Избавитесь такого бѣдства
 Другаго нѣтъ вамъ средства,
 Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не журавли,
 Для васъ вѣдь море край земли;
 Такъ лучше ближе пріютитесь,
 Забьетесь въ гнѣздышко, да въ немъ не шеве-
 литесь. “

— Пошла, пошла! другихъ спращай
 Своимъ ты вздоромъ!
 Вскричали ппашечки ей хоромъ;
 А намъ гулять ты не мѣшай. —
 И такъ онѣ въ поляхъ лепали, да лепали,
 Да въ клѣпку и попали.

*

Всякъ только своему разсудку въ слѣдъ идешь;
 А вѣруешь бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

ДМИТРИЕВЪ.

XVIII.

Ф Е Н И К С Ъ.

Однажды фениксъ-птица

Изъ странъ Аравіи къ намъ въ рощи прилетѣлъ:

Народъ пернатыхъ зашумѣлъ;

Огромная станица

Несется къ госпо на поклонъ.

Ужъ всѣ вокругъ его, ужъ всѣхъ плѣняетъ онъ

Огнемъ блестящихъ глазъ, гармоніей преле-
стной,

Драгими перьями, красой своей небесной;

Онъ Царь воздушныхъ птицъ — ему природа
пронъ.

Умолкла зависть вдругъ, любовь не ревновала.

Тутъ въ первый разъ еще влюбленный Соловей

Красу чужую плѣлъ съ подругою своею,

И Пава важная предъ всѣми признавала,

Что сынъ Аравіи, лѣсовъ ихъ новый госпъ,

Собою затемнилъ павлиный самый хвостъ.

Ужъ гимны въ честь ему по воздуху гремѣли;

Ужъ птички хоромъ плѣли

Исторію его,

Какъ онъ, пернатыхъ царь, сынъ неба благо-
дашный,

Подъ старость вѣка своего,

Слагаетъ самъ костеръ кедровый, ароматный,

Садится на него,

Мгновенно самъ собой весь въ пепель исплѣваешь,
И снова юнымъ оживаешь
Изъ праха своего.

Тутъ Горлица одна на Горлицу взглянула,
И тихо про себя вздохнула.
Сидящій вмѣстѣ съ ней дружокъ
Подъ крылышко ее пихонько толкъ,
И милую спросилъ: что помно такъ воркуешь?
О чемъ, о чемъ поскуешь?

Иль Фениксовъ тебѣ завидень лесный рокъ? —
„Нѣтъ! я грущу о немъ, мой миленькой дру-
жокъ!“

Увы! онъ въ мірѣ одинокъ!“

В. Измайловъ.

XIX.

МАРТЫШКА и КОШКА.

Марпышка съ Кошкою въ однихъ покаяхъ жили,
И одному хозяину служили;
Да просто ничего хозяинъ не клади;
Когда что спянуто, къ сосѣдямъ не ходи;
Марпышка все припрячетъ,
А Кошка кушанье, что ты ни спавъ, поѣстъ;
Не сыщешь безъ замка ошь нихъ надежныхъ
мѣстъ.

Часпенько Кошка къ сыру скачетъ,

И ловишь сыръ;

Такъ часто у нее съ мышами миръ:

Сырѣ мыши пожирнѣе;

Такъ спала Кошка посмирнѣе.

Сидѣли нѣкогда приборщицы однѣ:

Увидѣли онѣ,

Каштаны жарятся въ каминѣ.

Марпышка говоритъ: вошь, Кошка, случай нынѣ

Тебѣ своимъ искусствомъ поблескать;

Помаспери каштаны попаскать,

Опважся въ уголья ты лапу сунушь,

И по каштанцу клюнушь.

Проворница топчасъ золу поразгребла,

И лапу вонь — такъ лапы не ожгла;

Опять въ огонь — каштанъ не много пошянула —

И лапу вонь опять опшолѣ оппехнула;

Еще — еще — и разъ за разомъ такъ опять:

Пришла къ концу, каштанъ усилилась достать:

Потомъ еще каштанъ — потомъ и два каштана —

И нацѣпляла ихъ опшолѣ съ полкармана.

Марпышка держитъ вѣрный щопъ

У Кошки:

Что Кошка выпаситъ, Марпышка это въ рошъ,

Не упуская крошки.

Служанка вдругъ вошла: повѣсили головки:

Каштаны были ловки;

Марпышкѣ сносно то: она сыта была;

А ты, мышатница, ни ѣла, ни пила,

И пользы за свою чужія ты искала,

Каштаны не себѣ, Марпышкѣ ты паскала.

А. Сумароковъ.

XX.

МОЛЧАНІЕ СОЛОВЬЯ.

— Умолкъ Соловушко! конечно бѣдный болѣнь,
 Или подружкой не доволенъ,
 А можешь и несчастливъ въ ней?
 Мнѣ жалокъ онъ, сказалъ печально Воробей. —
 „Онъ жалокъ? Зяблица къ словамъ его приспала:
 Какъ мало въ сердцѣ ты чисталь!
 Я лучше опгадала:
 Любилъ онъ, шакъ и пѣлъ; спалъ щасливъ, за-
 молчалъ.“

ДМИТРИЕВЪ.

XXI.

М Ы Ш О К Ъ.

Въ прихожей на полу,
 Въ углу,
 Пустой мѣшокъ валялся;
 У самыхъ нижнихъ слугъ
 Онъ на обпирку ногъ не рѣдко помыкался;
 Какъ вдругъ
 Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
 И весь червонцами набишь
 Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежишь.
 Хозяинъ самъ его лелѣишь
 И бережешь мѣшокъ онъ шакъ,

Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха съспѣть не смѣетъ.

Съ мѣшкомъ

Весь городъ спалъ знакомъ:

Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;

А ежели мѣшокъ открытъ,
То всякой на него съ умильностью глядитъ;

Когда же кто къ нему подсядитъ,
То вѣрно ужь его попреплетъ, иль погладитъ.

Увидя, что у всѣхъ онъ спалъ въ такой чеспи,
Мѣшокъ завеличался,

Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ и началъ вздоръ нести,

О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И по не такъ,

И пошъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.

Всѣ только слушаютъ его разинувъ ротъ,
Хотъ такъ онъ врѣтъ,

Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, пошъ порокъ,

Что имъ съ червонцами мѣшокъ
Чтобъ ни сказалъ, всему дивиться станутъ.

Но долголь былъ мѣшокъ въ чеспи и слылъ съ
умомъ,

И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы попаскали,

А тамъ онъ выброшенъ — и духу нѣтъ объ
немъ.

Мы басней ни на чье лице не намѣкали,
 Но сколько естъ такихъ мѣшковъ
 Между опкупщиковъ,
 Которы нѣкогда въ поднощикахъ бывали?
 Иль между игроковъ,
 Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
 А нынѣ по поламъ съ грѣхомъ богаты спали,
 Съ которыми теперь и Графы и Князья
 Друзья;
 Которые теперь не рѣдко съ пѣмъ вельможей,
 У коего не смѣли сѣсть въ прихожей,
 Играють запросто въ боспонъ.
 Велико дѣло миллионъ!
 Однако же, друзья! не слишкомъ вы гордишесь,
 Сказать ли вамъ шишкомъ:
 Не дай Богъ! если разоришесь,
 И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ
 мѣшкомъ.
 Крыловъ.

XXII.

КАЩЕЙ и ЕГО СОСѢДЪ.

Онь сребролюбія Кащей ни ѣлъ, ни пилъ
 И много звонкой онъ монеты накопилъ;
 Но въ ростъ отдасть боялся,
 Чтобы не потерять на курсъ серебра;
 Держать и дома опасался;
 Ужъ скупость подлинно невѣжеству сестра.

Кащей такъ размышлялъ: „Богъ знаетъ, что
случится!

Ну! если домъ мой загорится?

Ну! если въ ночь черезъ заборъ

Какой нибудь опважный воръ

Придетъ съ ножомъ искапъ въ моей каморкѣ
кладу?

Да я и безъ воровъ самъ у себя украду.“

Наспавиль наконецъ его на разумъ бѣсъ

Снеспи червонцы всѣ съ рублевыми въ лѣсъ

И тамъ предать ихъ погребенью.

Кащей за слабостію силъ

Похлопопашъ съ собой Сосѣда попросиль.

Сосѣдъ былъ очень радъ такому порученью.

Взявъ деньги, оба въ лѣсъ пришли густой,

Подъ елью ихъ зарыли,

Огромную на нихъ колоду навалили —

Прекрасной памятникъ! и прочной и простой!

Повѣся голову Кащей пришелъ домой,

Не зналъ онъ опъ поски куда ему дѣваться,

Остался онъ одинъ; что дѣлать? чѣмъ заняпъся?

Считашъ ужъ нечего и не на что взглянупъ.

Опъ страха передъ симъ Кащей не могъ за-

снупъ;

Теперь не можетъ спать опъ скуки.

Двѣ ночи такъ прошло, на третью заснупъ

въ руки

И въ лѣсъ идешъ встрѣчашъ разсвѣпъ.

Колоду своропилъ онъ кой-какъ черезъ силу,

Разрылъ могилу,

Взглянуль — ань мершвецовъ шамъ нѣпъ!
 Какъ снопъ Кащей свалился,
 Но послѣ вспаль и ухитрился,
 Передъ Сосѣдомъ притворился,
 И такъ ему сказалъ: „не лзя ли, брагъ, по-
 мочь

Еще мѣшечка два, хопъ въ будущую ночь,
 Туда же опнеспи? зайди-ка ты за мною.“ —

Сосѣдъ, прельсгясь казною,
 Своими ужъ считаль послѣдніе мѣшки
 И деньги положиль шуда, гдѣ были прежде;
 Но обманулся онъ въ надеждѣ:
 Кащей ихъ ворошилъ въ пустые сундуки.

А. Измайловъ.

XXIII.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Воспочны жипели, въ преданіяхъ своихъ,
 Разсказываюпъ намъ, что нѣкогда у нихъ
 Благочестива Мышь, наскуча суешою,
 Слѣпаго щаспія игрою,
 Оставила сей шумный міръ,
 И скрылась опъ него въ глубокую пещеру:
 Въ Голландской сырѣ.

Тамъ, свяпостью одной свою питая вѣру,
 Къ спасенію души трудилъся начала:

Ногами

И зубами

Голландской сыръ скребла, скребла,
 И выскребла досужнымъ часомъ
 Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
 Чего же болѣе? Въ такихъ-то мышъ трудахъ
 Разъѣлась такъ, что страхъ!

Короче: на порогъ рая!
 Самъ Богъ блюдетъ того,
 Работать міру кто опрекся для Него.

Однажды предъ нее предстало воздыхая
 Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
 Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
 Прошиву кошечья народа,
 Который вдругъ на ихъ республику напалъ
 И Крысолоисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ. —

Всеобща бѣдность и невзгода,
 Посольство говоритъ, причиною, что мы
 Несемъ пустыя лишь суммы;
 Что было съ нами, все проѣли,
 А путь еще далекъ! и для того посмѣли
 Зайти къ шебѣ, и бить челомъ,
 Снабдить насъ въ крайности посильнымъ по-
 даяньемъ. —

Зашворница на то съ душевнымъ сострадань-
 емъ,
 И лапки положа на грудь свою крестомъ,
 „Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала:
 Я отъ житейскаго давно уже отспала;
 Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
 Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь

Молишь Его за васъ гошова. —
 Поклонь имъ, заперлась, и болѣе ни слова. —
 Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь?
 Монахъ? — Избави Богъ и думашь! — Нѣтъ,
 Дервишъ.
 ДМИТРИЕВЪ.

XXIV.

ЛИСИЦА-КОЗНОДѢЙ.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ про-
 мчался,
 Что Левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу
 скончался;
 Стекалися тудѣ скопы со всѣхъ споронъ
 Свидѣтелями бысть огромныхъ похоронъ.
 Лисица-кознодѣй, при мрачномъ семь обрядѣ,
 Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
 Взмосься на кафедру, съ воспоргомъ вопіешъ:
 „О рокъ! люшѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ!
 „Кончиной кропкаго владыки пораженный,
 „Возплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтен-
 ный.
 „Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ
 царей,
 „Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный ол-
 тарей;

„Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужа-
сень,

„Предъ нами распроспершь, безчувственъ и
безгласень.

„Чей умъ поспигнуть могъ число его доб-
рошь,

„Пучину благоспи, величіе щедрошь?

„Въ его правленіи невинность не спрадала,

„И правда на судъ беспрашно предсѣдала.

„Онъ скополобіе въ душѣ своей пишаль,

„Въ немъ трона своего подпору почишаль.

„Быль въ области своей порядка насадишель,

„Художествъ и наукъ быль другъ и покрови-
тель“

— „О лесъ подлѣйшая! шепнуль Собакъ Крошь,

„Я Льва зналъ коропко, онъ быль пресущій
скошь,

„И золь и безполковъ, и силой вышней власпи

„Онъ только насыщаль свои пирански спраспи.

„Тронъ кропкаго царя, доспойна олшарей,

„Быль сплочень изъ костей разтерзанныхъ
звѣрей.

„Въ его правленіе любимцы и вельможи

„Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;

„И словомъ, такъ была юстиція спрога,

„Что кто кого смога, такъ пошь того въ рога.

„Благоразумный Слонь изъ лѣса въ степь со-
крылся;

„Домоспроишель Бобръ опъ пошлинь разорился,

„И Пификъ слабоумъ, списашель звѣрскихъ лицъ,

„Служившій у двора честнѣе всѣхъ Лисицъ,
„Который, посвятя работѣ дни и ночи,
„Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
„Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ
„Пятнадцать въ цѣлый ростъ, и двадцать по-
ясныхъ,
„Да сверхъ того еще по новому манеру
„Альфреско росписалъ монаршую пещеру,
„За то, что въ жизнь свою прудился сколько
могъ,
„Съ поски и съ голоду прешьяго дни издохъ.
„Вошъ мудраго царя правленіе похвально!
„Возможноль ложь сплешать споль явно и
нахально? “ —

Собака молвила: „чему дивишься ты,
„Что знающему скопу льстятъ подлые скопы?
„Когдажь и по себя такъ сильно изумляешь,
„Что низка тварь корысть всему предпочи-
таешь,
„И къ щастію бредешь презрѣнными путями:
„Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми.“

Фонъ Визинъ.

Д.В. КОКОРЕВА

XXV.

ЖАВОРОНОКЪ съ ДѢТЬМИ и ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Пословица у насъ: на ближнихъ уповай,

А самъ ты не плошай!

И правда; вошь примѣрь. Въ прекрасные дни
года,

Въ которые цвѣшешь и нѣжится Природа,

Когда все любитъся: медвѣдь въ лѣсу густомъ,

Кипы на днѣ морскомъ,

А жаворонки въ полѣ,

Не вѣдаю шого, по волѣ иль неволѣ,

Но самочка одна

Изъ племя жавронковъ лешала, да гуляла,

И о вліяніи весны не помышляла,

А ужь давно весна!

Сдалася наконецъ Природѣ и она,

И машерью еще назвавшись захотѣла;

У пшичекъ много ли запѣй?

Свила во ржи гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла,

И вывела дѣшей.

Рожь выросла, созрѣла,

А пшенчики еще не въ силахъ ни порхашь,

Ни корму доставашь;

Все машушка ищи. — „Ну, дѣпушки, прощайте!

Я за припасомъ полечу,

Сказала имъ она, а вы здѣсь примѣчайте,

Не соберушсяль жашь, и пошчасъ голосъ дайте;

Такъ я другое вамъ пристанище сыщу.“ —

Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,
И сыну говоритъ: вѣдь рожь и жать пора;
Смотри какъ мапера!

Ступай же ты, не медля болѣ,
И попроси друзей на помочь къ намъ придти. —
— Ахъ, мапушка, лепи! скорѣе къ намъ лепи!

Малюшки въ спрахѣ запищали. —
„Что, что вамъ сдѣлалось?“ — Ахши! мы всѣ
пропали:

Хозяинъ былъ, онъ хочеть жать;
Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помочь звать. —
„А болѣ ничего? отвѣспивовала мать:

Такъ не къ чему спѣшить; *день ночи мудренѣе.*
Вотъ, дѣтушки, вамъ кормъ: покушайте скорѣе,
Да ляжемъ съ Богомъ спать!“ Они того, сего
Клевнули,

Прижались подъ крыло къ родимой, и уснули.
Ужъ день, а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого.
Пичужечка опять пустилась за припасомъ,

А селянинъ на рожь,
И мыслишь: на родню споронній не похожъ!
Поди-ка, сынъ мой, добрымъ часомъ,
Ты къ дядѣ своему, да свапу поклонись! —

Малюшки пуще взволновались,
И мапери во слѣдъ всѣ въ голосъ разкричались:
Ахъ! милая, скорѣй! родима, воропись!
Ужъ за родней пошли. — „Молчите, не пугай-
тесь!

Отвѣспивовала мать, и съ Богомъ оставай-
тесь.“ —

Еще проходитъ день; хозяинъ въ прешій разъ
 Приходитъ на поле. — Изрядно участь насъ,
 Онъ сыну говоришь: и дѣльно! впредь не спа-
 немъ

Съ надеждою зѣваешь, а поскорѣй вспомняемъ,
 Что всякой самъ себѣ вѣрнѣйшій другъ и бракъ;

Ступай же ты назадъ,

И матери скажи съ сестрами,

Чтобъ на поле пришли съ серпами. —

А ппичка, слыша то, сказала дѣтямъ такъ:

„Ну, дѣшки! вотъ шеперь къ походу вѣрный
 знакъ.“ —

И дѣти въ пошъ же мигъ скорѣй, скорѣй сби-
 раться,

Разправя крылья, въ первый разъ

За мапкой кое-какъ вверхъ, вверхъ приподни-
 машься,

И скрылися отъ глазъ.

ДМИТРИЕВЪ.

XXVI.

ЛЕВЪ, УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЬ.

Левъ учредилъ совѣтъ какой-то неизвѣстно;

И посадя въ него сочленами Слоновъ,

Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ.

Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и не вмѣстно,

Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,

Какому надлежало
 Въ совѣтѣ засѣдать.
 Ну, чтожь? пускай числа всего бы не доспало,
 Въдѣ эшобъ не мѣшало
 Дѣла производишь. —
 Нѣтъ; какъ же? а успавъ ужьли переспупишь?
 Хоть будь Ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ
 спало.
 А сверхъ того, какъ Левъ совѣтъ сей учреждалъ,
 Онъ эдакъ разсуждалъ
 И все надеждой льспился,
 Что умъ Слоновъ
 На разумъ наведетъ Ословъ.
 Однако какъ совѣтъ открылся,
 Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ пошekli:
 Ослы Слоновъ съ ума свели.
 Хемницерь.

 XXVII.

 ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

Въ рѣкѣ пилъ Волкъ, Ягненокъ пилъ;
 Однако внизъ рѣки гораздо опсшупилъ;
 Такъ пилъ онъ ниже;
 И слѣдствено, что Волкъ къ тому былъ мѣ-
 спу ближе,
 Ошколѣ шоки водъ спремленіе влечетъ;
 Извѣстно, что вода всегда на низъ течетъ.

Голодный Волкъ Ягненка озираетъ;
 Отъ ужаса Ягненокъ обмираетъ,
 И мнитъ: не буду я съ ягняшками играть,
 Не спанетъ на руки меня пастушка брать,
 Не буду голоса я слышати свирѣли,
 И ппички для меня впослѣдніе пропѣли;
 Не на зеленомъ я скончаюся лугу;
 Умру на семь песчаномъ берегу.
 Волкъ почаль говоритъ: „бездѣльникъ, какъ ты
 смѣешь

Пишье мое мупишъ,
 И въ воду чистую мнѣ сору напустишъ?

Да пыжь такую мать имѣешь,
 Которая, ко мнѣ учпивства не храня,
 Вчера блеяла на меня.“

Ягненокъ отвѣчаетъ,
 Что мать его дней съ прицатъ умерла;
 Такъ Волка не она ко гнѣву привела;

А шокъ воды бѣжитъ на низъ, онъ чаешь,
 Такъ Волкъ его опивокъ не встрѣчаетъ.

Волкъ прешьею виной Ягненка уличаетъ:
 „Не мни, чшобъ ты себя, бездѣльникъ извинилъ,
 Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.“

Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ недѣли,
 Что псы его заѣли.

„Такъ дядя швой иль брать,
 Иль можешь бышь и свашъ,
 Бранилъ меня вчера, я эшо знаю почно,
 И говорю тебѣ я эшо не нарочно.“

Ягненковъ былъ отвѣтъ:

Всея моей родни на свѣшѣ больше нѣтъ;
Лелѣишь лишь меня прекрасная паспушка.

„А! а! верпушка,
Не отвершишься ты; вчера твоя паспушка
Блеяла на меня: комолые рога,
И длинной хвостъ у эшаго врага,
Густая шерсть, копыты не велики;
Довольно ли тебѣ, плутишка, сей улики?
Паспушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга
За то, что на меня блеяшь она дерзаетъ;
А ты за то умри!“ — Ягненка Волкъ терзаетъ.

А. Сумароковъ.

XXVIII.

ФИЛОМЕЛА и ПРОГНА *).

Когда-то Прогна залезла
Отъ башень городскихъ, обитали своей,
Въ лѣса пустынные, гдѣ пѣла
Сиротка Филомела,
И такъ сказала ей
Болтливая пѣвица:
Здорово, душенька-сесприца!
Ни видомъ не видашь тебя ужъ много лѣтъ!

*) Филомела и Прогна, дочери Пандіона. Терей, супругъ последней, влюбился въ Филомелу, заключилъ ее въ замокъ, во Фракіи находящійся, обезчестилъ, и опрѣзалъ языкъ. Боги, сжалившись надъ участию несчастныхъ сестеръ, превратили Филомелу въ соловья, а Прогну въ ласпочку.

За чѣмъ забыла свѣтъ?

За чѣмъ нашъ край не посѣщала?

Гдѣ пѣла? гдѣ жила? куда и съ кѣмъ летала?

Пора, пора и къ намъ

Залетомъ по веснамъ;

Здѣсь скучно: все лѣса унылы,

И колоколенъ нѣтъ.

„Ахъ, мнѣ лѣса и милы!“

Печальной былъ отвѣтъ.

Кому жъ ты здѣсь поешь, касатка возразила,

Въ такой дали отъ жила,

Отъ ласпочекъ и отъ людей?

Кто слушаетъ тебя? сѣмь глухихъ звѣрей

Иль хищныхъ птицъ собранье?

Сестра! грѣшно перятъ небесно дарованье

Въ безлюдной сторонѣ.

Признайся . . . здѣсь и спрашно мнѣ!

Смотри: песчаный боръ, рѣка, пустынные виды,

Гора висяща надъ горой,

Какъ словно въ Фракіи глухой,

На мысль приводятъ намъ Тереевы обиды,

И гдѣ же путь покой? —

„За шѣмъ-то и живу средь скучнаго изгнанья,

Боясь воспоминанья

Лютейшаго сто разъ;

Людей . . . боюсь у васъ“ —

Вздохнувъ сказала Филомела;

Пошомъ: прости, прости! — взвилась и улетѣла

Изъ ласпочкиныхъ глазъ.

Батюшковъ.

XXIX.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богачъ,
 Тотъ каждому и другъ и братъ.
 Хотъ не имѣй заслугъ, ни чина,
 Хотъ родомъ будь изъ конюховъ,
 Дѣшина будешь какъ дѣшина.
 А бѣдной, будь хотъ изъ Князей,
 Хотъ разумъ Ангельской имѣй,
 И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
 Того почтенья не дождеся,
 Какое о то всѣхъ богатымъ отдаеся.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ;
 Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
 Но бѣдняка никто не только что не встрѣ-
 шиль,

Никто и не примѣшилъ;
 Иль можетъ быть никто примѣшить не хо-
 тѣлъ.

Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому под-
 ходилъ,
 Со всѣми разговоръ и шакъ и сякъ заводилъ,
 Но каждой Бѣдняку въ отвѣтъ:

Короткое иль да, иль нѣтъ.
 Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не на-
 ходилъ.

Потомъ
 За Бѣднякомъ

Богачъ прѣхаль въ шомъ же домъ.

Хошя заслугой, ни умошь,
Ни чиномъ онъ не опличался,
Но только въ двери показался,
Сказашь не лъзя какой пріемъ!

Всѣ встали передъ Богачемъ,
Всякъ Богача съ почтеніемъ вспрѣчаешь,
Всякъ спуль и мѣсто уступаешь;
И подъ руки его берутъ;

То шупъ,

То шамъ его сажающъ;

Поклоны чупъ ему земные не кладущъ,
И мѣры нѣшъ какъ величающъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесъ,

Къ Богашому неправу чесъ,

Къ себѣ неправо презрѣнъе,

Вступилъ о шомъ съ своимъ сосѣдомъ въ раз-
сужденъе.

— За чѣмъ, онъ говоришъ ему:

Достоинствамъ, уму,

Богашство свѣшъ предпочишаешъ? —

„Легко, мой другъ! поняшъ:

„Достоинства не лъзя заняшъ,

„А деньги всякой занимаешъ.“

ХЕМНИЦЕРЪ.

XXX.

ПУСТЫННИКЪ и ФОРТУНА.

Какой-то добрый человекъ,
 Не чувствуя къ чинамъ охоты,
 Не зная страха, ни заботы,
 Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
 Съ Плутархомъ, съ Лирой
 И Плѣнирой,

Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
 Однажды, подъ вечеръ, какъ солнца лучъ погасъ
 И мать качать дитя уже переставала,
 Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
 И въ двери ну спучашъ. —

Кто тамъ? Пустынникъ окликаешъ. —

„Я! я!“ — Да кто, могу ли знать? —

„Я! та, которая тебѣ повелѣваетъ
 Скорѣе отперешъ.“ — Пустое! онъ сказалъ,
 И замолчалъ. —

„Отперешъ ли? еще Фортуна закричала:
 Я вѣкъ ни отъ кого отказа не слыхала;
 Пуспи Фортуну ты со свитою къ себѣ,
 Съ Богатствомъ, Знатью и Чинами...
 Теперь извѣстналь я тебѣ?“ —
 По слуху.... но куда мнѣ съ вами?

Поди въ другой ты домъ,
 А мнѣ не помѣстишь, ей ей! такой содомъ. —
 „Невѣжа! да пуспи меня хоть съ половиной,

Хоть съ прешью, слышишь ли? . . . Ахъ! сжался
надъ судьбиной

Великолѣпія . . . оно ужь чуть дышишь;

Надъ гордой Знапностью, которая дрожишь,

И стоя у порога мерзнешь;

Тронись хоть Славою, мой миленькой дружокъ!

Еще минуша, все исчезнешь! . . .

Упрямый! дай хотя Желанью уголокъ.“ —

Да опвяжися ты, лихая пуспомѣля!

Пуспынникъ ей сказалъ: ну, право! не могу.

Смотри: одна и есть посшеля,

И шу я для себя съ Плѣнирой берегу.

ДМИТРИЕВЪ.

XXXI.

ФИЛИНЪ И МУДРЕЦЪ.

Гонимый ото всѣхъ, оставленный, презрѣнный,

Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,

Скипался Доримонъ;

Безумцамъ испину представилъ вздумалъ онъ,

И испина была всѣхъ бѣдъ его виною;

Терпѣнье, здравый умъ, сокровища свои

Унесъ Мудрецъ съ собою.

Однажды видилъ онъ, что Галки, Воробьи

На Филина напали.

„Онъ врагъ опечества, злодѣй! они кричали.

Въ примѣрь и спрахъ другимъ

Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умершвимъ!“

Чего не дѣлають безуміе и сила?
 Уже смерть Филину грозила;
 Но пронувый его судьбой
 Мудрецъ махнулъ рукой,
 И въ мигъ глупцовъ исчезла спая!
 — Чѣмъ такъ прошивъ себя ты ихъ ожесточилъ?
 Онъ Филина потомъ спросилъ. —
 Повѣся голову и шаяко воздыхая,
 „Не знаю, отвѣчалъ, что мнѣ тебѣ сказать;
 Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,
 И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
 Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно!“
 Пушкинъ.

XXXII.

ПРОХОЖІЙ.

Прохожій, въ монастырь зашедши на пуши,
 Просилъ у братій позволенья
 На колокольню ихъ взойти.
 Взошелъ, и спалъ хвалилъ различныя явленья,
 Которыя ему открыла высота.
 „Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!
 Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!
 Великолѣпныя карпины!
 Не правда ли? вопросъ онъ сдѣлалъ одному
 Изъ братій, съ нимъ стоящихъ. —
 Да! пруженикъ, вздохнувъ, отвѣспивовалъ ему:
 Для проходящихъ!“
 Дмитріевъ.

XXXIII.

ТѢНЬ МУЖНЯЯ и ХАРОНЪ.

Красавицы! ужь ли вы будете сердиться
За то, что вамъ теперь хочу я рассказать?
Вѣдь слава добрыхъ тѣмъ никакъ не уменьшился,
Когда однихъ худыхъ я спану осуждаю.

А право мочи нѣтъ молчать:
Инымъ мужьямъ жияя опъ женъ своихъ не
спало;

А этакъ поступать вамъ право не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,
И наконецъ скончались оба;
Да только въ разны времена
Имъ отворились двери гроба:
Жена скончалась напередъ;

Попомъ и мужъ, проживъ, не помню, сколько
лѣтъ,

Скончался.

Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ распался,
То къ той рѣкѣ приходишь онъ,
Гдѣ перевозитъ тѣхъ Харонъ,
Которы свѣтъ сей оставляютъ.

А за рѣкою той, пѣшью увѣряютъ,
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.

Харонъ тѣнь мужнюю везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣнь говоритъ: Харонъ! куда моя жена
Тобою перевезена,

Въ рай или въ адъ? — „Въ рай!“ — Можноль
спасться?

Меня кудажь везешь? — Тудажь, гдѣ и она.“

— Ой, нѣшь; шакъ въ адъ меня. Я въ адѣ радъ
оспасться,

Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жишь. —

„Нѣшь, нѣшь; мнѣ надъ побой хопѣлось под-
шущишь:

„Я въ адъ ее опвезъ. Ей кспашѣ въ адѣ бышь,

И съ дьяволами жишь и знашься:

И въ свѣтѣ вѣдь она

„Была прямая сапана.“

Хемницерь.

XXXIV.

КОМАРЬ и ЖУРАВЛИ.

Въ пуши подъ облаками

Лепѣли Журавли;

Внизу, вблизи земли,

Своимъ пушемъ лепишь Комарь надъ муравами.

„Комарь, Комарь лепишь,

Комарь, Комарь жужжишь,

Какъ будто ровень съ нами,

Вскричали Журавли.“

Но что Комарь въ опвѣшъ жужжишь надъ му-
равами?

— Мой пушь вблизи земли,

Вашъ пупъ подь небесами;
 Лешаю и жужжу не для досады вамъ;
 Не прогайше меня своими вы носами,
 А мой Комарій носъ не вреденъ Журавлямъ.

Богдановичъ.

XXXV.

О Р Л Ы.

Сначала всяко дѣло спрого
 И въ спроку такъ идешъ,
 Что и приспугу нѣшъ;
 А шамъ, перегода не много,
 Пошло и въ криво все и въ косъ,
 И отъ часу все хуже, хуже,
 Покуда наконецъ хоть бросъ.
 Не знаю, череду ведушь ли люди шу же;
 Но слово въ баснѣ сей
 Про ппицъ, не про людей.
 Орлы когда-то всѣ рѣшились
 Составишь общество правленья межъ собой,
 И сдѣлали уставъ такой:
 Чтوبъ прочія отъ нихъ всѣ ппицы удалились,
 Какъ недоспойныя съ Орлами вмѣспѣ жишь,
 Судишь,
 Рядишь,
 Или въ дѣла Орловъ вступишь,
 И словомъ: въ обществѣ одномъ съ Орлами бышь.

И такъ живушь Орлы, хряня ушпавъ свой спрого,
И никакой изъ ппиць къ Орламъ приспупу
нѣшь.

Прошло, не знаю, сколько лѣтъ,
Однако помнился не много;
Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими разсуждаетъ,
И вошь что предлагаетъ:
„Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія ппицы жили,
Которыбъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ

Орламъ

Отмѣнныхъ не имѣли:

Лепать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы сморѣшь не смѣли;
Но какъ Соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ,
И думаю, что намъ онъ пользу принесетъ,
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется, бѣды шупъ нѣтъ.“
— И впрямъ, Орлы на то сказали:
Его полетъ.....

А сверхъ того одинъ Соколъ куды нейдетъ,
И Сокола принявъ позволилъ приказали. —
Попомъ, спустя еще не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и Соколъ свой голосъ подаетъ:
„Что пользы Яспребъ шожъ не мало прине-
сешь;

И нужнымъ признаетъ,
Чтобы Орлы благоволили

И Яспреба принять. “
 Но шупь-было Орлы сперва поусумнились,
 Хотѣли отказать;
 Однако наконецъ рѣшились,
 Чтوبъ позволенье дать
 И Яспреба въ ихъ общество принять.
 Потомъ и Яспребъ тожъ Орламъ спалъ пред-
 ставлять:
 „Что нужны ппицы, тѣ, другія,
 Невѣдь какія,
 Чтобъ разну должность отправлять.“
 Чтожъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
 Чтобъ ппицамъ былъ пріемъ впередъ безъ пред-
 ставленья;
 И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
 Ужъ спали принимашъ и Филиновъ и Совъ.
 Хемницерь.

XXXVI.

БАРСЪ и БѢЛКА.

По сучьямъ Бѣлочка и внизъ и вверхъ скакала,
 Но обступилась — и спремглавъ
 На Барса стараго упала;
 А шопъ, съ пресыпнаго обѣда задремавъ,
 Едва опомнился въ просонкахъ;
 Поднявшись на ноги, сквозь зубы онъ ворчишь;
 А Бѣлка передъ нимъ на заднихъ двухъ ножон-
 кахъ

Трясепся, и сама не видишь, какъ сидишь.
 Вздрогнешь и не хоша подъ лапою пиранской!
 Подумаешь, Барсъ сказалъ: я милую тебя,
 По истинной щедрости царской;
 Но съ тѣмъ условіемъ, чѣмъ ты, такъ жизнь
 любя,
 Призналась, опъ чего тебѣ такъ жить пріятно:
 Я вижу, ты всегда покойна, весела;
 А я въ лѣсахъ, гдѣ власъ Природа мнѣ дала,
 Скучаю и грущу: мнѣ это непонятно. —

„Великій Государь!

Смиренно отвѣчаетъ Бѣлка:

Ты милостивъ ко мнѣ; но разсуди — ты царь,
 А правду говоришь великимъ не бездѣлка:
 Смѣлѣебъ доложить о томъ тебѣ могла
 Повесть съ деревца.“ — Выходи шуда! — Взошла.
 „Теперь услышишь ты языкъ души правди-
 вой. . . .

Не дѣлаю я зла,
 И такъ — умѣю быть щасливой.

Я чистой совѣстью и сердце веселю;
 Не знаешь перваго ты въ мірѣ наслажденья:
 Спокойно засыпашъ безъ мукъ и угрызенья.
 Ты ѣшь ягнятъ; а я и лисъ и плодъ дѣлю
 Съ моими бѣлками сестрами;
 Ты ненавидишь, я люблю:
 Все сказано двумя словами.“

В. Измайловъ.

XXXVII.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ спало не угодно
 Правленіе народно,
 И показалось имъ совсѣмъ не благородно
 Безъ службы и на волѣ жишь;
 Чшобъ горю пособишь,
 Пришли къ Юпитеру царя онѣ просить;
 Хошь слушать всякой вздоръ богамъ бы и не
 сродно,
 На сей однакожь разъ послушалъ ихъ Зевесъ.
 Даль имъ царя — лепишь къ нимъ съ шумомъ
 царь съ небесъ,
 И плошно такъ онъ преснулся на царство,
 Чшо ходенемъ пошло трясинно государство.
 Со всѣхъ Лягушки ногъ
 Въ испугѣ помешались,
 Кшо какъ успѣлъ, куда кшо могъ;
 И шопопомъ царю по кельямъ дивовались.
 И подлинно чшо царь на диво былъ имъ данъ:
 Не суешливъ, не вершопрашень,
 Сшепенень, молчаливъ и важень,
 Дородсшвомъ, росшомъ великанъ;
 Ну посмошрѣшь, шакъ эшо чудо!
 Одно въ царѣ лишь было худо,
 Царь эшопъ былъ — осиновою чурбанъ.
 Сначала, чшя его особу превысоку,

Не смѣешь подступитъ изъ подданныхъ никто;
 Чуть смѣютъ на него глядѣть они — и по
 Украдкой, издали, сквозь аирь и осоку.

Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
 Къ которому не приглядѣлся свѣтъ;
 То и они сперва отъ страха отдохнули,
 Потомъ къ царю подползъ съ преданностью
 дерзнули;

Сперва передъ царемъ ничкомъ,
 А тамъ кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему боч-
 комъ,

Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
 А тамъ, кошорые еще поудалѣй,
 Къ царю садятся ужъ и задомъ.

Царь терпѣишь все по милости своей.
 Не много погода посмотришь, кто захочетъ —
 Тотъ на него и вскочитъ.

Въ три дни наскучило съ такимъ царемъ житье:
 Лягушки снова за вытье,
 Чтось имъ Юпитерь въ ихъ болошную державу
 Далъ подлинно царя на славу!

Молитвамъ шеплымъ ихъ внемля,
 Послалъ Юпитерь къ нимъ на царство Журавля.
 Царь этакъ не чурбанъ, со всѣмъ инова нрава:
 Не любитъ баловать народа своего;
 Онъ виноватыхъ ѣстъ, а на судъ его
 Нѣтъ правыхъ никого;

За то ужъ у него,
 Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, по ра-
 справа.

На жипелей болопъ

Приходитъ черной годъ.

Въ лягушкахъ каждой день великой недочопъ.

Съ упра до вечера ихъ царь по царству ходитъ

И всякова, кого ни встрѣшитъ онъ,

Топчасъ засудитъ и проглотитъ.

Вопъ пуще прежняго и кваканье и спонъ:

Чтобъ имъ Юпитерь снова

Пожаловаль царя инова,

Что нынѣшній ихъ царь глопаетъ ихъ какъ
мухъ,

Что даже имъ не лъзя — какъ это не ужасно! —

Ни носу выспавипъ, ни квакнуть безопасно,

Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.

„Почтожь вы прежде жить щасливо не умѣли,

Безумные! вѣщаль имъ съ неба гласъ.

Не мнѣ ли не было нигдѣ жипья отъ васъ?

Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?

Вамъ данъ былъ царь, такъ топъ былъ слиш-
комъ пихъ —

Вы взбунтовали въ вашей лужѣ.

Другой вамъ данъ, такъ этопъ очень лихъ —

Живипежь съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже.

Крѣдовъ.

XXXVIII. ДВА СОСѢДА.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоришь;
И каждой день намъ пожь примѣрами швердишь:
Какъ можно не вплешаться въ споры;
А если и дойдемъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервашь сначала ихъ;
И лучше до суда хоть кой какъ помиришься,
Чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудишься;
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домою разоришься.
На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора попомъ и въ садъ его зашла.

Въ саду бѣдъ пропасть накушила,
И гряду цѣлую изрыла.

Вспревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ;
Собака, собака, сюда! домашніе кричали;
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью, ну, правишь:

Швырять въ нее, гонять и бишь;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, мешлами, кочергой;
Тошъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой.

Обычай на Руси такой. —

Тупъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и спукъ побой,
Такую кашу заварили,

Чпобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди правлю тѣмъ рѣшили,
Чпо свинью наконецъ убили.

Охотники тѣ люди были!

Сосѣди въ тяжбу межъ собой;
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣди дышуть оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрышой свой,
Другой, чпо свинью заправили,

И первый говорилъ:

Я живъ бытъ не хочу, чпобъ ты не заплашилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.

Другой же говорилъ:

Я живъ бытъ не хочу, чпобъ ты не заплашилъ,
Чпо свинью у меня мою ты заправилъ.

Хотъ виноваты оба были,
Но ксшатѣль, чпобъ они другъ другу усту-
пили;

Нѣтъ, мысль ихъ не шуда:

Во чпобъ ни стало имъ, хотятъ искасть суда.

И подлинно суда искали,
Пока всѣ живошны судьямъ перепаскали.

Не стало ни кола у испцовъ, ни двора;

Тогда Судьи имъ говорили:

Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;

Для пользы вашей и добра

Миришся вамъ пора.

Хемницерь.

XXXIX.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику, порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь опъ нужды и прудовъ,

Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.

Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,

Остановился,

Спустилъ дрова съ себя долой,

Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собою:

„Куда я бѣденъ, Боже мой!

Во всемъ нуждаюсь, къ помужь жена и дѣши —

А тамъ подушное, боярщина, оброкъ —

И выдался ль когда на свѣшѣ

Хотя одинъ мнѣ радостный денёкъ?“

Въ шакомъ уныніи на свой пеняя рокъ,

Зовешъ онъ смерть — она у насъ не за горами,

А за плечами, —

Явилась въ мигъ

И говоритъ: за чѣмъ ты звалъ меня, старикъ? —

Увидѣвши ея свирѣпую осанку,

Едва промолвишь могъ бѣднякъ опоропѣвъ:

„Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,

Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.“

Изъ басни сей

Намъ видѣнь можно,

Что какъ бываетъ жить ни пошню,

А умирашь еще пошнѣй.

Крыловъ.

XL.

ЗАЯЦЪ и ЛЯГУШКИ.

Въ норѣ своей разъ Заяцъ размышлялъ:

Нора хоть бы кого такъ размышлять научить!

Томяся скукою, мой Заяцъ посковалъ;

Вѣдь родомъ грустенъ онъ и спрахъ его всё
мучить.

Онъ думаетъ: куда пошь несчастливъ,

Кто родился трусливъ;

Вѣдь въ прокъ себѣ куска бѣдняжка не съѣдаетъ;

Отрады нѣтъ ему; опивсюду лишь гроза!

А такъ-то я живу: проклятой спрахъ мѣшаетъ

И спать мнѣ иначе, какъ разшвора глаза.

Перемоги себя, мудрецъ сказать мнѣ можешь!

Ну вошь! кто трусость переможешь?

По правдѣ, чай и у людей

Не меньше трусости моей.

Такъ Заяцъ изъявлялъ догадку,

Дозоромъ обходя вкругъ жила своего;

Опъ шѣни, опъ мечпы, ну словомъ, опъ всего,

Его бросало въ лихорадку.

Задумчивой звѣрокъ,
 Такъ въ мысляхъ разсуждая,
 Вдали услышалъ шумъ и топчась на упѣкъ,
 Пустылся, какъ стрѣла, къ норѣ онъ поспѣшая.
 Случись ему бѣжать близъ самага пруда:
 Вдругъ видитъ, что его Лягушки испугались;
 Лягушки вспрыгались и въ воду побросались.
 „Ба! ба! онъ думаетъ, такая же бѣда
 И отъ меня другимъ! я не одинъ робѣю!
 Откуда удалство такое я имѣю,
 Что въ ужасъ привожу собой?
 Такъ знаешь прегрозной я герой? “ —
 Нѣтъ! видно на землѣ трусливца нѣтъ такого,
 Трусливѣе себя чѣмъ не нашель другова!
 Нелединскій - Мельцкій.

XLI.

ЛИСА-ПРОПОВѢДНИЦА.

Разбитая параличомъ
 И одержимая на старости подагрой
 И хирагрой,
 Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
 И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
 Лисица
 Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
 И проповѣдывать въ пустыню перешла;
 Тамъ крошкія свои бесѣды разшворяла

Хвалою воздержности, смиренью, правопѣ;

То плакала, то воздыхала

О братіи, въ мірской утопшей суешѣ;

А братій и всего на проповѣдь собиралось

Пять, шесть на перечотъ;

А иногда случалось

И менѣ того, и то Сурокъ, да Крошъ,

Да двѣ, при набожныя Лани,

Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;

Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?

Но Лисій дальновидень взоръ;

Она перемѣнила спруны:

Взяла суровый видъ, и бросила перуны

На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,

На Тигровъ, даже и на Львовъ!

Чтожъ? слушателей тѣма стеклася,

И слава о ея вишійствѣ донеслася

До самаго царя звѣрей,

Который, не смотря, что въ немъ порода Львина,

Былъ смирный, шакъ сказашь, дѣшила,

И набожный подъ старость дней.

Послушаемъ Лису! Левъ молвилъ: что за диво?

За словомъ въ слѣдъ указъ,

И въ сущи, ежели не лживо

Испорикъ увѣряешь насъ,

Лиса привезена, и проповѣдь сказала.

Какуюжъ проповѣдь? изъ кожи лѣзла вонъ!

Въ тирановъ громъ она бросала,

И шутъ же спонъ

И слезы извлекала,

Представя, какъ опъ нихъ
 Невинность унываетъ,
 И каждый день въ мученьяхъ злыхъ
 На небо лишь взираетъ,
 Откуда праведный Судья и Царь царей
 Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.

Придворные оцѣпенѣли:
 Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говоришь!
 Другъ на друга глядяшь, но говоришь не смѣли,
 Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалишь.
 Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
 Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
 Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣпливо сказалъ:
 „Тобой я истину позналъ,
 И болѣ прежняго гнушаться спалъ пороковъ;
 Чегожъ ты пребуешь во мзду твоихъ уроковъ?
 Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и спыда;
 Я твой должникъ.“ — Лиса глядь, глядь шуда,
 сюда,

Какъ будто совѣсти почувствуя улику;

Всецѣдный Царь-отецъ!

Опвѣщствовала Льву съ запинкой наконецъ:

Индѣкъ . . . малую - толику.

ДМИТРИЕВЪ.

XLII.

ОЩИПАННЫЙ ПЪТУХЪ.

Лисица Пѣтуха поймала,
 И, по обычаю сестерь своихъ лисиць,
 Ему всѣ перья ощипала.
 Лисицы страшныя охотницы до пщиць,
 И въ этомъ сходны съ нами:
 Не потъ лишь хищный звѣрь, кто въ свѣтъ
 рождень съ когтями!
 Плуповка за обѣдъ уже садилась свой,
 Какъ вдругъ космашый песь, съ широкой го-
 ловой,
 Домовый спражь, Полканъ залаяль и пустился
 Лисицу жадную ловить.
 Пѣтухъ оспался живъ, въ курятникъ возвра-
 тился.
 Безъ перьевъ? — Какъ же быть!
 „Не думалъ никогда увидѣться я съ вами —
 Бѣдняжка Курицамъ сказалъ —
 Чортъ на меня бѣду ужасную послалъ!
 И еслибъ не Полканъ съ зубами,
 Конечнобъ не былъ я въ живыхъ!“
 — Какое дѣло намъ до шалостей пвоихъ?
 Всѣ Куры въ голосъ закричали,
 Безъ перьевъ, голякамъ, не можемъ мы помочь,
 Бѣги отселъ прочь,
 Пока не заклевали! —

Ощипанный Пѣшухъ, собравъ остатокъ силъ,
 Отъ Куриць лыжи навосприль.
 Гонимые судьбой! не трапьте словъ напрасныхъ!
 Вездѣ пріемъ шаковъ бываетъ для несчастныхъ!
 Пушкинъ.

LXIII.

РАЗБИТАЯ СКРЫПКА.

Скрипица дюжинна упала и разбилась.
 Скрыпачъ ее склеилъ,
 И скрипка изъ дурной... прекрасной очутилась.

*

Тотъ вѣрно спалъ умнѣй, кто въ школѣ бѣд-
 ствѣй былъ!
 Дмитріевъ.

XLIV.

ОРЕЛЬ и БАБОЧКА.

Віясъ подъ облаками,
 Скрывая солнца лучъ огромными крылами,
 Летѣлъ
 Орель;
 Летѣлъ, усталъ, спустился,
 На дубъ сполѣтній сѣлъ,
 И дубъ потрясшись зашумѣлъ,
 И вѣтвями къ землѣ склонился. —
 Предъ нимъ на бархатныхъ лугахъ

Порхала,

Виляла

Блестяща, въ радужныхъ цвѣтахъ

Вершляна Бабочка. — Пернатыхъ царь,

Узрѣвъ ее, вдругъ въ мысли углубился,

На нижню дуба вѣтвь спустился,

И такъ ей говорилъ: о ты, презрѣнна пварь,

Которую и зрѣніемъ Орлинымъ

Я съ горнихъ мѣстъ едва умѣю различить

И мановеніемъ единымъ

Могу въ ничтожность обратить!

Вѣщай, коль можешь, мнѣ,

На что Природою духъ жизни данъ тебѣ?

Иль нужду смертные въ тебѣ имѣли? —

На сей вопросъ

Любезна дщерь весны, которая сосала

Межъ тѣмъ душистый медъ изъ свѣжихъ розъ,

Смирено отвѣчала:

„Природа пварямъ всѣмъ дала различны цѣли:

Ты созданъ землю усипрашать,

А я — ее прельщать.“

Вельяшевъ.

XLV.

АМУРЪ, ГИМЕНЬ и СМЕРТЬ.

Амуръ, Гимень со Смертью строгой
 Когда-то шли одной дорогой
 Изъ свѣша по своимъ домамъ,
 И вздумалось молодцамъ
 Втащить спаруху въ разговоры.
 Признайся, говорятъ, пы, Смерть, не рада намъ?
 Ты ненавидишь насъ? — „Я? выпараща взоры,
 Спросила Смерть ихъ: да за что?“
 Ну, какъ за что! за то,
 Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ:
 Ты все моришь, а мы раждаемъ. —
 „Пустое, брашцы! Смерть сказала имъ въ отвѣтъ:
 Я зла на васъ? . . . Перекреститесь!
 Людьми снабжая свѣшъ,
 Вы для меняжь трудитесь.“

ДМИТРИЕВЪ.

XLVI.

К Е Д Р Ъ.

Любимецъ гордаго царя восточныхъ спранъ,
 Блестящихъ милостей Калифовыхъ лишенный,
 Спрѣлами зависти сраженный Зюлиманъ,
 Въ пустынь, въ бѣдности влачилъ свой вѣкъ
 плачевный.

Чеснь, слава, такъ какъ дымъ, исчезли для него:
Ихъ мѣсто заняли скорбь, слезы и спраданье,
И образъ прежняго блаженства своего
Онъ зрѣлъ въ мучительномъ одномъ напоми-
наньѣ.

*

Еще ударъ ему наноситъ злобный рокъ:
Младую, нѣжную Фашиму онъ теряетъ;
Объятый мразомъ бѣдъ, сей упреннй цвѣтокъ
Въ глазахъ несчастнаго супруга увядаетъ!

*

Остался сынъ ему, милѣй сокровищъ всѣхъ;
Сей сынъ бы нѣкогда закрылъ его зѣницы;
Онъ былъ бы въ спарости виной его утѣхъ...
Увы! невиннаго ведутъ во мракъ темницы!

*

Когожъ наперсникомъ шоски своей избралъ
Злощасный Зюлиманъ въ своемъ уединеньѣ?
Невинность онъ свою предъ Кедромъ изъяслялъ,
И дереву сему ввѣрялъ свое мученье.

*

Содѣлавшись рабомъ обычая сего,
Спеналь онъ нѣкогда, при корнѣ древа сядя.
Свидѣтель прежнія великости его
Съ улыбкой злобною сказалъ, его увидя:

*

— Не стыдно ли тебѣ споль малодушнымъ
быть?
Иль мнишь, что жалобамъ твоимъ сей Кедръ
внимаетъ?

Льзя ль утѣшеніе опъ древа получить?...
 Нещастье, Зюлиманъ, твоя разумъ заблуж-
 даетъ. —

*

Въ отвѣтъ сіи слова ему спрадалецъ рекъ:
 „Дивишься ты, что Кедръ меня сей утѣшаетъ?
 Нѣжиѣ онъ тебя, жестокой челоѣкъ!
 По крайней мѣрѣ онъ мнѣ плакать не мѣшаетъ!“

П. Сумароковъ.

XLVII.

ДУБЪ, КУСТЫ и ТРОСТЬ.

На высотѣ холма вѣшвисшій Дубъ спсаялъ
 И тѣнь обширную въ долину проспираль;
 Кругомъ его Кусты рядами!
 Казался гордый Дубъ царемъ между рабами!
 Въ низу, на гибкомъ стебелькѣ,
 Опъ исполина въ далекѣ,
 Тростъ тонкая качалась,
 И скромной головой къ болоту приклонялась.
 Кусты,
 Надменно съ высоты
 Взглянувши на долину,
 Сказали: „Тросточка! ты, думаемъ, клянeshь
 „Всякъ часъ свою судьбину!
 „Ты мучишься, а не живешь!
 „Какая разница межъ нами и тобою!
 „Опъ бурь защищены мы сѣнію густою!

„Тебя лучь солнца жжётъ;

„А насъ — лишь согрѣваетъ!

„Тебя и дождь сѣчетъ,

„А насъ — лишь прохлаждаетъ!

„Смотри, когда тебѣ въпрѣ гибелью грозить,

„Лиспами нашими едва онъ шевелить!

„Смотри . . .“ Но свиснулъ вихрь — дубравы
заспонали;

Завыло эхо въ ребрахъ горъ,

Шумить въ смященьи черный боръ,

И тучи запылали! —

Чтожь Тросточка? Лежитъ!

А Дубъ? Не двигнешя! все тошъ же гордый
видъ!

Но грянулъ громъ — по тучамъ гуль помчался,

И холмъ подъ Дубомъ зашатался.

Еще ударъ — Дубъ рухнулъ, корни вверхъ!

И пышной грянувшись главою,

Въ долину разпростертый легъ,

Засыпавши Кусты землёю.

Упихнулъ громъ! . . оянь сїаетъ Феба свѣтъ!

Всѣваетъ и Тросточка — Кустовъ и Дуба нѣтъ!

Смиренная, взглянувъ на холмъ высокой,

И видя тамъ ужъ ровъ глубокой,

Сказала про себя: блаженъ, кто крапъ блаженъ,

Кто далъ отъ Дубовъ роси опредѣленъ!

Хоть сѣню своей его не защищаютъ,

За то и падая, землей не засыпаютъ.

ИВАНОВЪ.

XLVIII.

ЦАРЬ и ДВА ПАСТУХА.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о Царской долѣ.

„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое;
Я всей душой хочу, чѣмъ у меня цвѣла
Торговля; чѣмъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну,
Чѣмъ защищать мою спрану.

Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгушъ.

Бояра лишь чины берутъ,
Народъ мой спонешъ, я спрадаю,
Совѣтуюсь, шржусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣпа властелинь, не веселюсь ни чѣмъ!“
Чувствительный Монархъ подходитъ между
тѣмъ

Къ пасущейся скотинѣ;
И что же видитъ онъ? Разсыпанныхъ въ долину
Барановъ, щихъ до косей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей;
Всѣ въ страхѣ бѣгають, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ; они подъ тѣнь ложатся,
Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится
духъ,

То бросишся къ овцѣ, кошорая опснала,
 То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжишь,
 А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ та-
 щить;
 Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жерпвой
 спала.

Опчаянный паспукъ рветъ волосы, реветъ,
 Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
 „Вотъ точный образъ мой! сказалъ Самовла-
 ститель:

И такъ и смиренскихъ живописныхъ охрани-
 тель

Такимижъ, какъ и мы, напасными окружень,
 И онъ, какъ Царь, порабощенъ!

Я чувствую теперь какую-то опраду.“

Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ.

Куда? и самъ не зналъ,

И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему спаду.

Какую разницу Монархъ увидѣлъ тушь!

Баранамъ счепу нѣтъ, опъ жира чуть идушь;

Шерспъ на овцахъ какъ шелкъ и птяжестью
 ихъ клонить;

Ягняшки, кто кого скорѣ перегонить,

Ко мапкинъмъ бѣгушь пишательнымъ сосцамъ;

А паспушокъ въ свирѣль подъ липою играешъ,

И милую свою паспушку воспѣваетъ.

„Не сдобровать, овечки, вамъ!

Царь мыслишь: волкъ любви не чувствуетъ за-
 кона,

И паспуку свирѣль худая оборона.“

Часть III.

А волкъ и подлинно откуда ни возмись,
 Во всю несется рысь:
 Но псы, которые по стадо сторожили,
 Вскочили, бросились и волка задавили;
 Потомъ одинъ изъ нихъ ягненокъ догналь,
 Который далеко отъ страха забѣжалъ,
 И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему со-
 бралъ.

Пастухъ же все поешъ, не шевелясь нимало:
 Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не спало.
 Возможноль? онъ вскричалъ: здѣсь множество

волковъ,

А ты одинъ... умѣлъ сберечь большое стадо! —
 Царь! отвѣчалъ пастухъ, шутъ хитрости не
 надо:

Я выбралъ добрыхъ псовъ.

ДМИТРИЕВЪ.

XLIX.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

На улицѣ большой, широкой,
 На башнѣ не весьма высокой,
 Для пользы, или для красы,
 Стояли солнечны часы.

Пока былъ день, и свѣтъ блискалъ,
 Пока онъ башню освѣщалъ:
 Кто мимо пѣхъ часовъ ни шелъ,
 Всякъ, подходя, на нихъ смотрѣлъ —

Сокрылся день, и солнца нѣтъ:

Никто къ часамъ не подойдетъ.

Щастливцы міра! не гордитесь,

И на того вы не сердитесь,

Кто скажетъ вамъ,

Что вы — подобны симъ часамъ.

ПЕТИНЬ.

Л.

РЫСЬ и КРОТЪ.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Кроша,

Изъ жалости ему по-свойски говорила:

„Увы, мой бѣдный Крошъ! несчастье слѣпоша!

И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста

Тебѣ какъ темная могила!

Какая жизнь твоя!

Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,

И ни о чемъ не разсуждаешь;

А я

Теперь же, буди на ладонѣ,

Все вижу на версту вокругъ,

И все пересказать готова — слушай, другъ:

Вонъ ястребъ въ облакахъ за коршуномъ въ
погонѣ;

Здѣсь ласпочка своихъ птенцовъ

Питаешь мухами, добычей пауковой;

Тамъ хитрая лиса цыпленку строишь ковь;

*

Тамъ кролика постигъ ружья ударъ громовой;
 Здѣсь кошка давишь мышь! а шамъ
 Змѣя впила въ корову;
 А далѣе—медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
 Ревешъ, и гонится за серной по скаламъ;
 А вошь и люшый волкъ ягненочка терзаетъ... —
 „Ахъ, полно, полно! Крошь болпунью пре-
 рываетъ:
 Утѣшноль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
 Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ.“
 ДМИТРИЕВЪ.

II.

ЧИЖИКЪ и ЗЯБЛИЦА.

Чиждь свиль себѣ гнѣздо и сидя въ немъ поешъ:
 „Ахъ! скороль солнышко взойдетъ,
 И съ домикомъ меня заспанетъ?
 Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
 Но вошь ужь и вошло! какъ тихо и красно!
 Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сла-
 дость!
 Ахъ! я такого дня не видывалъ давно.“
 Но безъ товарища и радость намъ не въ ра-
 дость:
 Желаетъ для себя, а ищешь раздѣлить!
 Любезна Зяблица! кричишь мой Чиждь сосѣдкѣ,
 Смирено прикорнувшей къ вѣшкѣ:
 Что ты задумалась? давай-ка день хвалишь!

Смотри, какъ солнышко... Но солнце вдругъ
сокрылось,

И небо тучами опивсюду обложилось;

Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто
въ рѣку;

Лишь галки спаями гуляють по песку,

И крикомъ бурю вызывають;

Да ласпочки еще надъ озеромъ лешають;

Быкъ, шею выпянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;

А конь, поднявши хвостъ и размешавши гриву,

Ржеть, пышетъ и лепитъ чрезъ ниву.

И вдругъ ужасный вихрь со свиспомъ возшу-
мѣлъ!

Со прескомъ грянуль громъ, ударилъ дождь со
градомъ,

И пали паслухи со спадомъ.

Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,

Все стало ярче и свѣплѣе,

Цвѣты душиспѣе, деревья зеленѣе, —

Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.

О бѣдненькой мой Чижъ! онъ, мокрыми крылами

На силу шевеля, къ сосѣдушкѣ лепитъ,

И ей со вздохомъ и слезами,

Носокъ повѣся, говоритъ:

„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикунитъ:

Впредь упрѣ похваляю, какъ вечеръ ужъ насту-
питъ.“

ДМИТРИЕВЪ.

LII.

М Ы Ш Ь.

Однажды, на зарѣ,
 Въ день праздничный — противъ иконы
 Сидѣла Мышь на олтарѣ,
 И видишь, что народъ творить предъ ней по-
 клоны.

„Смотри, какая честь! надувшись говоришь:
 Народъ поклоны мнѣ шворишь,
 И ладонь предо мной куришь!
 Конечно я равна съ богами!“ ...

Но только что она, прельстившись мечтами,
 Подумала, что все предъ ней —
 И самъ отецъ Іерей —
 Не болѣе какъ мошка ...
 Увы! изъ подпешка
 Подкралась кошка,
 И скушала божка!

*

Носящіе вѣнцы лавровы!
 Какъ часто вамъ Судьба подобны строишь
 ковы!
 СЪВЕРИНЪ.

LIII.

ГОЛУБКА и БАБОЧКА.

Однажды Бабочка Голубкѣ говорила:

„Ахъ! какъ ты щасплива! твой Голубокъ съ
тобой;

Какой онъ ласковой! какъ онъ хорошъ собой!

А мнѣ судьба опредѣлила

Совсѣмъ иначе жить: невѣрный Мопелѣкъ

Все по лугамъ лешаетъ;

То Незабудочку, то Розу выбираешь;

А я одна сижу.“ — Послушай, мой дружокъ!

Голубка отвѣчала,

Напрасно, можешь быть, пеняешь ты ему!

Не тыль причиною тому,

Что счастья не сыскала?

Я правду говорю: любимой нѣжно быть

Здѣсь средство лишь одно — умѣй сама любить!

Элиза милая! примѣръ передъ тобою:

Люби . . . и будешь вѣкъ довольна ты судьбою!

Супругъ твой добръ и миль. Онъ сердца своего

Конечно цѣну знаетъ:

Люби и почитай его!

Тамъ счастье, гдѣ любовь: оно васъ ожидаетъ.

Пушкинъ.

ПЫЛЬ и АЛМАЗЪ.

Однажды лѣтнею порою
 Ужасная гроза воспала послѣ зною:
 Завылъ жестокой вѣспрь, дубъ гордый запре-
 щаль;
 Стихиіи межъ собой заспоривъ подралися.
 Пыль, спружки, щепки, листь на воздухъ под-
 нялися,
 Взвились—и бурный вихрь ко шверди ихъ по-
 мчалъ.
 Съ главы красавицы, гулявшей съ пешимешромъ,
 Не знаю какъ-то вдругъ Алмазъ сорвало вѣспромъ,
 И кто-то невзначай въ навозъ его впопшаль.
 Пыль между тѣмъ, узрѣвъ себя подъ облаками
 И видя чуть Алмазъ внизу попрунъ ногами,
 Негоднымъ подлецомъ, гордясь, его звала;
 Однако же сія надменная хула
 Въ Алмазъ никакой досады не раждаешъ;
 Онъ ей съ презрительной улыбкой отвѣчаешъ:
 „Пространство, правда, насъ большое раздѣляешъ,
 Но разность больше есть съ тобой еще у
 насъ:

Ты Пыль — а я Алмазъ.“

П. Сумароковъ.

ЛИСИЦА и СОРОКА.

— Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говоришь?

Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала:

Я чаю, естъ что перенять,

Когда ты спанешь разсуждать. —

„Все, что я говорю, Сорока отвѣчала,
Относися къ тому, чтобъ истину вещей

Открывъ, другихъ наставить въ ней.

И такъ большимъ моимъ стараньемъ пред-
успѣла,

Что я кого бы ни взяла,

Отъ Жука до Орла,

Яснѣ всѣхъ еѣ изслѣдовавъ умѣла,

И шолкъ дала. “

— Большое, говоришь Лисица, одолженье
Мнѣ было бы швое услышать наставленье,

Когда бы ты не въ прудъ сочла. —

Какъ иногда педантъ глубоко-изученный,

Наукой и собой надутъ и зараженный,

Готовясь преподавъ спасительный урокъ,

Сперва впередъ и взадъ кафедры зашагаетъ,

И важно въ носовой свой шелковой платокъ

Упрется, и потомъ ужъ слово начинаешь:

Такъ почно на суку Сорока повертясь

И поученіе подать расположась,

Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,

И справа носъ обь сукъ и слѣва подчищала;

Потомъ, принявъ ученый видъ,

„Я рада, говоришь,

Моимъ дѣлиться дарованьемъ.

Пусть пользуется всякъ, и малой и большой,

Открытымъ мнѣ познаньемъ.

Послушай: о тебѣ самой

Теперь я рассуждала:

Ты вѣдь чешыре у себя

Ноги до эпихъ поръ счищала;

А не чешыре ихъ, хоть спранно для тебя

Покажется; но знай, все, чѣмъ я ни сказала,

Не доказавъ не оставляла.

Послушай, и сама признаешься тогда:

Примѣшила ли ты, когда

Ты спулишь, то всегда

Нога твоя въ движеньи;

Когда же ты споишь въ покойномъ положеньи,

То и нога покоится тогда?

Но эшимъ я еще не все вѣдь доказала;

А слушай, что теперь я буду выводить:

Всегда, когда тебѣ случается ходить,

То все нога твоя не по землѣ спупаетъ?

Примѣшь же ты свой хвостъ: когда нога ша-

тнешь,

То съ нею пожъ и хвостъ подастся твоей вле-

редь;

И какъ нога твоя по шупъ, то тамъ бываетъ,

То такъ почнехонько и хвостъ твой выпу-

паетъ;

А изъ того теперь и нужно заключить,
 Что хвостъ твой пяшою ногою долженъ бытъ;
 И вопъ, на чудное по видимости мнѣнъе,
 При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенъе. “
 Не образумившись отъ мудрыхъ словъ рѣчей,
 Лисица, пяшую поджавъ смиренно ногу,
 Пошла, и всю дорогу
 Твердила: спало бытъ, не межъ однихъ людей
 Чѣмъ кто глупѣе,
 Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

Хемницерь.

LVI.

СЛѢПЕЦЪ и РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

„И ты несчастливъ! . . . дай же руку!
 Начнемъ другъ другу помогать.
 Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой пере-
 дашь;
 А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
 И легче будетъ намъ. “
 Такъ говорилъ мудрецъ Воспока,
 И вопъ его же припча вамъ:
 Два были нищіе, и оба властью рока
 Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ:
 Одинъ былъ слѣпъ,
 Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
 Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждуть и гроба;
 На помощь къ нимъ и смерть неидетъ.

Разслабленный конца своимъ спраданьямъ ждешъ
На голой мосшовой, снося и жаръ и холодъ,

Всего же чаще голодъ,
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно шерпѣль, или еще и болѣ:
Топъ могъ, хопя вдали, въ день лѣпнѣй видѣтъ
поле;

А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь глубока ночь, и скороль разсвѣшаетъ,
Увы! не знаешъ.

Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ,
И шу какіе то - злодѣи не украли,
А нагло отъ его веревки опвязали
И увели съ собой.

Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный по-
мился;
Онъ слышинъ спонъ его, и самъ пускаешъ
вдохъ.

„Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводишь Богъ;
Намъ должно побрашаться,
Имѣшь одну суму

И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!“
Согласенъ, опвѣчалъ Разслабленный ему:
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ бытъ? ты слѣпъ, а я без-
ногой!

Чтожь будемъ дѣлать мы? я и еще скажу —
„Какъ? подхвашилъ Слѣпецъ: ты зрячь, а я хожу;

Такъ ты ссужай меня глазами,
 А я съ охопою ссужусь тебѣ ногами;
 Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
 И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.“

ДМИТРИЕВЪ.

LVII.

ЗАЯЦЪ и МЕДВѢДЬ.

Пресильну Заяцъ злоспъ при горести имѣлъ,
 Что нѣкогда Медвѣдъ дѣшей его поѣлъ,
 И всякой день хотѣлъ отмстить свою обиду,
 Но не было ему къ тому ни мало виду.
 А сей былъ озорникъ въ лѣсу ему сосѣдъ,
 Такъ должно было ждашь и впредь подобныхъ
 бѣдъ.

Хоть Заяцъ и трусливъ, однако, пронуть больно,
 Отваги получилъ къ отмщенію довольно,
 И предпріялъ, хошябъ случилось пропастьъ,
 Лишь только своего врага ввести въ напастъъ,
 Взманишь въ свой частый лѣсъ охотниковъ
 со псами,

Гдѣ и не думали они быть прежде сами.
 Причина: что сей лѣсъ былъ тѣсенъ и не чиспъ,
 И вѣдали они, что онъ и незайчиспъ.

Съ нетерпѣливостью дней зимнихъ дожидался.
 Въ отвагѣ вымыселъ ему на мысль попался:
 Въ начинѣ сей зимы лишь только выпалъ снѣгъ,
 Оставилъ онъ свой домъ и подъ деревней легъ,

Гдѣ малые тогда ребята забавлялись,
И, снѣгъ сжимаючи, другъ въ друга имъ меша-
лись.

Увидѣли они, что Заяцъ шупъ приникъ:
Какой пошелъ опъ нихъ по всей деревнѣ крикъ;
Но Заяцъ убѣжалъ потчасъ къ себѣ возвращно,
И обложилъ врага слѣдами многокрапно,
А послѣ побѣжалъ, куда тогда хотѣлъ.
Въ деревнѣ зайчій слѣдъ охотникъ усмотрѣлъ,
И шель съ собакою по заячьему слѣду,
Однако не къ нему, зашелъ къ его сосѣду,
И испужавшись, обратно побѣжалъ;
Но что въ лѣсу Медвѣдъ, въ деревнѣ разсказалъ.
Сбирающся къ нему охотники со псами,
Иной съ рогашиной, съ ружьемъ, иной съ стрѣ-
лами.

Наполнилъ всѣ дворы о люпомъ звѣрѣ слухъ,
Иной съ собою ножъ беретъ, иной обухъ.
Во множествѣ къ нему крестьяне выходили,
И только лишь пришли, потчасъ его убили.

*

Не учиняй обидъ, ты сильный, никогда,
Безсильный по отмстишь удобенъ иногда.

А. Сумароковъ.

LVIII.

Н Е В Ъ С Т А.

Невъста-дѣвушка смышляла жениха.

Тутъ нѣшь еще грѣха;

Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.

Сыщи ей жениха, чѣмъ былъ хорошъ, умѣнь,

И въ ленпахъ, и въ чеспи, и молодъ былъ бы онъ.

(Красавица была немножко прихотлива.)

Ну, чѣмбы все имѣлъ; кѣмъ можетъ все имѣть?

Еще и то замѣть:

Чѣмбы любишь ее, а ревновать не смѣть.

Хоть чудно, только такъ была она щаслива,

Что женихи, какъ на отборъ,

Презнашныя капили къ ней на дворъ;

Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли шонки:

Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;

А ей они на взглядъ

Не женихи, а женишонки!

Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ!

Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ,

А тотъ бы и въ чинахъ, да всѣ карманы пу-
сты!

То носъ широкъ, то брови густы;

Тутъ эдакъ, тамъ не такъ;

Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.

Посмолкли женихи — годка два перепали,

Другіе новыхъ свахъ послали;

Да только женихи средней ужь руки.

„Какіе дураки!

Твердитъ красавица, по нихъ ли я невѣста!

Ну, право ихъ зашѣи не у мѣста,

И не такихъ я жениховъ

Съ двора съ поклономъ проводила;

Пойдуль я за кого изъ эшихъ чудаковъ!

Какъ будтобъ я себя замужствомъ поропила!

Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела.

День весела — и ночь я право сплю спокойно;

Такъ за мужъ кинуться совсѣмъ мнѣ не при-
стойно.“

Толпа и эша уплыла.

Потомъ отказы слыша тѣ же,

Ужъ спали женихи наверхываюсь рѣже.

Проходитъ годъ,

Никто нейдѣтъ.

Еще минуль годокъ — еще уплыль годъ цѣлой;

Вошъ наша дѣвушка ужъ спала дѣвой зрѣлой.

Начнешъ считаешь своихъ подругъ:

(А ей считаешь большой досугъ)

Та за мужемъ давно, другую сговорили;

Ее какъ будто позабыли.

Закралась грусть въ красавицыну грудь.

Посмотришь — зеркало докладывать ей спало,

Что каждый день, а что нибудь

Изъ прелесней ея лихое время крало.

Сперва румянца нѣтъ, шамъ живоспи въ гла-
захъ;

Умильны ямочки пропали на щекахъ,

Улыбки, рѣзвосты какъ будто ускользнули, —

Тамъ волоска два при сѣдые проглянули,
 Бѣда со всѣхъ сторонъ:
 Бывало безъ нее собранье не прелестно,
 Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
 А нынѣ? — Ахъ! ее зовуть ужь на боспонъ.
 Вотъ путь спѣсивица перемѣняетъ понъ:
 Разсудокъ ей великъ замужствомъ поропишься;
 Переспаеетъ она гордиться;
 Какъ женщина на насъ ни изкоса глядишь,
 А сердце ей за насъ всегда свое твердишь.
 Соскуча жизнь вести унылу, одинаку,
 Красавица ко браку
 Короче путь взяла,
 И рада, рада ужь была,
 Чпо вышла за каляку.

Крыловъ.

LIX.

ЛОШАДЬ съ ВОЗОМЪ.

Когдабъ приманчивость людьми не управляла,
 Къ чемубъ тогда годился свѣтъ?
 Кудабъ и не ийти, теперь иной идешь:
 Приманчивость ведетъ.
 А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала.
 Я видѣлъ: лошадь возъ съ камнями везетъ,
 И очень лошадь ужь пристала.
 Возъ сѣна впереди идешь,

То чѣмъ до сѣна ей добрашься,
Она хоть черезъ мочь вези и надсѣдаешься;
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

ХЕМНИЦЕРЪ.

LX.

С В Е Р Ч К И.

Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А націей Сверчки,
Избрали для себя кварширой постоянной
Судейской домъ;
Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетѣ,
И каждый день они видалися пайкомъ.
„Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!
Сказалъ товарищу Сверчокъ:
Какъ гнешся, даромъ что высокъ!
Какая крошесъ въ немъ! какая добродѣтель!
И какъ трудолюбивъ! Я самъ тому свидѣтель,
Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
А всѣ за нимъ падаютъ!“ — На произволь судь-
бины,
Товарищъ подхватилъ:
Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только
жилъ,

И вмѣсто лицъ привыкъ разсмапривашъ личины;
 Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
 Въ передней баринъ то, чѣмъ хочешь онъ ка-
 зашься;

А здѣсь, какимъ родился въ свѣтъ.
 Богатому служишь, предъ сильнымъ пресмы-
 каешься;

А до другихъ и дѣла нѣтъ:
 Вотъ нашего ханжи и все шупъ уложенъ!
 Оставъ же лишнее къ нему ты уваженъ!

И въ обществѣ людскомъ,
 Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,
 Умѣй ты различать двухъ челоуѣкъ въ одномъ:
 Параднаго съ приватнымъ.

ДМИТРИЕВЪ.

LXI.

ОРЕЛЬ и ЧЕРВЯКЪ.

Вверху, на деревѣ высокомъ,
 Увидѣвъ Червяка Орель,
 Спросилъ съ надмѣннымъ, гордымъ окомъ:
 Ты, дерзкой, какъ сюда зашелъ? . . .
 „Вы, какъ Орель, сударь, взлѣзли;
 „А я — доползъ до той же цѣли.“

Д О М О В О Й.

Пусть люди бы жишья другъ другу не давали;
Да ужь и черпи пожь людей превожись спали!

Хозяинь, говоряшь, одинь какой-то былъ,

Которому опь Домовова

Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:

Что ночь, то Домовой пугаешь его ходилъ.

Хозяинь, чѣмъ спастись нещасія шакова,

Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладономъ курилъ,

Молишву опь духовъ шворилъ,

Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;

Ни двери, ни окна хозяинь не оставилъ,

Чѣмъ мѣломъ крестика опь чорша не по-
ставилъ;

Но ни молишвой, ни крестомъ,

Онъ опь нечистаго не могъ освободиться.

Случилось стихошворцу въ домъ

Къ хозяину переселился:

Хозяинь радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣ-
лись;

А чѣмъ смѣлѣе бышь,

Когда нечистой появишся,

Зовешь онъ автора съ нимъ вечеръ проводишь,

И просишь сдѣлать одолженье

Прочестъ ему свое шворенье.

И стихошворецъ въ угожденье

Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ

(Однако имя ей комедіи давалъ,)

Которою хотя хозяинъ не прельщался,

Да сочинитель восхищался.

Нечистой духъ, какъ часъ насталь,

Хозяину хоть показался,

Но и явленія не выждалъ одного:

По кожѣ подрало его,

И стало не видашь. — Хозяинъ догадался,

Что Домовой чего-то не взлюбилъ.

Другаго вечера дождавшись, посылаетъ,

Чтобъ посидѣть опять къ нему писателъ былъ,

Котораго опять чипать онъ заставляетъ;

И онъ чипаетъ.

Нечистой только лишь прійдетъ,

И пѣмъ же часомъ пропадетъ.

Поспой же, разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою:

Теперь я слажу съ сатаною.

Не спанешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходишь.

На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ оспался.

Какъ скоро полночь спало бишь,

Нечистой тупъ; но чупъ лишь только пока-

зался,

Эй, малой! поскорѣй, хозяинъ закричалъ:

Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,

Которую онъ мнѣ чипалъ. —

Услыша это, духъ нечистой испугался,

Рукою замахалъ,

Чтобы слуга оспался;

И словомъ, Домовой

Пропалъ, и въ этошь домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ! если бы стиховъ негодныхъ не писали,
 Которые мы такъ бранимъ,
 Какимъ бы способомъ другимъ
 Чершей мы избавляться спали?
 Теперь хоть тысяча бѣсовъ и домовыхъ
 Къ намъ въ дома станутъ появляться,
 Есть чѣмъ опъ нихъ
 Обороняться.

Хвмницерь.

LXIII.

О Р А К У Л Ъ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянной богъ,
 И спалъ онъ говоритъ пророчески опвѣшы,
 И мудрые даватъ совѣшы;
 За по опъ головы до ногъ
 Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ;
 Споялъ въ нарядѣ пребогатомъ;
 Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ
 И еіміамомъ задушенъ.
 Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо.
 Какъ вдругъ, о чудо! о позоръ!
 Заговорилъ Оракуль вздоръ,
 Спалъ опвѣчатъ нескладно и нелѣпо,
 И кто къ нему за чѣмъ ни подойдешъ,
 Оракуль нашъ что молвишь, то соврешъ;

Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда въ нёмъ умъ дѣвался?

А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пусшой, и саживались въ нёмъ
Жрецы вѣщають мірянамъ.

И такъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не пупаль вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ спалъ болванъ болваномъ.
Я слышаль — правдаль? — будто вспарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

Крыловъ.

LXIV.

СОВѢТЬ МЫШЕЙ.

Въ мучномъ анбарѣ Кошъ такой удалой былъ,
Что менѣе недѣли
Мышей до сопни задавилъ.
Десятокъ или два кой какъ ужъ уцѣлѣли
И спрятались въ норахъ.
Что дѣлашь? выдпи спрахъ;
Не выходишь, такъ смерти ждешь голодной.
На лаврахъ отдыхалъ Кошъ сыпой и дородной.
Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ,
Гдѣ милая ему назначила свиданье.

Слухъ до мышей о томъ дошелъ —
 Повыбрались изъ норъ, открыли засѣданье
 И стали разсуждать,
 Какія мѣры имъ прошивъ Кота приняты.
 Одна Мышь умная, которая жила
 Съ учеными на чердакахъ
 И много книгъ переглодала,
 Совѣтъ дала въ такихъ словахъ:
 „Сесприцы! оповрашьте грозящее намъ бѣдство
 Я нахожу одно лишь средство
 Простое самое. Оно въ томъ состоитъ,
 Чтoby нашему злодѣю,
 Когда онъ спитъ,
 Гремушку привязать на шею.
 Далеко, близко Котъ, всегда мы будемъ знать,
 И не удастся насъ ему въ располхъ поймать.“
 Прекрасно! ахъ! прекрасно!
 Вскричали всѣ единогласно.
 За чѣмъ опкладывать? какъ можно поскорѣй
 Гремушку мы Коту привяжемъ!
 Ужь по-то мы себя докажемъ!
 И не видавъ ему мышей
 Такъ точно какъ своихъ ушей! —
 „Все очень хорошо: привязывать кпожь спа-
 нешь?“ —
 Ну! ты. — „Благодарю.“ —
 Такъ ты. — „Я посмотрю,
 Какъ духа у тебя доспанеешь! —
 Однакожь надобно. — Что долго полковаешь?
 Кто сдѣлалъ предложенье,

Тому и исполняшь.
 Ну! умница! свое намъ покажи умѣнье. —
 И умница равно за это не взялась;
 А для чегожь бы такъ? — да лапка запряслась.

*

Куда какъ право чудно!
 Мы масшера учишь другихъ;
 А если дѣло ужь дойдетъ до насъ самихъ,
 То исполняшь намъ очень трудно.
 А. Измайловъ.

LXV.

СКВОРЕЦЪ, СОРОКА и ПОПУГАЙ.

Пришли къ Юпитеру, въ его прекрасный рай,
 Скворецъ, Сорока, Попугай,
 И подали они по формѣ челобитну,
 Довольно любопытну:
 Просили, милость имъ опмѣнну сотворить,
 По человѣчески дозволишь говорить.
 Юпитерь прочиталъ ихъ странное прошенье;
 У Зевса скорое на всѣ дѣла рѣшенье,
 Не какъ у насъ:
 Таскайся года два для завпраковъ въ приказъ,
 И, будто предъ богами,
 По дѣлу правому, гнись, гнись передъ судьями.
 Не трудно милости Юпитеру творить!
 Ну что же, онъ спросилъ, хотите говорить?
 И первый Попугай отвѣстствуетъ: „о Боже!

Что люди говоряшь, мы бредишь будемъ по же!“
 Погладивъ бороду, Зевесъ съ усмѣшкой рекъ:
 „Ври, ври, мой Попугай, какъ будто человѣкъ!“
 Скворецъ сказалъ: „слѣшѣвъ въ земные края,
 Мы будемъ лепешать, что бредяшь Попугай.“

Держащій громъ

Своею молніей, какъ будто бы перомъ,

Скрѣпилъ опредѣленье:

„Скворцу языкъ ломать дается дозволенье.“

Скворцы съ шѣхъ поръ

Свиспяшь и мѣляшь вздоръ. —

Сорока, прыгая, коверкаясь, щебеча,

Просила для себя языка человѣча.

„Не трудно и тебѣ шу милость сотворишь;

„Но ты, спросилъ Зевесъ, что будешь гово-
 ришь?“ —

— Я спану намекашь однѣ потребности наши,

Сорочій былъ отвѣтъ:

Когда обѣда нѣтъ,

Дозволь ты мнѣ кричать: *Сорокъ каши!* —

„Кричи, нахмутивъ лобъ, супругъ Юнонинъ рекъ

И каши ты проси, какъ будто человѣкъ.

Но ежели примѣчу,

Вралиха старая! что дерзкимъ языкомъ,

Какъ будто наглые писатели перомъ,

Ты спанешь разсѣвать ругательства о комъ,

Я въ носъ тебя щелкну, и больно изувѣчу!“

Сороки! бойшеся Юпитеровыхъ грозъ;

Просите каши вы, но берегите носъ!

LXVI.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
 Что еслибъ силою волшебною какою
 Всевидающимъ я спалъ,
 И вдругъ открылись предо мною
 Всѣ, всѣ, копорые и ѣдутъ и ползутъ,
 И скачутъ и плывутъ,
 Изъ царства въ царство рыщутъ,
 И дочери Судьбы опмѣнной красоты,
 Иль убѣгающей мечты
 Безъ отдыха споль жадно ищутъ?
 Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ! ужь, кажется, въ ру-
 кахъ...
 Ужъ сердце въ восхищеньи бьется...
 Вотъ только что схватишь... хоть какъ такъ
 увернешся,
 И въ тысячи уже верстахъ!
 „Возможноль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
 Давноль такой по въ насъ искалъ?
 А нынѣ какъ онъ пышенъ спалъ!
 Онъ въ щастіи распелъ, а насъ за грязь ки-
 даютъ!
 Чѣмъ хуже мы его?“ — Пусть лучше во спо-
 разъ,
 Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ
 глазъ;
 А къ этому прибавимъ:

Чинь спойшь ли того, что для него оставимъ
 Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
 Который въ старину удѣломъ былъ боговъ?
 Фортуна женщина: умѣрьте вашу ласку;
 Не бѣгайте за ней; сама смягчится къ вамъ.
 Таль милый Лафоншенъ давалъ совѣты намъ,
 И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку:

Въ деревнѣль, въ городкѣ,
 Одинъ съ другимъ не вдалекѣ
 Два друга жили,
 Ни скудны, ни богаты были.
 Одинъ все щастье спавиль въ томъ,
 Чтобы нажить огромный домъ,
 Деревни, знатный чинъ — то и во снѣ лишь
 видѣль;
 Другой богатствъ не ненавидѣль,
 Однакожь ихъ и не искалъ,
 А каждую ночь покойно спалъ.
 „Послушай, другъ ему однажды предлагаешъ:
 На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ;
 Чегожь и намъ здѣсь ждашь? — Со временемъ
 суммы.

Поѣдемъ лучше мы
 Искать себѣ добра; войши, сказашъ умѣемъ;
 Авось мы и найдемъ; авось разбогатѣемъ.“
 Спупай, сказалъ другой,
 А я остануся; мнѣ дорогъ мой покой,
 И буду спать, пока мой другъ не возвратишся. —
 Тщеславный этому дивишся.
 И ѣдетъ. На пуши встрѣчаешъ цѣли горь,

Вспрѣчаетъ много рѣкъ, и напоследокъ вспрѣ-
шилъ

Ту самую спрану, куда издавна мѣшилъ:
Любимый уголокъ Фортуны, то есть, Дворъ;

Приспалъ къ нему, и по обряду

Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:

Тамъ спрѣлкою споить, не смѣя и дышать,

Здѣсь пакаетъ изъ всей онъ мочи,

Тутъ шепчетъ на ушко — короче: дни и ночи

Нашъ випязь самъ не свой;

Но все то было впунѣ!

„Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,

Да слушай объ одной Фортунѣ,

А самъ все ничего!

Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего.

Слуга покорный вамъ, господчики! прощайте,

И впредь меня не ожидайте;

Въ Сурашь, въ Сурашь лечу! я слышалъ въ сказ-
кахъ, тамъ

Фортуна съ давнихъ лѣтъ курится оиміамъ.“

Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣ-
лѣли.

Но что же? Не прошло недѣли,

Какъ спрансповашель нашъ отправился въ Су-
рашь:

А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,

На родину свою; корабль то загорался,

То на мѣль попадалъ, то въ хляби погружался;

Всечасно въ прѣпелѣ, отъ смерти на вершокъ;

Бѣднякъ бѣсился, клялъ — извѣстно, лютый рокъ,

Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
 Безумцы! онъ судиль: на край приходимъ
 свѣта

Мы смерть ловимъ, а къ ней и дома два
 шага! —

Синѣюпъ между тѣмъ Индійски берега,
 Попушный дунуль вѣпръ; по крайней мѣрѣ
 ксшапѣ

Пришло мнѣ такъ сказапъ, и онъ уже въ Су-
 рапѣ!

„Фортуна здѣсь? его былъ первый всѣмъ во-
 просъ.“ —

Въ Японіи, сказали. —

„Въ Японіи? вскричалъ герой, повѣся носъ.
 Быпъ такъ! плыву шуда.“ — И поплылъ; но, къ
 печали,

Развѣхался и шамъ съ Фортуною слѣпой!

„Нѣпъ! полно, говорипъ, гоняпъся за меч-
 пой.“ —

И съ первымъ кораблемъ въ опчизну возвра-
 щился.

Завидя издали опеческихъ боговъ,
 Родимый ручеекъ, домашній милый кровь,
 Нашъ мореходецъ прослезился,

И опъ души вздохнувъ, сказалъ:

„Ахъ! щаспливъ, щаспливъ топъ, кпо лишъ
 по слуху зналъ

И Дворъ и Океанъ и о слѣпой богинѣ!

Умѣренность! съ побой раздолье и въ пу-
 спынѣ.“

И такъ съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ и въ
глазахъ,

Въ опчизну, наконецъ, вступаешь;

Лепишь ко другу, — чшожь? какъ друга обрѣ-
шаешь?

Онъ спишь, а у него Форшуна въ головахъ!

ДМИТРИЕВЪ.

LXVII.

Я П О Н Е Ц Ъ.

Одинъ Японецъ молодой

Былъ глухъ и слѣпъ, къ помужь нѣмой,

Но, участью своей доволенъ,

Имѣлъ все нужное, покоенъ былъ и воленъ.

„Благодарю боговъ, не рѣдко мыслилъ онъ,

„Что я въ Японіи живу благословенной!

„Японцы такъ добры! чшущь правду и законъ,

„И я, всѣхъ чувствъ почти лишенной,

„Еще блаженствую, и ими не забытъ:

„Одѣшь, обушь и сышь.“

Какой-то славный врачъ, въ Японіи извѣстный, —

Не худо бы и намъ такихъ врачей имѣть, —

Даль бѣдному бальзамъ чудесный:

Онъ началъ говоритъ и слышать и глядѣть.

Какое щастіе! вы скажете конечно.

Но чшожь Японецъ нашъ узналъ?

Товарищи его не споили похвалъ,

Другъ друга грабили они безчеловѣчно;

Вездѣ безсильный былъ поправъ,

Въ судахъ коварство обитало,
 На торжищахъ обманъ,
 И словомъ, зло торжествовало.
 „О ужасъ! юноша вскричалъ
 Съ прискорбіемъ души, съ сердечными слезами,
 Такихъ ли гнусныхъ дѣлъ ошъ васъ я ожидалъ?
 Что сдѣлалось, Японцы, съ вами?
 Куда ни оглянусь, въ странѣ несчастной сей
 Или безумецъ иль злодѣй!“
 Слова его судьямъ пересказали,
 И топчасъ отданъ былъ приказъ,
 Чпобъ изъ отечества на вѣкъ его изгнали.
 „Японцы! онъ сказалъ, теперь я знаю васъ,
 И съ вами щастіе найти безъ спору можно;
 Но быть уродомъ должно
 Безъ языка, ушей и глазъ.“
 Пушкинъ.

LXVIII.

КРЫНКА МОЛОКА.

Мелинта понесла на рынокъ молоко:
 Хоть крынку головой нести и не легко;
 Мелинта о трудѣ своемъ не размышляетъ,
 Но деньги исчисляетъ,
 Которыя она за свой товаръ возьметъ.
 И въ мысли таковой дорогою идетъ:
 Какъ это я продамъ, куплю яицъ десятокъ,
 Да выведу цыплятокъ.

Не думай, коршунъ, ты цыплятъ моихъ паскашь;
Я стану ихъ беречь такъ какъ ребятокъ машь.

Цыплятки будутъ куры;

Вѣдь я не сдѣлаю, какъ дѣлають по дуры,

Чтобъ мнѣ цыплятъ поѣсть.

Они со временемъ яички будутъ нести.

И разведу я куръ спа два или и болѣ,

Куръ нѣсколько продавъ, овечку я куплю;

Вѣдь дешево своихъ я куръ не уступлю.

Купивъ, овечушку пущу гулять я въ поле.

Овечкѣ надобно ягнятокъ мнѣ родить;

Вы будете меня, ягняточки, любить.

Какъ на лугъ я приду, они играють тамъ спа-
нушь:

Увидючи меня, воть такъ-то вспрянушь:

И внѣ ума,

Воспрянула сама.

Слешѣла крынка: воть Мелинѣ вся заплаша.

Какой ей по ударь!

Проспи, товаръ;

Проспи, овечушка; проспите, и ягнята;

Проспите, яйца, и куры, и цыплята.

А. СУМАРКОВЪ.

LXIX.

КОШКА и ПЪТУХЪ.

Поймала Пъшуха голодна Кошка въ кохши.
 И какъ она въ него уже вонзила ногши,
 Спаралась правый судъ явишь ему она,
 Что будшо есть его великая вина.
 Ты спашь, его винишь, хозяевамъ мѣшаешь.
 Пъшухъ на шо: — дѣла не право разрѣшаешь;
 Я симъ хозяевамъ своимъ не досажу:
 Какъ упромъ я пою, къ работѣ ихъ бужу. —
 Пускай шо такъ, да шы въ любви лицемѣрень,
 И не былъ ни одной любовницѣ шы вѣрень.
 — А еслибъ не искалъ различносши я лицъ,
 То куры нанесли не много бы яицъ. —
 И шо хоть такъ, сама я эшо ушвердила;
 Однако ужъ себя я къ смерти осудила.
 Напрасно все шеперь, и прозьба и боязнь;
 Я завпракашъ хочу; прими достойну казнь.

А. Сумароковъ.

LXX.

КУРЫ и ГОЛУБКА.

Какой-шо мальчикъ ппицъ любилъ,
 Дворовыхъ, всякихъ, безъ разбору,
 И крошками кормилъ.
 Лишь голосъ дастъ ко сбору,

То куры шущь, какъ шущь
Опвсюду набѣгущь.

Голубка то же прилетѣла
И крошекъ поклевашь хопѣла;
Да шой опваги не имѣла,

Чшобъ подойпшъ къ крохамъ. Хопъ къ нимъ и
подойдешъ,

Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнешъ:
Голубка прочъ да прочъ; и крохъ какъ нѣшъ,
какъ нѣшъ;

А Куры между тѣмъ съ опвагой наступали,
Клевали крохи, да клевали.

На свѣшѣ часшо шакъ идешъ,
Чшо шасшя иной опвагой досшупаешъ;
И смѣлой шамъ найдешъ,
Гдѣ робкой потеряешъ.

ХЕМНИЦЕРЪ.

LXXI.

КУЗНЕЧИКЪ и ВОЛЬ.

Однажды въ лѣпнѣй день Кузнечикъ подъ ли-
сшами
Покоясь въ холодкѣ, не бывъ знакомъ съ пру-
дами,

Опъ скуки пѣсню напѣваль,
И шущь же Воль пахаль.

„Какъ плохо ты орешъ! — и криво и неровно!

*

„Ну, что за борозда! — какъ на смѣхъ слов-
но!“ ...

Кузнечикъ пахарю кричалъ. —
А вошь, окинувъ глазомъ ниву,
„И подлинно, сказалъ,
„Я эту борозду провель немного криву.
„Самъ вижу, что плоха!
„Да мудреноль одной и ошибиться...
„За то ужъ прочими могу я похвалишься.“
— Какая чепуха!

И опъ одной все поле не годится! —

Невѣжда пропищалъ

И — поскакалъ.

Невѣжда-крипикъ! вошь швое изображеніе!
За слово, иль за стихъ ты гложешь сочиненіе.

Ө. Ивановъ.

LXXII.

Л Ж Е Ц Ъ.

Изъ дальнихъ странствій возвращаясь
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и Князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счесу прилыгалъ.
Нѣтъ, говоришь, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,

То солнце прячется, то свѣшитъ слишкомъ
ярко.

Вошь шамъ-то прямо рай!

И вспомнишь такъ душѣ опрада!

Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не нада;
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная шѣнь,
И круглой Божіей годъ все видишь Майской
день.

Никто шамъ не сажитъ, ни сѣетъ;
А еслибъ посмотришь, что шамъ растетъ и
зрѣетъ!

Вошь въ Римѣ, на примѣрь, я видѣлъ огурецъ;
Ахъ, мой Творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору:

Повѣришь ли? ну право онъ былъ съ гору.
Ну, чтожъ диковинки? пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесь разсѣяно повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.

Мы сами вошь пеперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ конечно не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду. —
Вонъ видишь ли черезъ рѣку пошь мостъ,
Куда намъ пушь лежишь — онъ кажется и
просъ,

А свойство чудное имѣешь:
Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройши не
смѣешь,

Провалился и въ воду упадешь;

Но кто не лжешь,

Спупай по немъ пожалуй хошь въ карешѣ —

А какова у васъ рѣка?

Да не мѣлка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего то нѣтъ на
свѣтѣ!

Хоть Римской огурецъ великъ, нѣтъ спору въ
томъ:

Вѣдь съ гору кажется, ты такъ сказалъ объ
немъ? —

Гора хоть не гора: но право будетъ съ домъ —
Повѣришь прудно!

Однакожь какъ ни чудно,
А все чуднѣе мостъ, по коему мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;

И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да поршней.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо. —

Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за дома?

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни спать, ни сѣсть. —

Пусть такъ; но все признайся должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,

Въ кошоромъ двумъ усѣсться можно.
Однакожь мостъ-ахъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти ша-
говъ,

Какъ попчасъ въ воду?

Хоть Римской пвой и чудень огурецъ —
Послушай-ка, шупъ перерваль мой лжецъ,
Чѣмъ на мостъ намъ иди, поищемъ лучше
броду.

Крыловъ.

LXXIII.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИКЪ.

Быль мужъ съ женой у насъ, какіе въ свѣтѣ
рѣдки:

Подъ сельской кровлею, гдѣ испари ихъ предки
Смиренно проводили вѣкъ,

Два сына и они дни сладкіе вкушали.

Супруги то въ саду, то въ полѣ работали;

То въ домѣ спранникамъ гофовили ночлегъ;

А лѣпомъ вечерашъ, сядяся подъ кустами,

Зимой передъ огнемъ,

Учили сыновей, какъ и умѣли сами,

Довольствоваться въ жизни всѣмъ,

Чѣмъ Богъ благословилъ. Любите добродѣтель

И помните законъ — они пвердили имъ:

Есть нашихъ тайныхъ дѣлъ невидимый Свидѣ-
тель;

Блажень, кто въ сердцѣ чистъ предъ Нимъ!

И рѣчь развеселялъ отецъ забавной сказкой,

А мать улыбкой, или лаской.

Сынъ старшій былъ угрюмъ, имѣлъ суровый
нравъ,

Любилъ задачи и науки;

А младшій, выдумщикъ на рѣзвостѣ и шутки,
Безъ смѣху ни на часъ, ни шагу безъ забавъ.

Однажды подь вечеръ, какъ всѣ съ домашнимъ
дѣломъ

Разсѣлися своей семьей вокругъ стола,
Тошъ Шлецера *) читаль; а сей въ умѣ весе-
ломъ

Не то задумавши и не входя въ дѣла

Аѳинъ иль мудрой Спарши,

Съ пріятнымъ для себя трудомъ

На своды каршъ вносилъ другія сводомъ
каршъ,

И выводилъ воздушный домъ.

Вдругъ важный нашъ читатель

Съ задачей: Бапюшка! позвольте васъ спро-
сить,

Кто спранъ, земель завоеватель?

Кто основатель царствъ? и какъ ихъ разли-
чить?

Отецъ по мѣрѣ лѣтъ его отвѣтъ готовилъ;

Но скоро сынъ дуугой,

Отъ радости большой,

Что наконецъ свой домъ достроилъ,

Вскричалъ: готовъ совсѣмъ! Съ досады брашъ
махнулъ

Рукою, и въ одно мгновенье

*) Извѣстный сочинитель, который вмѣстѣ со Шрекомъ на-
писалъ Всемирную Исторію для дѣтей на Нѣмецкомъ языкѣ.

Все разориль строенье.

Топъ въ слезы, а отецъ ученому шепнуль:
„Смотри! твой братецъ основатель,
А ты завоеватель.“

В. ИЗМАЙЛОВЪ.

LXXIV.

ЗМѢЯ и УГОРЬ.

„Не правда ли, что я,
Предъ Угремъ хвасталась Змѣя:
„Наружностью красива?
„Какая кожица! какія краски, цвѣтъ!
„Вся будто въ золотѣ! блещу! А ты, мой
свѣтъ . . .“

— Напрасно такъ спѣсива!

Хвастуньи рѣчь шупъ Угорь перебилъ:
Конечно спору нѣтъ: наружностью сіяешь;
Но ахъ! внутри за то опасный ядъ скрываешь. —

Къ Змѣѣ бы изъ людей иныхъ я примѣнилъ;

Да лучше удержуся:

Ихъ яду я боюсь! —

МАЗДОРЪ.

LXXV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

Сосѣдушка мой свѣшь!
 Пожалуй-спа покушай.
 Сосѣдушка! я сышь по горло. — Нужды нѣшь;
 Еще тарелочку; послушай,
 Ушица ей-же-ей на славу сварена!
 Я при тарелки съѣлъ. — И, полно! что за счѣпы!
 Лишь спало бы охопы,
 А то во здравье! ѣшь до дна.
 Что за уха! да какъ жирна!
 Какъ будто янтаремъ подернулась она.
 Попѣшь же, миленькой дружочикъ!
 Вотъ лещикъ, попроха, вотъ сперляди кусо-
 чикъ!
 Еще хотъ ложечку! да кланяйся, жена!
 Такъ подчиваль сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
 И не даваль ему ни опдыха, ни сроку.
 А съ Фоки ужъ давно капился градомъ пошь.
 Однако же еще тарелку онъ берепъ,
 Сбирается съ послѣдней силой
 И очищаепъ всю. — Вотъ друга я люблю,
 Вскричаль Демьянъ, — за то ужъ чванныхъ не
 перплю.
 Ну, скушай же еще тарелочку мой, милой.
 Тупъ бѣдной Фока мой,
 Какъ ни любиль уху, но опъ бѣды такой,

Схваптя въ охапку
 Кушакъ и шапку,
 Скорѣй безъ памяти домой.
 И съ той поры къ Демьяну ни ногой.
 Писатель! щаспливъ ты, коль даръ прямой
 имѣешь,
 Но если помолчашь во время не умѣешь,
 И ближняго ушей ты не жалѣешь:
 То вѣдай, что твои и проза и стихи
 Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.
 Крыловъ.

LXXVI.

С Н И Г И Р Ъ.

Въ избѣ пуспынника Снигирь по волѣ жилъ —
 По волѣ, по естѣ, могъ вылепывать изъ клѣпки,
 Глядѣвъ въ окно сквозь сѣпки;
 Но дѣло не о томъ: онъ спраспно пѣвъ лю-
 билъ.
 Пуспынникъ самъ игралъ прекрасно на свирѣли,
 И въ пщицѣ видя спраспъ, онъ пѣвъ ее училъ
 И подъ свирѣль свиспашъ людскія прели. —
 Снигирь ихъ перенялъ, и на голосъ людской
 Свиспъ, какъ звонкая свирѣль, переливался.
 Пуспынникъ, на руку склоняся головой,
 Не разъ пѣвцомъ по часу любовался.
 Снигирь мой щаспливъ былъ!

Чегобъ еще хотѣть въ такой щастливой часпи?

Пустынникъ Снигиря любилъ

И самъ изъ рукъ своихъ кормилъ;

Но мучать знашь и пшицъ враги спокойства —

спраспи. —

Уныль Снигирь и мало пѣль,

И часто пасмурный сидѣль

На клѣшкѣ у окошка,

Въ которую его пустынникъ запираль

Лишь на ночь, чтобъ пѣвца не подхватила кошка.

И вошь о чемъ Снигирь, случась одинъ, мечшаль:

Къ чему мнѣ все ученье?

Кто слушаетъ мое здѣсь пѣнье?

Хозяинъ мой, да кошъ!

Для нихъ весь день дери я рошъ!

Что прибыли въ такой и волъ?

Ахъ, еслибъ я въ лѣсу и въ полѣ

Хотъ разъ межъ пшицами на ладь людской за-

пѣль,

Какого пшичей родъ не слыхиваль опъ вѣка,

Онибъ, дивясь, почли, что слышають человѣка!

Менябъ и соловей послушають прилетѣль.

Да чтоже! я не запершъ въ клѣшкѣ;

Но на окно вѣдь сѣшь опущена.

Ахпи! она

Никакъ разорвана? —

Такъ почно; вылечу, спою на ближней вѣшкѣ . . .

Сказаль, вспорхнуль, въ лѣсъ темной по-

лешѣль,

И стаю рѣзвую увидѣвши пернапыхъ,

Онъ сѣлъ

Между пѣвицъ и всѣхъ пѣвцовъ крылапыхъ;
И сѣвши, посвисшомъ всю рощу огласилъ.

Пернашые вздрогнули,

Другъ на друга взглянули,

И замолчали всѣ; а мой пѣвецъ, что силъ,

И громкой флейшою и тихой цѣвницей

Свиссаль на ладъ людской предъ ппичьею спа-
ницей. —

Да что это за новый ладъ? . . .

Щегленокъ, Дроздъ и Чижь заговорилъ съ Си-
ницей:

Онъ не чирикаешъ, онъ и свиспипъ не ппицей,

Поешь какъ человѣкъ — ну что это за складъ?

Избави Боже насъ опъ едакаго тона! . . .

Вопъ каркать бы умѣлъ,

Сидѣвшая на пнѣ закаркала Ворона.

Куда какой хипрець —

Каршавой засвиссаль Скворецъ,

Поешь какъ человѣкъ! Ты видно, брапъ, уче-
ной? . . .

Слыхали мы шакихъ — прощай!

Тебѣль ужъ былъ чеша томъ попугай зеленой,

Да, да, шебѣль чеша зеленой попугай!

Скворца Сорока перервала,

Копораго въ дому господскомъ я видала;

Вѣдь какъ кричалъ — да я его перекричала!

А шы опколь? шы что поешь? Поешь онъ
вздорь!

За нею закричалъ пернапыхъ мѣлкй хоръ.

А мой пѣвецъ, оставя вѣшку,
 Скорѣй домой, скорѣй на клѣшку
 Вспорхнуль и опуспилъ головку подъ крыло. —
 Не много времени прошло,
 Какъ и пуспынникъ самъ явился;
 Съ порога до лѣсу онъ бѣглеца слѣдилъ,
 И слышалъ, какъ надъ нимъ судъ ппичій совер-
 шился.

Товарищъ, онъ сказалъ, что такъ ты приуныль?
 Ахъ, дѣдушка! ахъ, гдѣ я былъ?
 За чѣмъ я пѣнію людскому научился? ...
 Не для того, мой другъ, чшобъ пѣніемъ люд-
 скимъ

Ты передъ ппицами хвалился.
 Тебѣ урокомъ симъ
 Пусть опытъ испину полезную опкроешь:
 Чшо и у насъ людей
 Гораздо шопъ умнѣй,
 Съ волками кшо поволчьи воешь!
 Гнѣдичъ.

LXXVII.

МАРТЫШКА.

Случилось у Льва въ чины произвожденье.
 За службу должно награждатьъ;
 Но я хочу сказаць,
 Чшо злоупотребленье

И въ скопской службѣ естъ. —

„Ну, какъ безъ огорченья

„Возможно службу несть,

„Когда достоинство всегда безъ награжденья?“

Мартышка говоритъ,

На Льва разсержена.

Обижена была она

И обойденною считалась:

„Передъ лицомъ служа, Мартышкой я оспалась.

„Медвѣдь спалъ господинъ,

„И Волка наградили;

„Лисицу черезъ чинъ

„Судьею посадили

„Въ куряшникѣ рядишь.

„Случился же судью такъ кшатѣ посадить!

„А гдѣ они служили?

„Край свѣта, на войнѣ; и то

„Не вѣдаешь еще никто,

„Что били ли они, или самихъ ихъ били.

„А я,

„Хотя не воинъ,

„Хотя и не судья,

„Извѣстна служба Льву моя;

„Извѣстно, кто чего достоинъ.“

— Да гдѣжь служила ты? Барсукъ ее спросилъ. —

„Передъ самимъ царемъ два года съ половиной

„Шутила всякой день; а онъ меня сравнилъ

„Теперь съ другой скопиной,

„Котора ничего не дѣлала нигдѣ.“

— Шушила ты вездѣ,
И чиномъ наградишь тебя бы было должно.
Твой также трудъ немалъ,
Барсукъ ей пѣвалъ:
Но произвестъ тебя по службѣ не возможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ!
Что оберъ-шуповъ въ службѣ нѣтъ. —

LXXVIII.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.
Жилъ нѣкто человекъ безродной, одинакой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ складно ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлишь.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны! что и говорить!
А все прискучишься, какъ не съ кѣмъ молвить
слова.

Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось бытъ вѣчно одному.

Идетъ онъ въ лѣсъ, полкнупься у сосѣдей,
 Чѣшобъ съ кѣмъ нибудь знакомство
 свесить;

Въ лѣсу кого набрестъ,
 Кромѣ волковъ или медвѣдей?

И почно встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
 Но длать нечего, снимаетъ шляпу
 И милому сосѣдушкѣ поклонъ;
 Сосѣдъ ему просягиваетъ лапу,
 И слово за слово, знакомятся они;
 Потомъ дружатся;

Потомъ не могутъ ужъ разстаться
 И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.

О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
 Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
 И какъ бесѣда шла у нихъ,
 Я по сію не знаю пору.

Пустынникъ былъ не говорливъ,
 Мишукъ съ природы молчаливъ,

Такъ изъ избы не вынесено сору.

Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
 Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ,
 Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки пошнися,
 И Мишенькой не можешь нахвалишься.

Однажды вздумалось друзьямъ
 Въ день жаркой побродить по рощамъ, по лу-
 гамъ,

И по доламъ, и по горамъ;
 А такъ какъ человѣкъ Медвѣдя послабѣ,
 То и Пустынникъ нашъ скорѣе,

Чѣмъ Мишинька успалъ
 И отставаешь отъ друга спалъ.
 То видя, говоришь, какъ пушной, Мишка другу:
 Прилягь-ко, брашь, и отдохни,
 Да коли хочешь, шакъ сосни;
 А я посберегу тебя здѣсь у досугу.
 Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
 Да потчасъ и заснулъ.
 А Миша на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
 У друга муха на носъ сѣла;
 Онъ друга обмахнулъ;
 Взглянулъ,
 А муха на щекѣ; — согналъ — а муха снова
 У друга на носу,
 И неопвязчивѣй часъ отъ часу.
 Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
 Увѣсистой булыжникъ въ лапы сгрѣбъ,
 Присѣлъ на коршочки, не переводить духу,
 Самъ думаетъ: молчижь! ужъ я тебя восприху! —
 И у друга на лбу подкарауля муху,
 Что силы есть, хвасть друга камнемъ въ
 лобъ.
 Ударъ шакъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раз-
 дался
 И Мишинъ другъ лежащъ надолго шамъ оспался.
 Крыловъ.

Д. В. КОКОРЕВА

LXXIX.

ДОНЪ - КИШОТЪ.

Надсѣвшись Донъ - Кишотъ съ баранами сра-
жапсья ,

Рѣшился лучше ихъ пасши,
И жизнь невинную въ Аркадіи вести.

Проворнымъ долголь снаряжапсья?

Обломокъ дрошика пошель за посошокъ,

Копомкой съ табакомъ мѣшокъ,

Фуфайка спальная паспушечьимъ камзоломъ,

А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ поломъ,

У ключницы своей соломенную взялъ,

И лентой розоваго цвѣта

Подъ блѣдны щоки подвязалъ

Узлами на манеръ букета.

Спустилъ на волю кобеля,

Который къ хлѣбному прикованъ былъ анбару;

Послалъ въ мясномъ ряду купишь барановъ пару,

И спадо онъ свое разсыпалъ на поля

По первому морозу,

И началъ воспѣвать зимой весенню розу.

Но въ эпомъ худа нѣшь: веселому все въ ладь,

И пусть играешъ всякъ любимую игрушкой;

А вошь чпо не въ попадь:

Идешь коровница — почтя ее паспушкой,

Согнуль нашъ паспушокъ колѣна передъ ней,

И размахнувъ руками,

Опборными словами

Пустился пѣшь эклогу ей:

„Аглая! — говоришь, прелестная Аглая!
Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ!
Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
Лелѣяшь и любишь овечекъ лишь своихъ?
Послушай, милая! тамъ, позади кусточковъ,
На деревѣ гнѣздо нашель я голубочковъ:
Прими въ подарокъ ихъ опъ сердца моего;
Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ;
Увы! мнѣ, кромѣ ихъ, Богъ не далъ ничего!
Они бѣлы, какъ снѣгъ, равны съ шобою цвѣ-
томъ,

Но сердце не швое у нихъ!“
Межъ шѣмъ, какъ полсная коровница Аглая,
Кудрявыхъ словъ такихъ
Сѣдаго паспушка совсѣмъ не понимая,
Стоишь, разинувъ ротъ и выпуча глаза:
Ревнивый мужъ ея, подслушавъ Селадона,
Такого далъ ему шуза,
Что онъ невольно лбомъ опшѣсилъ при по-
клона;
Однакожь головы и шупъ не пошерялъ.

„Паспухъ-невѣжда! онъ вскричалъ:
Не смѣй ты нарушать закона!
Начнемъ паспушій бой;
Пусть побѣдителя Аглая увѣщаетъ!
Не бей меня, но пой!“

Мужъ грубый кулакомъ вторичнымъ опшѣчаетъ,
И, къ щасшью, въ глазъ, а не въ високъ.
Тупъ нѣжный, вѣрный паспушокъ,

Смекнувъ, что это въявь увѣче, не проказа,
 Чрезъ поле рысакѡмъ во весь пусшилсѧ духъ,
 И съ этой спалъ поры ни вишѧзь, ни паспухъ,
 Но просто: дворянинъ безъ глаза.

*

Ахъ! часто и въ себѣ я это замѣчалъ,
 Что глупоспи бѣжа, въ другую попадалъ.

ДМИТРИЕВЪ.

LXXX.

ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
 Былъ тощъ, худой
 Такой,

Что кости лишь одни да кожа;

И Волку этому случись

Съ Собакою сойшись,

Которая была собой росла, пригожа,

Жирна,

Дородна и сильна.

Волкъ радъ бы всей душой съ Собакою схва-
 щисься,

И ею поживисься;

Да полно для того не смѣлъ,

Что не по немъ была Собака,

И не по немъ была бы драка.

И такъ со стороны учивой подошелъ,

Лисой къ ней началъ подбиваться:

Ея дородству удивляться,
 И всячески ее хвалишь.
 Не стоишь ничего тебѣ такимъ же бышь,
 Собака говоришь: какъ скоро согласишься,
 Идши со мною въ городъ жишь.
 Ты будешь весь иной, и шакъ переродишься,
 Чшо самъ себѣ не надивишься.
 Чшо ваша жизнь и впрямь? скипайся все,
 рыщи,
 И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи;
 А даромъ и кускомъ не думай поживишься:
 Все съ бою должно взять;
 А эшо на какую спать?
 Куда такая жизнь годишься?
 Вѣдь посмотришь, шакъ въ чемъ душа-то пра-
 во въ васъ.
 Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испиные,
 Поджарые, худые.
 Нѣшь, то-то жизнь-то какъ у насъ!
 Ёшь не хочу, всего, чего душа желаешь.
 Послѣ гостей.
 Костей, костей,
 Ошпашковъ опъ стола, шакъ сполько ихъ бы-
 ваешь,
 Чшо не куда дѣвать;
 А ласки опъ господъ, ужъ подлинно сказаць!
 Распаялъ Волкъ, услыша вѣсть шакую,
 И даже слезы на глазахъ
 Опъ размышленія о будущихъ пирахъ.
 А должностъ опправляешь за эшо мнѣ какую?

Спросилъ Собаку Волкъ. — „Что? должностъ?

ничего;

„Вопъ только лишь всего:

„Чтобъ не пускать на дворъ чужова никого;

„Къ хозяину ласкаться,

„И около людей домашнихъ увиваться!“

Волкъ слыша это все, не шель бы, а лешѣль.

И лѣсъ ему такъ омерзѣль,

Что про него ужъ онъ и думать не хотѣль;

И всѣхъ Волковъ себя щасливѣе счищаетъ.

Вдругъ на Собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,

Что съ шеи шерсть у ней сошла.

— А это что такое,

Что шея у тебя гола? —

„Такъ, это ничего, пустое.“

— Однако нѣтъ, скажи. — „Такъ, право ничего.

Я чаю,

Все это опъ того,

Когда я иногда на привязи бываю.“

— На привязи? шупъ Волкъ вскричалъ:

Такъ ты не все живешь на волѣ? —

„Не все, да полно что въ шомъ нужды? песь
сказаль.“

— А нужды сполько въ шомъ, что не хочу я
болѣ

Ни за что всѣхъ пировъ пвоихъ:

Нѣтъ! воля мнѣ дороже ихъ;

А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги. —

Сказаль, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

Хемницерь.

LXXXI.

В О Р О Н А.

Когда Смоленскій Князь,
 Прошиву дерзости искусствомъ вооружась,
 Вандаламъ новымъ съѣсть поставилъ
 И на гибель имъ Москву оставилъ;
 Тогда всѣ жители, и малой и большой,
 Часа не протая, собралися
 И вонь изъ спѣнь Московскихъ поднялися,
 Какъ изъ улья пчелиной рой.
 Ворона съ кровли тушь на эшу всю тревогу
 Спокойно чистя носъ, глядишь.
 А ты чужою, кумушка, въ дорогу?
 Ей съ возу Курица кричишь.
 Вѣдь говоряшь, что у порогу
 Нашъ сопосащъ.
 „Мнѣ что до этого за дѣло?
 Вѣщуныя ей въ отвѣтъ: я здѣсь останусь смѣло;
 Вошь ваши сестры какъ хомятъ,
 А вѣдь воронъ, ты знаешь, не ѣдятъ;
 Такъ мнѣ съ гостями не мудрено ужиться.
 А можешь быть еще удастся поживиться
 Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
 Прощай, хохлапочка, щастливый путь!“
 Ворона подлинно осталась;
 Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
 Какъ голодомъ моришь Смоленскій спаль гостей,
 Сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчешахъ слѣпъ и глупъ!
 За щасшьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
 А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,
 Попался какъ ворона въ сунъ!

Крыловъ.

LXXXII.

ОРЕЛЬ и ЗМЬЯ.

Орель изъ области громовъ
 Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
 И встрѣшилъ тамъ Змью, ползущую по праху.

Зависпливая шварь

Шипитъ и на Орла кидается съ размаху.

Чтожь дѣлаешь пернатыхъ царь?

Бросаешь гордый взглядъ, и къ солнцу возле-
 таешь. —

Такъ Геній своему хулипелю опмщаетъ!

Дмитріевъ,

LXXXIII.

МЕРКУРІЙ и УМЕРШІЕ.

Къ Плутону грозному, въ жилище страшныхъ
 фурій,

Умершихъ провожалъ Меркурій;

Ихъ было четверо: красавица, герой,

Старикъ и спиходѣй. Они потчасъ дорогой

Вспунили въ рѣчи межъ собой.
 — Ударъ Судьбы, несносный, сстрогой!
 Сказала дѣвушка: какъ въ юности такой
 Оспавишь бѣлый свѣтъ, съ весельями про-
 ститься?

Любовникъ нѣжный мой
 На вѣки осуждень крушишься.
 Онъ щастіе во мнѣ лишь находилъ одной!
 Съ такою пылкою душой
 Онъ безъ меня и жить не будетъ;
 А если будетъ живъ, то вѣрно не забудетъ. —
 „Что дѣлашь? говорилъ Старикъ:
 Повѣрь, красавица, и мой уронъ великъ:
 Разспался я съ женою,
 Съ любезными дѣтьми; надъ гробовой доскою,
 Я знаю, что они теперь лютъ рѣки слезъ...
 Пошли опраду имъ Зевесъ!“

— Что ты передо мною?

Съ презрѣніемъ Герой вскричалъ:
 Я именемъ моимъ вселенну наполнялъ,
 И ужасъ былъ враговъ! въ исторіи конечно
 Великаго вождя жить будетъ имя вѣчно.
 Скажите, кто со мной равняется изъ васъ? —
 „Не обижайте насъ!

Отвѣтствовалъ Пипъ: вы служите примѣромъ
 Всѣмъ полководцамъ... можете быть!

Но въ памяти людей я долъ буду жить.

Что Ахиллесъ передъ Гомеромъ?
 Всѣ будутъ наизустъ стихи мои твердить,

И прославляя оды громки,
 Восплачущь обо мнѣ, любимцѣ Музъ, попомки!..
 — Вы ошибаетесь! крылатый богъ сказалъ:

Любовникъ твой теперь другую увѣряешь,
 Что ей онъ сердце посвящаетъ,
 И что прямой любви доселѣ онъ не зналъ.

Въ твоёмъ, спарикъ, огромномъ домѣ
 Идетъ ужасная война:

Въ судъ прозѣба на дѣшай женою подана;
 Она хотѣлабъ ихъ всѣхъ видѣть на соломѣ;
 Мѣшки разложены, и дѣшки — въ кладовой;

Не слезы льются, дождь злапой.
 О подвигахъ твоихъ, непобѣдимый воинъ,
 Никто не говоритъ;

Лишь имя твоего преемника гремитъ:
 Онъ болѣе тебя всѣхъ почестей достоинъ;
 Онъ истинный герой! такъ носится молва.
 А ты, набиная спихами голова,
 Великій рифмопачъ, слывешь пѣвцомъ несклад-
 нымъ,
 И журналистамъ въ снѣдъ оспался непощад-
 нымъ. —

Меркурій точно правъ. Мы люди шаковы.
 Ближайшихъ къ сердцу забываемъ,
 И съ ними навсегда — увы! —
 Любовь и горестъ погребаемъ.

Пушкинъ.

LXXXIV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНЬ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попаль на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуявъ сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.

Псари кричатъ: ахти! ребята, воръ!

И въ мигъ вороша на запоръ;

Въ минушу псарня спала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ;

Огня! кричатъ, огня! — Пришли съ огнемъ.

Мой Волкъ сидишь, прижавшись къ углу задомъ,
Зубами щолкая и оцешиня шерсть;

Глазами, кажется, хопѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть,

Но видя то, что шупъ не передъ спадомъ,

И что приходитъ наконецъ,

Ему расчестся за овецъ,

Пустился мой хипрець

Въ переговоры,

И началъ такъ: Друзья! къ чему весь эшопъ
шумъ?

Я вашъ старинный свать и кумъ;

Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради
ссоры.

Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,

А я не только впредь не трону здѣшнихъ спадъ,

Но самъ за нихъ я грызться радъ,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я — — „Послушай-ко, сосѣдъ,
 Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ,
 Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ,
 И волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой
 Съ волками иначе не дѣлать мировой,
 Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.“ —
 И шутъ же выпустилъ на волка гончихъ спаю.
 Крыловъ.

LXXXV.

БЕКАСЪ, СНИГИРЬ и ВОРОНЪ.

Бекасъ леталъ, леталъ по чуждымъ сторонамъ,
 Но скучился и утомился
 И въ лѣсъ родимой возвратился
 Къ своимъ знакомымъ и друзьямъ;
 А тѣ Бекаса обступили,
 И рассказать его просили,
 Что видѣлъ онъ, и что хорошаго узналъ.
 „Щаспливъ!“ Снегирь ему сказалъ:
 Ты видѣлъ то, чего мы съ роду не видали!
 Ты веселился тамъ, — мы здѣсь скучали...
 И можноль не скучать?
 Какая сторона и мѣстоположеніе!
 Пустыня здѣсь, уединеніе!
 Да эшобъ ничего, но пшичники, спрѣлки,

Приманки тайныя, силки,
Злодѣи коршуны грозятъ всегда бѣдою!

Съ спокойною душою

Не лѣзя минушы здѣсь прожить!

Пришлось дни горькіе влачить!

Ей, ей, наскучило! Когда бы только можно,
Давно вспорхнулъ бы самъ въ прелестныя края!

Но какъ бышь? по неволѣ должно
Томишься и скучаешь! — лѣпше не лѣзя!

Ну какъ друзей, родныхъ оставишь?

Лишь къ горю горя имъ прибавишь.“

— Ахъ! — отвѣчалъ Бекасъ:

И тамъ, гдѣ я бывалъ, бѣды, повѣрыше, тѣ же;

И тамъ, друзья мои, нерѣже

Губяшь, спрѣляюшь, ловяшь насъ!

Такіе же спрѣлки, такіежъ пшицеловы,

Такіяжъ сѣпи, ковы,

Силки и коршуны!... Ужъ нынѣ вѣкъ таковъ!

Вездѣ опасности! Вошь если бы мы жили

Въ вѣкъ нашихъ прадедовъ, то вѣрнобъ не ту-
жили

И не спрашились бы силковъ,

Иль пшичниковъ, или спрѣлковъ.... —

„Не врише пустяковъ!“ такъ Воронъ уста-
рѣлый,

... Прожившій съ сотню лѣтъ,

И знавшій опытностью свѣтъ,

Бекаса перервалъ: — вашъ разумъ несозрѣлый

Еще не въ силахъ разсуждать!

Старинный вѣкъ хвалишь и новый охуждаешь

Лишь опытноспи можно!
 Впредь помнише совѣтъ:
 Когда болпливъ—болшай, но только оспорожно.
 Въ вѣкахъ, повѣрьте, нѣтъ
 Различія ни мало!
 Что нынѣ, то и въ старь бывало;
 И сѣти, и спрѣлки,
 И пшицеловы, и силки
 Бывали, есть вездѣ, и будущъ вѣчно!
 Вы сомнѣваетесь конечно,
 Но вотъ еще пословица для васъ:
 Тамъ только хорошо, гдѣ нѣтъ лишь насъ!
 Маздорѣ.

LXXXVI.

КОТЪ, КРОЛИКЪ и ЛАСТОЧКА.

Случилось Кролику отъ дома оплучиться,
 Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
 На тѣминѣ, вспрыснутомъ росой.
 Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
 Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
 Приходитъ Кроличекъ домой, —
 И чтоже? чупъ его не подкосились ноги!
 Онъ видитъ: Ласточка разспавливаетъ шамъ
 Своихъ Пеналковъ по угламъ!
 Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!
 Изгнанникъ возопилъ
 Изъ кошеческаго дома.

„Что надобно? вопросъ хозяйки новой былъ.“

Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Скорѣй отсюда вонъ, ей Кроликъ отвѣчалъ:
Пока я всѣхъ мышей на помощь не призывалъ!
„Мнѣ выдти вонъ? она вскричала, вопъ пре-
красно!

Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? и спойтъ ли войны
Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты вхо-
дишь?
Но пусть и царство будь, не всѣмъ мы здѣсь
равны?

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя и Дромадера,
А землемѣра
Опнудъ не создавалъ.

Ктожъ болѣе права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну
Филафа, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служишь наравнѣ;
Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка спала.“

Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, давность — ихъ закономъ,
Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домою,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, управленъ былъ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его

Достался, въ силу права,
 Тожь сыну, именно, мнѣ Кролику Пепиру;
 Но если думаешь, что вру,
 Такь отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава!* —
 А эшошь *Крысодавъ*, сказашь безъ многихъ словъ,
 Быль постный, жирный Кошь, мужъ свящъ изъ
 всѣхъ Кошовъ,
 Пустынникъ набожный средь свѣта,
 И въ казусныхъ дѣлахъ оракуль для совѣта.
 „Съ охотой!“ Ласточка сказала. — И пошомъ
 Пошли они къ Кошу. Приходящъ, бьющъ челомъ,
 И оба говорятъ: „Помилуй!“ — разсудите! . . . —
 Поближе, дѣшущки! ихъ перерваль судья:
 Не слышу я,
 Ошъ старости спаль глухъ; поближе подой-
 дите! —
 Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,
 А онъ
 Вдругъ обѣ лапы врознь, царапъ шого, другова,
 И въ мигъ ихъ примириль,
 Не вымолвя ни слова:
 Задавиль.

Не пожелъ иногда бываетъ съ Корольками,
 Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
 Не могутъ примириться сами,
 А прибѣгають къ Королямъ?

ДМИТРИЕВЪ.

LXXXVII.
 М Е Т А Ф И З И К Ъ.

Опець одинъ слыхаль,
 Чшо за море дѣшей учишься посылаютьъ,
 И чшо того, кшо за моремъ бывальъ,
 Ошъ небывалова и съ вида опличаютьъ.

Такъ чшобъ ошъ прочихъ не опсшашъ,
 Опець немедленно рѣшился
 Дѣшину за море послашъ,
 Чшобъ доброму онъ шамъ понаучился.

Но сынъ глупѣе ворошился:
 Попался на руки онъ школьнымъ шѣмъ вралямъ,
 Которые съ ума не разъ людей сводили,
 Неисполкуемымъ давая толкъ вещамъ;

И малова не научили,
 А на вѣкъ дуракомъ пустили.
 Бывало въ глупоспи онъ по проспу болшаль,
 Теперь все свысока безъ толку полковальъ.
 Бывало глупые его не понимали,
 А нынѣ разумѣшъ и умные не спали.
 Домъ, городъ и весь свѣшъ враньемъ его ску-
 чальъ.

Въ метафизическомъ бѣснуйся размышленьи
 О заданномъ одномъ спаринномъ предложеньи:

Сыскашъ начало всѣхъ началъ;
 Когда за облака онъ думой возносился,
 Дорогой шедши оступился,
 И въ ровъ попалъ.

Опець, которой съ нимъ случился,
Скорѣ бросился веревку принести,
Премудрость изъ рва на свѣтъ произвести.

А думной между тѣмъ дѣшина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
„Какая бытъ могла причина,
Что оступился я и въ эшотъ ровъ попалъ?

Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое спремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье.“...

Опець съ веревкой прибѣжалъ.

— Вотъ, говоришь, тебѣ веревка; ухвачися.

Я пошщу тебя, держися. —

„Нѣтъ, погоди пащить; скажи мнѣ напередъ,

Понесъ спуденщъ обычной бредъ:

Веревка вещь какая?“

Опець его былъ неучень,

Но разсудителень, уменъ;

Вопросъ ученый оставляя,

Веревка вещь, ему опвѣстивоваль, такая,

Чшобъ ею вышщить, кшо въ яму попадешъ. —

„На эшобъ выдумаешь орудіе другое!

Ученый все свое несешъ:

А эшо что такое?...”

Веревка! — вервѣ простое!“

— Да время надобно; опець ему на шо:

А эшо хошь не ново,

Да благо ужъ гошово. —

„Да время что?“...

— А время вещь такая,
 Которую съ глупцомъ не спану я терять;
 Сиди, сказалъ опець, пока прійду опять. —
 Что если бы вралей и остальныхъ собрашь,
 И въ яму къ этому въ товарищи послашь? . . .

Да яма надобна большая!

Хвмницерь.

LXXXVIII.

СМЕРТЬ и УМИРАЮЩІЙ.

Одинъ охотникъ жишь, не старѣ ста лѣшь,
 Предъ Смертію дрожишь и вопишь,
 За чѣмъ она его торопишь
 Въ располхъ оставишь свѣшь,
 Не давъ ему свершишь, какъ водился, духовной,
 Не предваря его хоть за годъ напередъ,
 Что онъ умреть.
 Увы! онъ говоришь: а я лишь въ подмосков-
 ной
 Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласъ;
 Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправишь
 И правнуковъ женишь! а шамъ . . . твоя ужъ
 власть!
 Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оста-
 вишь. —
 „Неблагодарный! Смерть отвѣстствуетъ ему:
 Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;

Тебѣ бы одному
 Не умирашь на свѣшѣ!
 Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, — десятка даже
 Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.
 Ты думаешь, что я должна бы приготоуишь
 Заранѣ тебя къ свиданію со мной:
 Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
 Духовную свершить, заводъ поправить свой,
 И правнуковъ женишь; а развѣ мало было
 Навѣшокъ опъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
 Не ты ли спаль ходишь, глядѣшь и слышаешь
 Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ осла-
 бѣлъ,
 Увянуль цвѣтъ ума и память прищупилась,
 Годъ опъ году хладѣла кровь;
 Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя по-
 милась,
 И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
 Съ которыхъ лѣтъ уже опъсюду поражаетъ
 Тебя печальна вѣсть: тошь сверспникъ уми-
 раешь,

Тошь умеръ, этошь занемогъ
 И на одрѣ мученья?
 Какогожь болѣе хощѣлъ ты извѣщенья?
 Короче: я уже спуила на порогъ,
 Забудь и горе и веселье;
 Исполни мой успавъ! “

Сказала, и шарикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не доспроя домъ, попалъ на новоселье!

*

Смерть права: во сто лѣтъ опсрочки поздно
ждашь;

Да какъ бы въ старости спрашиться умирашь?
Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
Такъ должно выходить, какъ госпъ опходишь
съ пира,

Опдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.

Пути не миновашь, къ чему жъ послужишь спонъ?

Ты съшуешь, шарикъ! Взгляни на ратно поле,

Взгляни на юношей, на эпошь милый цвѣтъ,

Которые летяшь на смерть по доброй волѣ,

На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,

На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,

Но часто тяжкую, припомъ неизбежиму! . . .

Да чпо! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣтъ:

Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

ДМИТРИЕВЪ.

LXXXIX.
СОНЪ МОГОЛЬЦА.

Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
 Ужь подлинно чудесной!
 Вдругъ видишь, будто онъ,
 Какой-то силой неизвѣстной,
 Внесенъ въ обители всевышняго Царя,
 И шамъ — подумайте! — находить Визиря!
 Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
 Кого — прошу сказать — узналъ онъ въ адской
 мглѣ?
 Дервиша! да, Дервишъ, служитель Орозмада,
 Въ котлѣ,
 Въ клочущей смолѣ,
 На ужинъ дьяволамъ варился!
 Моголецъ ухъ! и навскочь пробудился!
 Скорѣй бѣжать за колдуномъ,
 Поклоны въ поясъ, — бьетъ челомъ!
 „Опецъ мой, истолкуй чудесное видѣнье!“
 Твой сонъ есть Божій гласъ — колдунъ ему въ
 отвѣтъ —
 Визирь въ раю за то, что въ области суешъ,
 Средь пышнаго двора, любилъ уединенье!
 Дервишужъ по дѣломъ! не будь онъ суесвятъ;
 Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ;
 Не суйся къ Визирямъ ходить на поклоненье!
 Когдабъ, не бывши колдуномъ,
 И я прибавилъ могъ къ словамъ его два слова;

Тогда, не мѣня въ даль, просиль бы объ одномъ:
 Друзья, любите сѣнь родительскаго крова!
 Гдѣжь щаспье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
 Съ забвеніемъ суешь, въ обителяхъ свободы?
 О блага чистыя! о сладкій даръ природы!
 Гдѣ вы, мои поля, гдѣ вы, любовь весны?
 Страна, гдѣ я разцвѣлъ, въ тѣни уединенья,
 Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась?
 О рощи, о друзья! когда увижу васъ?
 Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
 Вкушаю мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
 О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?
 Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
 Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
 При нихъ мои часы весельемъ окриленны!
 Тогда поспигну ходъ таинственныхъ небесъ,
 И выпреннихъ свѣтилъ спези неопкровенны,
 Когдажъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ,
 Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ,
 Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ,
 Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихой шокъ!
 Нить жизни моя совьется не изъ злапа,
 Мой низокъ будетъ кровъ, постеля небогата,
 Но меньше бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ,
 И меньше онъ души невинной услажденье!
 Ему преобращу мою пустыню въ храмъ.
 Придешь ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ:
 Мой вѣкъ былъ тихой день, а смерть успо-
 коенье!

Жуковскій.

ЛС.

Д В А Г О Л У Б Я.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.

Соскучился одинъ все видѣшь пожь да пожь,
Задумаль погулять и другу въ томъ открылся.

Тому вмѣстѣ эша острый ножъ;

Онъ вздрогнуль, прослезился

И къ другу возопиль:

„Помилуй, брашець! чѣмъ меня ты поразиль?

Легколь въ разлукѣ бышь? . . . Тебѣ легко, жесто-
кой!

Я знаю; ахъ! а мнѣ . . . я съ горести глубокой

И дня не проживу . . . Къ тому же разсуди,

Такая ли пора, чшобъ въ странствіе пускашься?

Хоть до Зефировъ ты, Голубчикъ, погоди!

Къ чему спѣшишь? Еще успѣемъ мы расстаться!

Теперь лишь Воронъ прокричалъ,

И безъ сомнѣнія, спрашуся я безмѣрно! —

Какой нибудь изъ птицъ напастъ онъ предвѣ-
щаль,

А сердце въ горести и пуще имовѣрно!

Когда расстанусь я съ тобой,

То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:

То Ястребомъ лихимъ, по люпыми стрѣлками;

То Коршунами, по силками —

Все злое сердце мнѣ на память приведешь.

Ахши мнѣ! я скажу, вздохнувши, дождь идешь!
Здоровъ ли-то мой другъ? не терпишь ли онъ
холодъ?

Не чувствуешь ли голодъ?
И мало ли чего не вздумаю тогда!“

Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:

Журчишь и мимо пропекаешь.

Запѣйникъ слушаешь, вздымаешь,

А все-таки лепѣшь желаешь.

„Нѣшь, брашець! шакъ и бышь, сказалъ онъ, по-
лечу!

Но вѣрь, что я тебя крушишь не захочу;

Не плачь, пройдешь дни три, и буду я съ
тобою

Клевапъ

И ворковапъ

Опять подъ кровлею одною;

Начну рассказывать тебѣ по вечерамъ —

Вѣдь все одно да пожь приговорится намъ —

Что видѣль я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ
худо;

Скажу: я памъ-то былъ, такое видѣль чудо,

А памъ случилось то со мной,

И ты, дружечикъ мой,

Наслушавъ меня, такъ свѣдушь будешь къ
лѣшу,

Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣту.

Проспижь!“ — При сихъ словахъ

На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*

Друзья взглянулись, поклевались,

Вздохнули и распались.

Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;

Другой вспорхнулъ, взвился, лепишь, лепишь
спрѣлою,

И вѣрнобъ сгоряча край свѣта залепѣлъ;

Но вдругъ покрылось небо мглою,

И прямо спраннику въ глаза

Изъ пучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказашь
вамъ словомъ,

Со всею свишою, какъ водишься, гроза.

При случаѣ такомъ опасномъ, хошь не но-
вомъ,

Голубчикъ поскорѣй сядишся на сучокъ,

И радъ еще тому, что только лишь измокъ.

Гроза утихнула, Голубчикъ обсушился,

И въ пущь опять пустился;

Лепишь, и видишь съ висока

Разсыпано пшено, а возлѣ Голубка!

Сядишся, и въ минушу

Запушался въ сѣпи; но сѣть была худа,

Такъ онъ прошивъ нее носкомъ вооружился;

То имъ, по ножкою пянувъ, пянувъ — про-
бился

Изъ сѣпи безъ вреда,

Съ упрямою перьевъ лишь, но это ли бѣда?

Ко прибавленью спраха

Явился вдругъ Соколь, и со всего размаха

Напаль на бѣдняка,

Копорый, какъ злодѣй, опушанъ кандалами,

Тащиль съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но, къ щастью, шупъ Орель съ широкими кры-
лами

Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ;
И такъ, благодаря спеченію воровъ,
Наша пушникъ Соколу въ добычу не достался;
Однако все еще съ бѣдой не развязался:
Леша отъ Сокола, отъ сѣтраха, или шакъ,
Насунулся избы на уголь какъ дуракъ,
И вывихнулъ крыло; потомъ въ него мальчишка —
Знашь голубиный былъ и въ томъ еще умишка —

Кирпичъ иль камешекъ лукнулъ
И такъ его зашибъ, что чупъ онъ опдохнулъ;
Потомъ . . . потомъ, проклявъ себя, судьбу, до-
рогу,
Рѣшился брестъ назадъ, полмертвый, полхромой,
И прибылъ наконецъ калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хотипшеть спрансповатъ? Забудьте гордый
Ниль,
И далъ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхи-
щайтесь!
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
Бываешь ли въ любви хоть мигъ, для сердца
праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнишь для васъ.

Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенной,
 Присутствіемъ моей любезной озаренной,
 Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
 Ни царства въ небесахъ! . . . Придетель вы на-
 задъ,

Минушы радостей, минушы восхищеній?
 Иль буду я однимъ воспоминаемъ жить?
 Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
 И полно мнѣ любить?

ДМИТРИЕВЪ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

А. В. КОКОРЕВА

Buchbinderei
Theo Storfinger
8260 Altmühlhof

Sobranie obrazcovych ruskich sočinenij i perevodov v stichach

Bd.: 3. (1815). - IV, 333 S. : 1 Ill.

Sanktpeterburg 1815

L.eleg.g. 585 x-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10575594-2